9(С19)
11367.96р
91
С32

Серошевский В.
Дальний Восток.

1105

91(с19)
С32

ВАЦЛАВЪ СѢРОШЕВСКІЙ.

ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ.

ОЧЕРКИ.

2-е дополненное изданіе.

Четвертая тысяча.

1136796 р (31)

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТЮ[illegible]АЯ.
обл[illegible]отека.
Сек[illegible]акти

Типографія Н. П. Собко, Почтамтская, 13.

I.

У порога.

Сквозь открытыя двери виднѣется впереди лазорево-золотистая даль океана, сливающаяся съ синевой неба. Ближе, на низменномъ островѣ, колышется плавно лѣсъ стройныхъ иностранныхъ деревьевъ. Волны мягко и мѣрно плещутъ, выбрасывая на желтыя мели пѣнистыя, плоскія взводни. Теплый вѣтерокъ несетъ оттуда острый, соленоватый запахъ пригрѣтыхъ солнцемъ водорослей и ракушекъ...

А за собою я слышу тихій зовъ, несмолкающій, веле-голосый стонъ!.. О, какъ охотно я взялъ бы васъ всѣхъ съ собою, васъ всѣхъ, уставшихъ въ круговоротѣ будничной жизни!

Полетѣли бы мы съ вами къ сіянію солнца, къ порывамъ свѣжаго вѣтра, къ колыхающимся плавно волнамъ. Привольно расправилась бы тамъ наша сжатая въ тѣснотѣ грудь, дрогнули и затрепетали бы вновь наши омертвѣлыя, забытыя мечты юности, расправили и простерли бы во всю длину свои радужныя крылья!..

Мы глотали-бы живительный эфиръ свободныхъ горныхъ высотъ до тѣхъ поръ, пока опять не вернулась-бы къ намъ жажда подвига и радость бытія!..

Не думая о завтрашнемъ днѣ, мы скользили-бы беззаботно по безпредѣльнымъ синимъ пучинамъ на окрыленныхъ корабляхъ...

Бродили-бы мы по мелкимъ, горячимъ пескамъ, сбросивши съ ногъ жесткую городскую обувь!

Пробирались-бы мы въ самые глухіе закоулки лѣсовъ, гдѣ живутъ удивительныя существа, гдѣ растутъ неизвѣстные цвѣты, гдѣ зрѣютъ чудные ядовитые плоды...

Въ чужихъ храмахъ, среди другихъ народовъ мы запомнили-бы разъ навсегда, что кровь и слезы всѣхъ окрашены въ тотъ же цвѣтъ и блескъ...

Мы посѣщали-бы развалины древнихъ городовъ и побывали-бы въ опустѣлыхъ дворцахъ, заходили-бы въ убогія хижины бѣдняковъ и въ палаты властелиновъ съ одинаковымъ чувствомъ доброжелательства, расположенія и снисхожденія, ибо вездѣ есть свое горе, и вездѣ воля человѣка плѣнена его судьбой!.. Намъ бы въ этомъ не мѣшали жгучія, родныя страданія, оставленныя на время далеко!..

Наконецъ, пресыщенные впечатлѣніями, отдохнувшіе душой, мы вновь услышали-бы тотъ сдавленный, велеголосый стонъ, знакомый, властный зовъ, отголосокъ котораго мы постоянно носили на днѣ нашего сердца, временно затихшій и притаившійся, точно жемчужина окрѣпшей росинки въ чашкѣ закрытаго цвѣтка...

И вернулись-бы мы къ своимъ сильные и добрые, чтобы опять подставить свои плечи подъ тяжесть жизни, которую необходимо все катить въ гору и въ гору, чтобы она не задавила въ конецъ всѣхъ дорогихъ намъ, оставшихся подъ нами внизу...

О вы, усталые братья мои, я ухожу съ мыслью о васъ и, думая о васъ, буду жадно запоминать очертанія невѣдомыхъ странъ, чтобы со временемъ разсказать о нихъ вамъ и на мгновеніе хотя раздвинуть затворы окружающихъ васъ стѣнъ...

II.

Вмѣсто предисловія.

— Позвольте плацъ-карту въ сибирскомъ экспрессѣ.

— А мѣсто вы заказали?

— Да, телеграммой изъ Петербурга два дня тому назадъ.

Блѣдная малокровная кассирша медленно и сонно ищетъ телеграмму въ кучѣ бумагъ.

— Телеграмма гдѣ-то затерялась. Ахъ, вотъ она. Извините. Въ которомъ классѣ вы ѣдете?

Предъявляю билетъ на безплатный проѣздъ, выданный мнѣ Министерствомъ Путей Сообщенія.

— По этому билету... съ сибирскимъ курьерскимъ поѣздомъ... вамъ нельзя ѣхать!—медленно говоритъ кассирша.

— Почему-же? Вѣроятно вы не замѣтили, что билетъ снабженъ штемпелемъ, дающимъ мнѣ право на свободный проѣздъ и со скорыми и съ курьерскими поѣздами.

— Какъ же, я это замѣтила. Но дѣло въ томъ, что мы... получили... циркуляръ относительно экспресса.

— Такъ значитъ, на сибирской дорогѣ имѣются еще и другіе скорые поѣзда?

Кассирша качаетъ отрицательно головой.

— Нѣтъ,—курьерскій поѣздъ только одинъ.

— Такъ откуда же это противорѣчіе? Какой это циркуляръ, и гдѣ о немъ можно узнать? Мнѣ кажется, что вы неправильно его толкуете. Я въ правѣ толковать его въ свою пользу. Еслибы я зналъ о его существованіи, такъ просилъ бы о приложеніи соотвѣтственнаго штемпеля, и полагаю, что министерство не отказало бы мнѣ въ этомъ. Я очень тороплюсь и долженъ непремѣнно ѣхать съ этимъ поѣздомъ.

— Возьмите билетъ за деньги.

— Ну, вы изволите шутить. Не имѣю ни малѣйшаго желанія. Меня посылаетъ правительственное учрежденіе, и лишь потому я пользуюсь правомъ свободнаго проѣзда.

— Въ такомъ случаѣ обратитесь къ начальнику станціи или къ начальнику движенія. Безъ ихъ разрѣшенія я вамъ не выдамъ билета на мѣсто и не приложу штемпеля на проѣздъ. Предписаніе говоритъ вполнѣ ясно: нельзя.

Начальника станціи нѣтъ, и неизвѣстно, гдѣ онъ. Оставляю безплодные поиски его, сажусь на извозчика и отправляюсь прямо въ управленіе Московско-Курской желѣзной дороги.

Морозный вѣтеръ мететъ ледяныя иглы прямо въ лицо. Желтыя, красныя, зеленыя, голубыя и сѣрыя строенія города неясно мелькаютъ въ снѣжномъ туманѣ. Холодъ пронизываетъ меня насквозь, такъ какъ я не взялъ шубы въ предположеніи, что буду все время удобно путешествовать въ тепломъ вагонѣ.

Вхожу въ громадное, казарменнаго вида, зданіе, стоящее бокомъ къ главной улицѣ. Внутри шныряетъ цѣлая толпа служащихъ. Сотни шубъ, пальто и шинелей висятъ на вѣшалкахъ. Изъ передней, вверхъ по удоб-

ной лѣстницѣ, ведутъ нѣсколько дверей разныхъ размѣровъ. Пропускаютъ меня, конечно, въ самыя маленькія. Начальника движенія нѣтъ. Пріѣдетъ черезъ часъ. Жду цѣлые два часа въ пріемной, наполненной утомленными и раздраженными просителями, начальника все нѣтъ. У меня только пять часовъ времени, а мнѣ нужно еще обязательно побывать въ Антропологическомъ Музеѣ, гдѣ я оставилъ инструменты.

Наконецъ, швейцаръ зоветъ меня. Вхожу въ элегантный кабинетъ. Толстый господинъ изъ-за письменнаго стола милостиво киваетъ мнѣ головой.

Я излагаю мое дѣло.

— Это не ко мнѣ. Обратитесь къ управляющему дорогой.

Управляющаго нѣтъ, и меня принимаетъ его помощникъ.

— Право, я ничего сдѣлать не могу. Мы дѣйствительно получили недавно циркуляръ.

— Но, помилуйте, чѣмъ же здѣсь виновата публика, коль скоро циркуляръ ей неизвѣстенъ. Вѣдь циркуляръ не былъ опубликованъ. Въ желѣзнодорожныхъ правилахъ его нѣтъ...

Въ отвѣтъ получаю только пожатіе плечами.

— Мнѣ кажется, что я получилъ несоотвѣтственный билетъ лишь по ошибкѣ. Секретарь Министерства Путей Сообщенія увѣрилъ меня, что по этому билету я имѣю право на проѣздъ и съ курьерскимъ поѣздомъ.

— Да-съ, они тамъ въ С.-Петербургѣ... всегда такъ. У насъ это уже второй случай.

— Я увѣренъ, что это только ошибка. Я не смѣю предполагать даже, чтобы власти, которыя были ко мнѣ все время столь внимательны и любезны, хотѣли уст-

роить мнѣ нарочно препятствіе. Пожалуйста, помогите мнѣ въ моемъ затрудненіи!

— Пожалуй, я могу представить ваше дѣло управляющему, но не знаю...—отвѣтилъ чиновникъ уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

Въ Москвѣ разстоянія громадныя, но къ счастью у извозчиковъ отличныя лошади. Покончивши свои дѣла въ музеѣ, я возвращаюсь обратно въ управленіе, пронзенный насквозь холодомъ, но исполненный надеждъ. Тотъ же чиновникъ принимаетъ меня уже не въ кабинетѣ, а въ коридорѣ. Скверно. Онъ внимательно осматриваетъ мою скромную одежду.

— Васъ посылаетъ Академія Наукъ?

— Да.

— Въ Японію?

— Въ Японію.

Чиновникъ снисходительно киваетъ бородой.

— Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сдѣлать для васъ.

— Вѣдь я не прошу о снисхожденіи, дѣло лишь въ исправленіи ошибки.

— Это вовсе не ошибка. Въ Петербургѣ всегда такъ... Распоряжаются, рѣшаютъ, приказываютъ... а послѣ того... у насъ хлопоты и непріятности! Они готовы лишить Москву всего!..

Историческій антагонизмъ между Москвой и Петербургомъ, впутанный въ мое незначительное дѣло, показался мнѣ крайне забавнымъ.

— Я вижу, что для васъ это только комическій случай, а я между тѣмъ опоздаю и испорчу себѣ все путешествіе.

— Такъ телеграфируйте министру путей сообщенія.

— Благодарю васъ. Во всякомъ случаѣ съ этимъ поѣздомъ я уже не успѣю уѣхать?

— Конечно, нѣтъ. Вамъ придется подождать дня три.

Дѣлаю въ умѣ мгновенный подсчетъ и заключаю, что потеряю зря время и деньги.

Рѣшаю отправиться немедленно съ первымъ поѣздомъ, убѣжать поскорѣе и подальше отъ этихъ... крапивныхъ хитросплетеній и преткновеній...

III.

Въ плѣну у мятели.

Я очутился одинъ не только въ купе, но и во всемъ вагонѣ. Кондукторъ осмотрѣлъ билетъ и гдѣ-то исчезъ. Поѣздъ однообразно гудитъ по промерзшимъ рельсамъ... Звенятъ стекла, жужжатъ колеса, скрипятъ по временамъ тормазы, и звенятъ цѣпи... Поѣздъ свиститъ, останавливается, опять движется... Раздаются звонки, мелькаютъ фонари . Но все это внѣшніе звуки, нисколько не нарушающіе тишины и безлюдія моего вагона.

Я чувствую себя въ немъ, точно въ стеклянномъ гробу, и гробъ этотъ куда-то тащитъ всесильный желѣзный драконъ.

Прохаживаюсь по узенькому коридору, заглядываю въ пустыя купе, гдѣ зеркала и золоченыя бронзы мелькаютъ мертвымъ блескомъ; вожу глазами по пустымъ сѣткамъ и занавѣскамъ, сотрясаемымъ движеніемъ поѣзда...

Есть что-то таинственное во всемъ, что связано съ путешествіемъ, — этимъ символомъ жизни!.. Вѣдь даже тѣ, что вѣчно сидятъ на мѣстѣ, движутся, минуя безвозвратно дни своей жизни...

Сколько золотой нищеты, сколько преступленій и отчаянія, сколько радужныхъ мечтаній и надеждъ,

сколько честолюбія и расчета или горькаго ко всему равнодушія побывало въ этихъ вагонахъ!

Мало-по-малу мной овладѣваетъ путевой столбнякъ, вслѣдъ за которымъ надвигается сонъ. Зову прислугу, чтобы приготовила мнѣ постель, но ни найти, ни дозваться ея нѣтъ возможности. Только тогда я вспоминаю совѣтъ друзей:

Сибирскій поѣздъ въ пути.

„Берегись путешествія въ одиночку въ купе перваго класса“.

Вдобавокъ припоминаю я все недавно прочитанное въ газетахъ объ оперирующей въ этихъ мѣстностяхъ шайкѣ желѣзнодорожныхъ воровъ. Вынимаю на всякій случай изъ чемодана револьверъ и дверную скобку крѣпко привязываю къ какому-то крючку. Потомъ ночью я слышалъ, какъ кто-то пытался отворить дверь: вѣроятно, кондукторъ или контролеръ; но я не подалъ знака жизни: долгъ платежемъ красенъ—ихъ не было, когда я ихъ искалъ, а теперь пусть они меня поищутъ!

Веревка оказалась хорошимъ изобрѣтеніемъ. Обыкновенный желѣзнодорожный затворъ совсѣмъ не обезпечиваетъ отъ вторженія непрошенныхъ гостей. На моихъ глазахъ какой-то штатскій господинъ преспокойно вынулъ изъ кармана плоскіе щипцы и отперъ купе. Двери новыхъ сибирскихъ вагоновъ снабжены цѣпочками, и хотя воры прорѣзываютъ ихъ безъ труда, но все же они представляютъ нѣкоторое препятствіе. Въ старыхъ же вагонахъ спящій пассажиръ оставленъ совершенно на произволъ прислуги и всякихъ татей. На восточныхъ и сибирскихъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ постоянно пассажиры жалуются на кражи. Случаются подчасъ и убійства.

Но все же одиночество въ путешествіи имѣетъ свою прелесть. Вмѣсто того, чтобы искать обременительнаго общества, я научился замысловато запирать двери. Ради этого я употреблялъ столикъ, который плотно входилъ въ дверную раму и нажималъ замокъ.

На слѣдующій день я проснулся съ восходомъ солнца. Кругомъ ширилась безграничная равнина, покрытая скатертью снѣга. Тамъ и сямъ, въ видѣ блѣдныхъ тучекъ стояли заиндевѣлыя рощи, надъ ними въ прозрачной синевѣ неба повисъ узкій серпъ молодого мѣсяца. Поѣздъ, тяжело дыша, несся къ восходящему солнцу, которое въ видѣ большого краснаго диска то проглядывало, то исчезало въ туманахъ паровознаго дыма. Вѣтеръ дулъ насупротивъ, и пелена дыма постоянно окутывала насъ.

Весь слѣдующій день и ночь поѣздъ все мчался по снѣжнымъ равнинамъ. По временамъ виднѣлись далеко въ степи села низкія, сѣрыя, приникшія къ землѣ, словно стаи прозябшихъ куропатокъ. Многочисленныя

вѣтряныя мельницы свидѣтельствовали о плодородіи почвы, но... несмотря на вѣтеръ, крылья ихъ торчали неподвижно, точно застывшія въ студеномъ воздухѣ. Возможно, что молоть было нечего. Вѣдь бывалъ я въ этихъ черноземныхъ деревняхъ и, случалось, видывалъ тамъ такую нужду безысходную, равной которой не встрѣчалъ впослѣдствіи, даже на всемъ прославленномъ Востокѣ.

Вѣтеръ, по мѣрѣ передвиженія на востокъ, становился все сильнѣе и превращался исподволь въ буранъ.

Въ Самарѣ, по совѣту моего временнаго спутника—генерала, хорошо знающаго эти мѣстности, я запасся провіантомъ.

— Быть можетъ, вамъ удастся счастливо проскочить нашъ Златоустъ, но... все же лучше запастись кой-чѣмъ!

На станціи шли толки о крушеніи, случившемся на Уральскомъ склонѣ. Поѣздъ покатился съ насыпи, и по отзывамъ печати до 50 человѣкъ было ранено и нѣсколько убито.

Переѣздъ между Сызранью и Златоустомъ считается самымъ скернымъ и опаснымъ во всей Россіи. Тамъ постоянно происходятъ несчастные случаи.

Пассажиры приготовлялись къ проѣзду этого участка, какъ къ военному походу.

Я уже теперь не одинъ въ вагонѣ. Мѣсто оставшагося въ Самарѣ генерала заняла какая-то приличнаго вида англичанка.

Днемъ вѣтеръ стихъ, и поѣздъ весело мчался подъ голубымъ куполомъ неба, залитымъ солнечными лучами, а мы восхищались исполинскими сугробами снѣга, навѣяннаго послѣдней бури. Кругомъ, далеко, снѣжная пелена сверкала морозной алмазной пылью; среди нея

заиндевѣлыя рощи спокойно стояли въ своемъ кружевномъ уборѣ. Прозрачный чистый воздухъ былъ неподвиженъ, но истопникъ изъ нашего вагона, спрошенный про погоду, покачалъ головой:

— Кто ее угадаетъ, погоду! Она хитрая, притворяется. Тихо, тихо, да вдругъ какъ хватитъ!.. Держись!

Послѣ этого отвѣта я съ нѣкоторымъ безпокойствомъ посматривалъ на окаменѣлыя въ ледяномъ спокойствіи степи, и мнѣ исподволь стало чудиться, что онѣ дѣйствительно чуть-чуть содрогаются, точно лицо просыпающагося великана. Но это только мнѣ казалось: онѣ тогда еще не содрогались. Только подвечеръ легкія, одиночныя дуновенія вѣтра стали взметать снѣгъ изъподъ колесъ нашего поѣзда.

Бѣлые туманные вихри вспыхивали тамъ и сямъ на вершинахъ снѣжныхъ сугробовъ и тихо скатывались внизъ. Степь начинала дышать...

Вдругъ вѣтеръ перемѣнилъ свое направленіе и окрѣпъ. Онъ погнался за нами, какъ будто заигрывая съ убѣгающимъ отъ него поѣздомъ, то хваталъ паровозный дымъ и разбрасывалъ его по полямъ, то неожиданно вздувалъ чудовищныя облака снѣга и опрокидывалъ ихъ на насъ, точно узорчатое, молочно-радужное, затканное солнцемъ покрывало.

Вечерняя заря мирно потухала въ аломъ сіяніи.

На слѣдующій день меня разбудилъ необычный ходъ нашего поѣзда. Вагонъ то и дѣло подскакивалъ, вздрагивалъ и стучалъ колесами, точно собирался соскочить немедленно съ рельсовъ. Вѣтеръ съ наглымъ свистомъ гнался за нами и бросалъ на крыши убѣгающихъ вагоновъ водопады снѣговой пыли.

На одной изъ станцій намъ прибавили второй локо-

1136796

мотивъ. Но и этого было мало. Поѣздъ бѣжалъ все тише, ковылялъ все чаще и, наконецъ, задрожалъ и остановился съ отчаяннымъ воплемъ гудка. Я вышелъ на площадку и выглянулъ наружу: окрестности тонули въ молочномъ, ревущемъ круговоротѣ. Поѣздъ еще разъ дрогнулъ, потянулся и остановился окончательно. Снаружи и внутри вагона загудѣли тревожные голоса, въ туманахъ снѣжнаго вихря заневелились человѣческія

Сибирскій поѣздъ на станціи.

тѣни. Я тоже одѣлся и вышелъ узнать, въ чемъ дѣло. Моя спутница англичанка выглянула тревожно въ окно.

Лишь только я очутился въ потокѣ бурана, мое пальто мгновенно превратилось въ твердый ледяной панцырь, очень плохо защищавшій меня отъ наскоковъ вьюги. Сильно заинтересованный, я съ трудомъ пробирался сквозь снѣжные заносы къ передовому паровозу, гдѣ стояла небольшая кучка народа. Это были желѣзнодорожные рабочіе.

ТЮМЕНСКИЙ
областной
Сектор редкой книги

Они работали очень вяло, поминутно опираясь на лопаты или закрываясь ими, точно вѣеромъ, отъ вихря; они больше роптали на холодъ да бурю и жаловались на свое начальство, на дорожнаго мастера. Чиновникъ въ фуражкѣ съ желѣзнодорожнымъ значкомъ громкимъ голосомъ отдавалъ какія-то приказанія, но никто его не слушалъ. Къ тому же вѣтеръ ловилъ его приказанія и относилъ какъ разъ въ противоположную сторону. Онъ тщетно пытался перекричать вѣтеръ, а тотъ и рабочіе относились совершенно невнимательно къ его усиліямъ. Чиновникъ кипятился, забѣгалъ впередъ къ паровозу, давалъ новыя приказанія, послѣ чего передняя и задняя машины обмѣнивались свистками и принимались тяжело дышать, какъ человѣкъ, собирающійся съ силами. Поршни, шатуны и колеса начинали двигаться сначала тихо, потомъ все быстрѣе и быстрѣе, рельсы визжали, звякали цѣпи, вздрагивали вагоны. Тщетныя усилія: громадные, закоптѣлые, покрытые снѣгомъ ящики вагоновъ, казалось, вросли въ землю. Между тѣмъ вѣтеръ крѣпчалъ, и мракъ сгущался, хотя только что занялось утро. Этотъ мракъ подымался снизу, шелъ отъ земли къ небу и тушилъ его сіяніе мутно-бѣлымъ, мертвеннымъ, непроницаемымъ дымомъ. Небольшой сначала заносъ впереди насъ въ непродолжительное время вырось повыше колесъ паровоза. И хотя рабочіе со временемъ, подъ вліяніемъ какихъ-то переговоровъ, принялись за лопаты, но не успѣвали уже откидывать наметъ. Вѣтеръ хваталъ глыбы снѣга съ ихъ лопатъ и бросалъ ихъ обратно подъ поѣздъ. А снѣга все прибывало, въ воздухѣ носились несмѣтныя его тучи, сквозь которыя ближайшіе предметы слабо просвѣчивали точно сквозь толстое молочное стекло.

Кто-то распорядился раздѣлить поѣздъ на нѣсколько частей, въ предположеніи, что такимъ образомъ удастся прорвать снѣжную насыпь. Съ неимовѣрнымъ трудомъ удалось перетащить черезъ нее вначалѣ почтовый вагонъ, затѣмъ другой, но вскорѣ снѣгъ на рельсахъ попримялся, и слѣдующія попытки встрѣтили еще большія затрудненія. Пока съ ними возились, снѣгу накопилось уже по ступеньки вагоновъ. Объ очисткѣ его и думать перестали, просто на просто пытались насильно перетащить части поѣзда сквозь сугробы, точно иглу или проволоку. Паровозы стонали отъ напряженія, пыхтѣли, трудились, но задача оказалась имъ не подъ силу. Морозный вѣтеръ уносилъ теплоту котловъ и ослаблялъ ихъ пароспособность, летящій отовсюду снѣгъ заклеивалъ малѣйшія отверстія, заполнялъ скважины и пролеты, таялъ на теплыхъ частяхъ паровозовъ и стекалъ внизъ, гдѣ опять замерзалъ, образуя большія отвѣсныя льдины, растущія въ видѣ сталактитовъ и сталагмитовъ между стальными членами машинъ. Вскорѣ густая и крѣпкая сѣть ледяныхъ нитей соединила плѣненный локомотивъ съ землею. Рабочіе постоянно разбивали и уничтожали эти оковы, но онѣ нарастали мгновенно, почти на глазахъ. Охрипшіе гудки паровозовъ, стонущіе вздохи ихъ трубъ, звонъ дергающихъ цѣпей, стукъ ударяющихся другъ о друга буферовъ, скрежетаніе колесъ о рельсы, гомонъ и восклицанія рабочихъ, пронзительные свистки кондукторовъ становились все тише, все неувѣреннѣе по мѣрѣ того, какъ снѣгъ засыпалъ насъ все выше и выше. Наконецъ, все затихло. Люди столпились подъ защитой вагоновъ въ неподвижномъ унынін, и только торжествующая вьюга ревѣла все съ тою же яростью и возрастающей внятностью.

Сильный холодъ принудилъ меня вернуться въ вагонъ. Да, эта мятель ничуть не уступала „пургамъ“ Ледовитаго Океана!

Среди пассажировъ обнаружилась паника. Желѣзнодорожная прислуга совершенно растерялась. Въ послѣдній разъ начальникъ поѣзда сдѣлалъ неимовѣрныя усилія и потащилъ одинъ вагонъ за сугробъ, но, пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, вагонъ сошелъ благополучно съ рельсовъ и окончательно загородилъ намъ путь.

Тогда отцѣпили задній паровозъ и послали его за помощью на станцію.

— Только дойдетъ-ли онъ туда, неизвѣстно...—шептали пугливо кондуктора.

Наступилъ вечеръ. Въ поѣздѣ среди ѣдущихъ вспыхнулъ положительный бунтъ. Голодные пассажиры волновались не на шутку.

— Давайте сюда начальника поѣзда... Гдѣ оберъ-кондукторъ?—раздавались въ вагонахъ бурные голоса.

— Его нѣтъ, онъ сбѣжалъ на паровозѣ на станцію!

— Да нѣтъ-же, онъ сидитъ въ служебномъ вагонѣ и преспокойно пьетъ чай!

— Пойдемъ къ нему!

— Идемъ, я съ самаго утра ничего не ѣлъ! Моя жена тоже сидитъ голодная!

— А что будетъ, коль не хватитъ топлива? Замерзнемъ, господа!..

Когда шествіе возмущенныхъ протестантовъ ввалилось въ служебный вагонъ, начальникъ поѣзда, молодой инженеръ, сильно смутился.

— Чѣмъ могу служить?..

— Распорядитесь какъ-нибудь! Намъ ѣсть нечего...

— Даже кипятку не даютъ!..

— Съ какой стати мы должны страдать?!

— Чѣмъ же я виноватъ?—оправдывался инженеръ.

— А намъ какое дѣло. Мы голодны и не желаемъ замерзнуть. Почему заготовлено было мало рабочихъ? Почему ихъ до сихъ поръ не видно? Вы хотите насъ бросить и уйти!.. Вы пьете себѣ преспокойно чай, а наши жены и дѣти зябнутъ и голодаютъ...

— Я послалъ на станцію за помощью!

— Да ручаетесь ли вы, что паровозъ туда дойдетъ?!

Инженеръ пожалъ плечами.

— Этого никто не знаетъ, и никто за это поручиться не можетъ. Я распорядился заготовить кипятокъ, но прошу васъ, господа, щадите топливо, такъ какъ его у насъ очень мало!

Ну вотъ, ну вотъ еще! Мы замерзнемъ! Заморозятъ насъ живьемъ, господа! И что эти желѣзнодорожники себѣ думаютъ?! Все имъ ни почемъ!..

— Акулы!.. Кукуевцы!..

Инженеръ молча утиралъ вспотѣвшій лобъ.

— Прошу васъ, не кричите. Я вамъ не мальчикъ!

— Вотъ, какъ обижаютъ людей за ихъ же деньги!..— возмущался какой-то подвыпившій господинъ въ лисьей шубѣ.

— Пусть бы насъ всѣхъ пересадили въ одинъ вагонъ! —предлагалъ другой въ бобровой шапкѣ.—Теплѣе будетъ.

— Да вы съ ума сошли. Весь поѣздъ въ одинъ вагонъ!

— Ну, такъ въ два.

— А женщины... Вѣдь нужно же спать.

— Этакъ будетъ теплѣе.

— Господа, вскорѣ придетъ рабочій поѣздъ и доставитъ провіантъ, топливо и людей, — пытался снова успокоить публику инженеръ.

— Не морочьте насъ. Какой тамъ поѣздъ въ подобную мятель...

На минуту голоса смолкли, и люди какъ бы прислушивались къ отвѣту бури. А буря выла, гудѣла, свистѣла, переваливая цѣлые вороха снѣга поверхъ вагоновъ, набивая плотныя заструги между колесъ и законопачивая тонкой сыпучей пылью всѣ свободныя отверстія и промежутки желѣзной и деревянной обшивки вагоновъ. Ея ледяное дыханіе пробиралось даже внутрь помѣщеній, колебля, блѣдное пламя лампъ и свѣчей.

— Во всякомъ случаѣ, прошу васъ, господа, щадите свѣчи и топливо.

— Милостивый государь, со мной жена, и я не намѣренъ сидѣть впотьмахъ, Богъ знаетъ съ кѣмъ!.. Я купилъ три билета, дабы имѣть возможность пользоваться отдѣльнымъ купе, а теперь слышу о какомъ то проектѣ помѣстить въ одинъ вагонъ пассажировъ всего поѣзда...—продолжалъ возмущаться господинъ въ лисьей шубѣ.

— Вы думаете, это шутки... Ну, нѣтъ, мы пришлемъ вамъ нашихъ женъ, поговорите-ка съ ними!—грозилъ другой.

Инженеръ, безсильно притихшій, вдругъ оживился.

— Все будетъ. Успокойтесь, господа. Велю зажечь всѣ лампы, а если не хватитъ топлива, сломаемъ ближайшую желѣзнодорожную будку!

Мужья удалились успокоенные. Одинъ только собственникъ лисьей шубы все ворчалъ брюзгливо, словно

волчокъ, пущенный въ движеніе слишкомъ сильной рукой.

— Вы имъ вѣрьте, господа. Подлецы они, живодеры. Нарочно засадили насъ въ заносъ. Для нихъ, для желѣзнодорожниковъ, это настоящая жатва, всякій несчастный случай. Тутъ конецъ всякому контролю. Какой счетъ пожелаютъ, такой и представятъ. Прямо золотая жила... сколько хочешь, столько и пиши!

— Сколько человѣкъ расчищало путь? Можетъ быть 300, но возможно, всего 30. Кто сюда придетъ и станетъ ихъ считать? Это правда!..—вставилъ кто-то.

— А затѣмъ, сколько имъ уплачено? Можетъ быть, имъ дадено по полтинѣ, а можетъ быть по два рубля на брата! Я съ этими самыми заносами хорошо знакомъ, самъ служилъ на желѣзной дорогѣ!—Этакая мятель шту-у-у-ка хорошая! Дуракъ развѣ ею не воспользуется. А что намъ скверно, такъ какое имъ до того дѣло. Какое дѣло! Одно слово—живодеры. Но я не дамъ имъ себя въ обиду. Я самъ на желѣзной дорогѣ служилъ! – шумѣла лисья шуба.

И, не спрашиваясь никого, пассажиръ этотъ пересѣлъ изъ третьяго класса въ первый. На этомъ и закончился его грозный протестъ. Онъ сталъ моимъ сосѣдомъ и проявилъ такую склонность къ безконечнымъ разговорамъ, что я вскорѣ бѣжалъ отъ него, какъ отъ чумы.

Много занимательнѣе показалась мнѣ моя сосѣдка англичанка. Я замѣтилъ, что она не ѣла уже весь день и даже не требовала кипятка къ чаю. Оказалось, что у нея не было ничего съѣстнаго. Я предложилъ ей раздѣлить мои запасы, пріобрѣтенные въ Самарѣ по совѣту генерала, и, минуту спустя, мы весело разговаривали,

попивая чай, заваренный на водѣ изъ снѣга, усѣвшись кругомъ столика, покрытаго даже салфеткой. Она принялась разсказывать мнѣ о томъ безпокойствѣ, которое вызоветъ дома ея опозданіе, какъ вдругъ раздался трескъ, и вагонъ покатился, какъ пьяный. Чайники полетѣли на диванъ, коробка съ бисквитами на полъ, англичанку отбросило въ одинъ уголъ, а меня въ другой. Ударъ повторился еще нѣсколько разъ, но слабѣе, потомъ послышался дикій человѣческій крикъ, заглушившій даже вой мятели. Англичанка пришла въ себя, я помогъ ей сѣсть и затѣмъ бросился въ свое купе, гдѣ что-то сильно стукнуло въ моментъ перваго удара. Я опасался за участь желѣзнаго ящика съ инструментами и дорожной аптекой. Ящикъ лежалъ на полу вверхъ днемъ. Падая, онъ вышибъ двери и, еслибы я находился тогда въ купе, то, навѣрно убилъ-бы меня, такъ какъ вѣсилъ онъ слишкомъ шесть пудовъ. Но внутри ящика все было тихо, и ничто не струилось изъ него. Я вздохнулъ облегченно, осторожно поставилъ ящикъ крышкой вверхъ и отворилъ. Къ счастію, благодаря хорошей упаковкѣ, ни одна стекляночка не лопнула.

Я наскоро привелъ вещи въ порядокъ и поспѣшилъ узнать о причинѣ толчковъ. Оказалось, что вернулся паровозъ, который посланъ былъ на станцію. Пробиваясь сквозь сугробы, онъ не соразмѣрилъ хода и съ разбѣга наскочилъ на насъ, разбилъ въ дребезги первый попавшійся на пути вагонъ и сбросилъ его съ рельсовъ. Такимъ образомъ, мы очутились взаперти съ двухъ сторонъ сошедшими съ рельсовъ вагонами. Мятель пѣла широкую побѣдную пѣсню. У нѣкоторыхъ вагоновъ заносы достигали уже площадокъ.

Наступила ночь. Молочный, ледяной туманъ вьюги помутнѣлъ, почернѣлъ. Темный силуэтъ плѣненнаго поѣзда слился совершенно съ тьмою. Рядъ освѣщенныхъ оконъ казался заупокойными свѣчами, разставленными вдоль невидимаго гроба. Прибывшій паровозъ, тяжело дыша, выбрасывалъ накопившійся въ немъ паръ Кровавое зарево нефтяныхъ факеловъ, мелькающихъ у разбитаго вагона, освѣщало полосы и клубы быстро несущихся, будто гонимыхъ кѣмъ-то снѣжинокъ, да толпу народа среди нихъ, убирающаго обломки.

Тамъ сердито кричали и ругались. Я подошелъ поближе, узнать въ чемъ дѣло.

Оказалось, что теперь рабочіе подняли бунтъ.

— Отказываются работать!—объяснилъ мнѣ кто-то изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ.

— Всякому жизнь мила.—Не станемъ сегодня работать. Темно и холодно. Не пойдемъ!..—кричали рабочіе.

— Отройте хотя паровозъ, чтобы онъ могъ вернуться на станцію!—отвѣчало имъ начальство.

— Ну, нѣтъ, пусть постоитъ до завтра. Всякому жизнь мила!

— Такъ я вамъ за сегодняшній день не заплачу ни копѣйки.

Вѣстимо, постоянно вы насъ обманываете.—Сговорились мы за рубль, а потомъ предложите намъ полтину. Знаемъ мы васъ. Но покойнику деньги не нужны! Пойдемъ, ребята, пусть машина постоитъ. Довольно мы натерпѣлись отъ нея. Пусть постоитъ!

— Сейчасъ принимайтесь за лопаты, а то не пущу васъ въ вагонъ и заночуете въ чистомъ полѣ!—кричалъ въ изступленіи инженеръ, съ трудомъ покрывая голосомъ гулъ вѣтра и народа.

— Во какъ. А сами то мы что... Трогай, ломай вагонъ!— отвѣчали строптиво рабочіе.

Большинство изъ нихъ были татары, башкиры, черемисы. Они махали отчаянно лопатами, издавали гортанные звуки, притопывали промерзлыми валенками и ударяли руками по бедрамъ. Ихъ темныя разкосыя физіономіи грозно мелькали въ струяхъ освѣщенной факелами мятели. Буранъ до того расходился, что я съ трудомъ противился его порывамъ и таки не могъ дождаться конца описанной выше сцены.

Мое платье преобразилось въ тяжелый, набитый снѣгомъ, ледяной тюфякъ, который не согрѣвалъ меня больше, напротивъ того, знобилъ, и снѣгъ къ тому-же началъ проникать сквозь оттопырившіяся полы до самаго тѣла. Я спрятался поскорѣй въ вагонъ, но узналъ впослѣдствіи, что рабочіе добились своего, ночевали въ вагонѣ и не очистили-таки паровоза. Только на слѣдующій день по утру его послали обратно на станцію за провіантомъ и топливомъ. Паровозъ вернулся послѣ нѣсколькихъ часовъ вмѣстѣ съ вспомогательнымъ поѣздомъ. Заносы у нашего поѣзда мѣстами поднялись уже до оконъ. Длинный, черный неподвижный рядъ вагоновъ походилъ на падаль испалинской змѣи, занесенную снѣгомъ въ степи. Кругомъ, будто стаи галокъ, кишѣли рабочіе.

Пассажиры, послѣ скверно проведенной ночи, выходили изъ поѣзда освѣжиться морознымъ воздухомъ. Вьюга все бѣсповалась по-прежнему, но казалось, что напряженіе ея чуть-чуть ослабѣло. Толпы крестьянъ въ обледенѣлыхъ полушубкахъ, въ набитыхъ снѣгомъ мѣховыхъ шапкахъ, съ покрытыми инеемъ бровями и бородами, съ обсосулившимися усами, разбивали лопа-

тами и ломами утесы снѣга, накопившіеся за ночь кругомъ поѣзда. Въ маленькихъ санкахъ, запряженныхъ небольшими косматыми лошадками, ямщики увозили въ сторону разбитыя глыбы. Вскорѣ въ крѣпостяхъ заносовъ образовались выемки и трещины, которыя вѣтеръ тщетно старался забить и исправить. Происходила борьба

Занесенная снѣгомъ станція.

не на шутку. Народъ усердно крошилъ спѣга, рылъ ходы, траншеи, копошился подъ колесами поѣзда, среди обледенѣвшихъ тормазовъ, очищая оси, колеса и цѣпи, постепенно устраняя ледяныя оковы...

Послѣ пятнадцати часовъ такого труда заносы были убраны. Очищенный поѣздъ стоялъ въ глубокомъ снѣговомъ разрѣзѣ подъ охраной работающихъ безъ отдыха лопатъ.—Но два паровоза все-таки оказались безсильными вытащить его оттуда. Только когда подоспѣлъ второй вспомогательный поѣздъ, удалось съ его по-

мощью сдвинуть вагоны съ мѣста и протащить ихъ обратно на станцію.

Обрадованные пассажиры бросились подкрѣпляться въ буфетъ, такъ какъ небольшого количества провизіи, доставленной вспомогательными поѣздами, не хватило, и голодъ давалъ себя чувствовать многимъ не на шутку. Особенно страдалъ третій классъ, но классъ этотъ состоялъ изъ людей, давно привыкшихъ страдать и молчать. Пока протестовало только „третье сословіе“, занимающее второй классъ. Первый классъ, состоящій изъ англичанки и меня, велъ себя смирно, ибо кромѣ философіи обладалъ еще значительнымъ запасомъ сухарей, хлѣба, бисквитовъ и другихъ привилегій. Но когда мы прибыли на станцію, то даже первый классъ сталъ роптать, конечно... во имя гуманности.

На станціи не заготовили для пассажировъ ровно ничего. Они не нашли тамъ даже ни ложки простыхъ горячихъ щей. Отпускали имъ только въ видѣ большой милости, требуя взамѣнъ какія-то удивительныя квитанціи, по ломтю черстваго хлѣба, по куску старой зловонной колбасы и по отрѣзку столь-же зловоннаго сыру. Чай и сахаръ продавались за большія деньги, съ торговъ, вопреки желѣзнодорожнымъ правиламъ, которыя обезпечивали каждому пассажиру третьяго класса рублевыя харчи, пассажиру второго двухъ-рублевыя, а перваго класса—въ три рубля. Никому изъ насъ правило это въ то время не было извѣстно, а потому каждый платилъ запрошенныя деньги, лишь-бы что-нибудь добыть.

Впрочемъ, я увѣренъ, что даже знающіе ничего бы другимъ путемъ не получили.

Желѣзнодорожные чины старательно избѣгали насъ и прятались гдѣ-то такъ быстро и проворно, что и найти ихъ нельзя было. Тѣ-же, кого удалось поймать, отвѣчали, что это не ихъ дѣло, что они обязаны смотрѣть за движеніемъ, билетами, наконецъ за вагонами, колесами и т. п., что о пассажирахъ заботятся другіе, а кто именно и гдѣ они, того они-де не знаютъ и разыскивать ихъ не ихъ дѣло! И въ благодушныхъ разговорахъ попутно они все случившееся ловко взваливали на стихійное бѣдствіе, отъ котораго сами они будто-бы больше всего страдаютъ...

— Ночей не спимъ!..

Мерзнемъ... Изъ силъ выбились... Стыдитесь, господа!...—урезонивали они болѣе неуступчивыхъ пассажировъ...

Вообще, они настойчиво требовали отъ пассажировъ по отношенію къ себѣ... сердечной теплоты, пониманія и сочувствія. Пассажиры немедленно стыдились своей закорузлости и смирялись.

Англичанкѣ, которая болѣе энергично требовала себѣ котлету, они ее выдали, но другимъ въ отвѣтъ они преподносили исключительно... словесное сочувствіе.

Въ концѣ концовъ защиту „человѣческихъ правъ“ взяло на себя все то же „третье сословіе“. Пока въ канцеляріи сочиняли протоколъ, я пошелъ въ третій классъ, гдѣ столпились полчища обледенѣлыхъ мужиковъ-циклоповъ, спасшихъ насъ только что изъ объятій вьюги. Станціонный залъ былъ полонъ людей. Паръ ихъ дыханія, запахъ махорки и прѣлыхъ полушубковъ, вонь не разутыхъ въ теченіи нѣсколькихъ дней ногъ дѣлали пребываніе среди нихъ крайне тяжелымъ.

Рабочіе опять волновались; они требовали водки, большого числа пустыхъ вагоновъ, чтобы имѣть возможность обсушиться тамъ обстоятельно, согрѣться и выспаться. Водку имъ выдали, но изъ-за вагоновъ вышла крупная ссора. Въ результатѣ явились вооруженные стражники и выгнали мужиковъ вонъ.

„Третье сословіе“ къ тому времени уже занесло свой протоколъ въ жалобную книгу. Хотя это былъ манифестъ, безусловно не уступавшій французскимъ прокламаціямъ конца XVIII столѣтія, но начальство отнеслось къ нему снисходительно. Хорошо и то, что хотя бы изъ-за пустяковъ людямъ дозволено иногда произнести громко нѣсколько „забытыхъ словъ“. Я охотно подписалъ протестъ, но раньше потребовали у меня мой билетъ. Онъ, видимо, произвелъ впечатлѣніе. Жандармъ, возвращая его, сдѣлалъ мнѣ подъ козырекъ, а составители протеста громко выразили свое удовольствіе. До моего слуха дошелъ внятный шопотъ.

— Путешественникъ, посланный Академіей Наукъ въ Японію съ неизвѣстною цѣлью.

— Бѣдняга. Убьютъ его тамъ навѣрно... Весной, безъ сомнѣнія, вспыхнетъ война. Ужъ что-то больно далеко стали шагать япошки.

— Доѣдетъ-ли онъ еще въ Японію, неизвѣстно. Вѣдь хунхузы въ Манчжуріи тоже не шутятъ. Вотъ что случилось недавно...

Продолженіе было дѣйствительно ужасное, но къ счастію... совершенно фантастическое. Послѣ всего этого мнѣ, конечно, отдавали честь, какъ приговоренному къ смерти, а впрочемъ... было довольно весело.

Англичанка, скушавши котлетку, тоже повеселѣла. Она оказалась очень милой, интеллигентной и благо-

воспитанной барынькой. Мы съ ней по цѣлымъ часамъ говорили о Толстомъ, Ницше, о современныхъ общественныхъ и литературныхъ теченіяхъ. Она была рьяной англійской патріоткой, несмотря на то, что родилась и воспиталась въ Россіи. Удивительно, какъ это англичане умѣютъ благородно любить и цѣнить свое отечество безъ капли шовинизма и нетерпимости.

Они всякому отдадутъ должное, но не больше.

На слѣдующій день пришла изъ Самары спеціально вытребованная машина для расчистки снѣга, и, несмотря на продолжавшуюся бурю, мы отправились дальше.

„Граммофонъ“, такъ прозвали рабочіе снѣгочистилку, шелъ впереди, подталкиваемый сзади особымъ паровозомъ. Онъ былъ сцѣпленъ съ нашимъ поѣздомъ, но работалъ совершенно самостоятельно. Мы подвигались впередъ очень медленно и осторожно, тѣмъ не менѣе, когда поѣздъ врѣзался въ первый сугробъ, ударъ былъ до того силенъ, что въ первую минуту я подумалъ о началѣ конца. Моя сосѣдка поблѣднѣла, какъ полотно. Непріятные удары повторились и стали повторяться съ той минуты черезъ каждыя нѣсколько саженей. Машина врѣзывалась въ заносъ, останавливалась; наши паровозы сейчасъ же давали задній ходъ, поѣздъ отбрасывало на длину цѣпей, стальныя крылья снѣгочистилки, приведенные въ быстрое движеніе, немедленно крошили и разбрасывали сугробъ. Рабочіе помогали ей, усердно раскапывая передъ машиной проходъ, который она уже безъ труда расширяла.

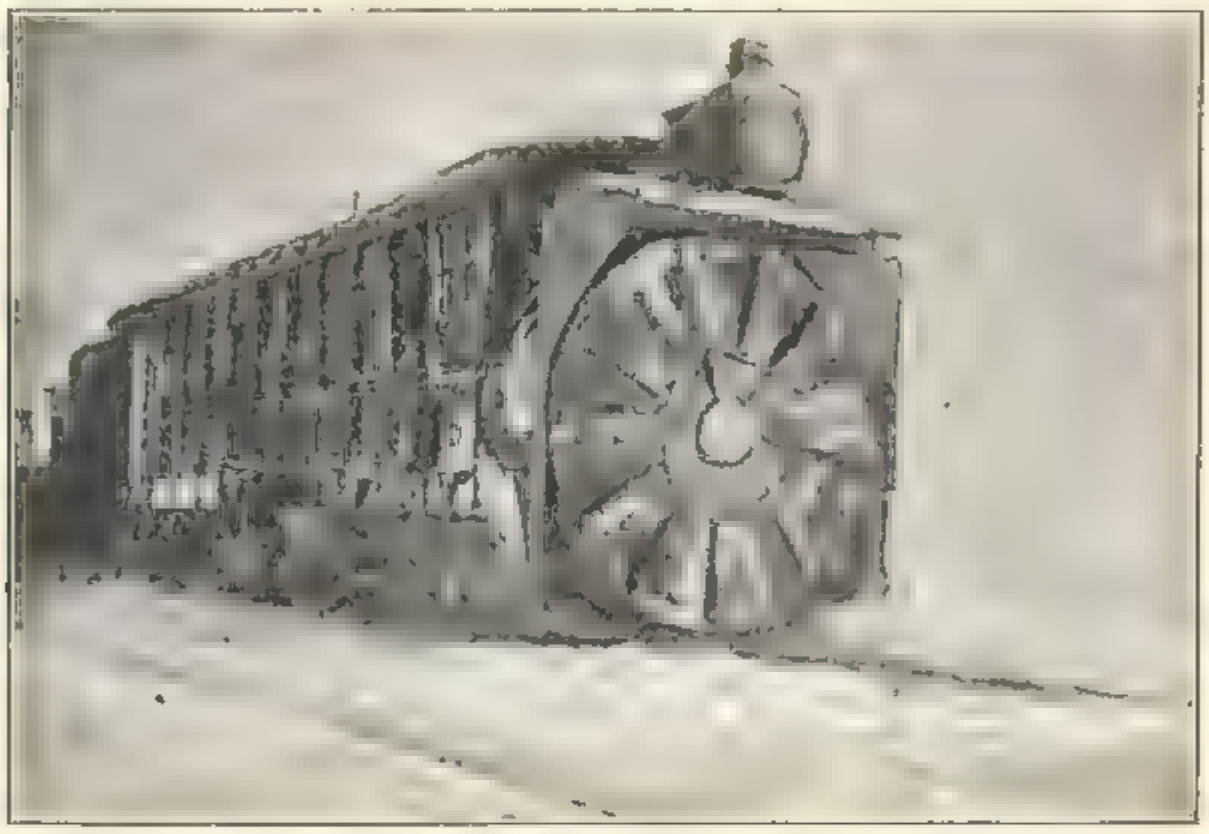
Пробившись сквозь первый сугробъ, мы двинулись также медленно и осторожно къ слѣдующему. Опять ударъ, внезапный толчокъ назадъ, колебаніе вагона, трескъ и глухіе жалобные звуки, дѣлавшіе проходъ

сквозь заносы крайне непріятнымъ. Каждый свистокъ паровоза придавалъ лицамъ пассажировъ выраженіе людей, ожидающихъ, что вотъ-вотъ сейчасъ станутъ имъ рвать наболѣвшіе зубы. Вещи летѣли съ полокъ, полъ содрогался, стѣнки, буффоры и крюки прямо стонали. Никто, думаю, не былъ увѣренъ, не разлетятся-ли сейчасъ въ дребезги вагоны, и не направятся-ли осколки разбитыхъ стѣнокъ въ грудь встревоженныхъ людей. Англичанка, несмотря на храбрость, блѣдпѣла каждый разъ, какъ полотно, и закрывала глаза. Я пытался доказывать ей, что, собственно говоря, намъ ничего особеннаго не угрожаетъ, самое большее—опять завязнемъ въ сугробѣ; но, конечно, я не успѣлъ ее убѣдить,—впечатлѣнія толчковъ и звуковъ были сильнѣе моихъ разсужденій.

Въ этотъ день мы проѣхали всего 20 верстъ, отдѣляющія двѣ злополучныя станціи. Вечеромъ намъ желѣзнодорожники обѣщали буфетъ и горячее кушанье, но, какъ водится, и въ этотъ разъ насъ обманули.

Мы получили на станціи только немного холоднаго мяса и то за весьма высокую плату. Значитъ, протестъ „третьяго сословія“ не подѣйствовалъ. Хитрые „кукуевцы“ сразу угадали, что ни одинъ изъ пассажировъ не знаетъ правилъ, и ловко этимъ воспользовались; на третій классъ они грозно прикрикнули, а второму позволили излить словесно и письменно свое огорченіе. Вотъ и все. Когда англичанка потребовала обѣщаннаго супа, то ей вѣжливо отвѣтили, что начальникъ поѣзда сейчасъ пошлетъ въ сосѣдній городъ за всѣмъ, что потребуется пассажирами. Она успокоилась и попросила купить ей жареную курицу и нѣсколько яицъ. Какое-то лицо, съ сизымъ посомъ, записало ея требова-

ніе въ книжечку, вѣжливо поклонилось и исчезло. Конечно, все это были только насмѣшки. Никто ничего не получилъ, и въ городъ даже не посылали, хотя сообщеніе съ нимъ существовало, такъ какъ нѣсколько пассажировъ отправилось туда ночевать. Повидимому, личность съ сизымъ носомъ ограничилась на записаніи нашихъ желаній и въ подачѣ впослѣдствіи желѣзнодо-



Снѣгочистилка.

рожному управленію счетовъ по нимъ, объ исполненіи же ихъ „личность“ позабыла въ кружкѣ веселыхъ товарищей, которыхъ она угощала въ счетъ будущихъ барышей. Они заняли отдѣленіе, смежное съ купе моей сосѣдки, и такъ сильно тамъ шумѣли, чокались и хохотали, что я принужденъ былъ пріостановить ихъ возросшее не въ мѣру веселіе. Тогда они любезно предложили мнѣ и англичанкѣ... уйти въ другой вагонъ.

Къ счастію, на слѣдующій день, за отсутствіемъ заносовъ и мятели, поѣздъ быстро понесся по живописнымъ, озолоченнымъ лучами солнца склонамъ Уральскихъ горъ, и мы вскорѣ позабыли о мелкихъ человѣческихъ мерзостяхъ и даже о впечатлѣніяхъ людей, продернутыхъ сквозь прокатный снѣговой станокъ...

III.

Большой Сибирскій трактъ.

„Отъ Верхотурья въ Тюмень 315 верстъ. Не будучи знакомы съ Сибирью, мы слышали о ней, какъ о странѣ пустынной и слабо населенной, пріѣхавъ, однако, туда, видимъ большіе достатки и довольно красивыя и крупныя деревни. На пути попадаются намъ богатыя поселенія, и послѣ непродолжительнаго путешествія пріѣзжаемъ въ городъ Тюмень. Тюмень гораздо больше и представительнѣе, чѣмъ Верхотурье, торговлю ведетъ значительнѣе, купеческое сословіе тамъ богаче; что же касается жизненныхъ припасовъ, то въ Тюмени мы нашли значительно большее изобиліе. Рыба и мясо баснословно дешевы: карасей 60 штукъ за копѣйку, мясо по той же цѣнѣ и даже дешевле за фунтъ: мука и крупа за безцѣнокъ. Цѣлый баранъ стоитъ гривенникъ“...

Такой показалась Сибирь невольному польскому путешественнику Любичъ-Хоецкому на исходѣ XVIII столѣтія, такой я зналъ ее изъ разсказовъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, и наконецъ такой я ее узналъ самъ лично, когда 25 лѣтъ тому назадъ прошелъ ее вдоль и вповерекъ. Слабо населенная, но зажиточная; дикая, но гостепріимная; размашистая и исполненная стихійной увѣренности въ собственныя силы, стихійно любящая независи-

мость. Кому въ Россіи жилось худо, кого угнетали люди или собственные недостатки, тотъ уходилъ за Уральскія горы, на „Бѣлыя воды“, въ сибирскій крестьянскій рай, гдѣ земли сколько угодно, и гдѣ нѣтъ начальства. Когда Западная Сибирь перестала быть этимъ раемъ, колонисты двинулись далѣе къ Востоку, гдѣ легко находили нетронутыя еще человѣческой ногой дебри. Въ такихъ лѣсныхъ гнѣздахъ существовали цѣлыя поколѣнія, не знавшія другой власти, кромѣ деревенской и другихъ предметовъ потребленія, кромѣ собственныхъ издѣлій.

Ядринцевъ въ своей интересной книгѣ „Сибирь, какъ колонія“ приводитъ нѣсколько примѣровъ открытія русскими властями въ Сибири крупныхъ зажиточныхъ поселеній, прекрасно застроенныхъ, обладающихъ богатыми лавками, церквами и школами, совершенно дотолѣ неизвѣстныхъ начальству. Въ мое время исправникъ Верхоянскаго округа открылъ въ устьѣ Лены такое же русско-якутское поселеніе, до того времени никому неизвѣстное.

Долгое время въ Сибири не было другихъ дорогъ, кромѣ судоходныхъ рѣкъ. По рѣкамъ пробирались въ ея глубь отважные охотники въ поискахъ за драгоцѣнными соболями и лисицами. Вслѣдъ за охотниками, ими же привлеченные и поддерживаемые, шли казаки, шли чиновники и податные дьяки, строились города и остроги. Все это держалось рѣчныхъ руселъ, оставляя громадныя промежуточныя пространства нетронутыми. Суда съ собраннымъ ясакомъ, съ мѣхами, костью, товаромъ, порохомъ, мукой и народомъ сплавлялись или тащились бичевой по рѣкамъ. Плыли они Турой къ Тюмени, оттуда Тоболомъ мимо Тобольска въ Обь; далѣе

Старый Сибирскій трактъ у желѣзной дороги.

Обью и ея притокомъ Кетой къ Енисею. Отъ Кеты до Касу, (притока Енисея) суда перетаскивались по низкому болотистому волоку въ нѣсколько верстъ.

Отъ Енисея суда по Ангарѣ подымались къ Байкалу. Путешествія длились годы. Царскій посланникъ Спафарій проѣхалъ этотъ путь въ XVII столѣтіи въ два года и въ своемъ отчетѣ говоритъ о немъ съ ужасомъ. Особенно тяжелой показалась ему переправа чрезъ Ангарскіе пороги, чрезъ которые судно перетаскивали бичевой съ большимъ трудомъ и опасностью. Въ XVIII столѣтіи дорога измѣнила свое направленіе: она нѣсколько выпрямилась. Прорублены были пути въ необъятныхъ лѣсахъ, о которыхъ вышеупомянутый Любичъ-Хоецкій говоритъ, что „ни одинъ изъ тамошнихъ жителей никогда не видѣлъ ихъ конца, такъ какъ, желая ихъ пройти, онъ умеръ бы голодной смертью, или же заблудившись, не сумѣлъ бы оттуда выйти“.

Образовались новые административные и торговые центры: Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ и начали соперничать съ всемогущимъ дотолѣ Тобольскомъ. Но и люди и товары все продолжали еще путешествовать водою. Только въ началѣ XIX столѣтія окончили сухопутную дорогу. Большую Сибирскую дорогу начали строить съ Востока, и такимъ образомъ западная ея часть, прилегающая къ Европѣ, была выстроена позднѣе другихъ ея частей.

Могучая, широкая лента этой дороги легла живописнымъ поясомъ чрезъ степи, горы, долины; прорѣзала лѣса и болота, взобралась на мрачные „увалы“, обошла кругомъ озера. Вдоль дороги народились многочисленныя извозчичьи села—зажиточныя, населенныя, торговыя, гордыя и разбойничьи.

Села эти, прекрасно застроенныя, тянулись иногда на нѣсколько верстъ вдоль тракта, часто образуя два прихода съ двумя церквами по концамъ. Случалось, что все село, или одинъ его край былъ населенъ татарами и имѣлъ мечеть. Два исповѣданія жили въ сосѣдствѣ мирно сотни лѣтъ.

Собственно говоря, трактовыя сибирскія села не были деревнями, но земледѣльческими мѣстечками. Каждое село было окружено безчисленнымъ множествомъ лѣтнихъ хуторовъ, такъ называемыхъ „заимокъ“. Лѣтомъ подавляющее большинство населенія перекочевывало въ „заимки“ для обработки полей, зато зимой на почтовой дорогѣ кипѣла жизнь. По улицамъ вечерами раздавались пѣсни; парни и дѣвки, взявшись за руки, водили хороводы. Здѣсь нарождались любовныя исторіи, затѣвались свадьбы, здѣсь слагались пѣсни и разсказы— веселые, плясовые напѣвы, грустныя баллады или колкія эпиграммы. Случалось, что молодецъ, разорившись на подарки для красавицы, тамъ же сговаривался съ товарищами, они запрягали въ низенькія, крѣпкія сибирскія розвальни тройку лошадей и въ темную, бурную ночь отправлялись на большую дорогу, гдѣ безконечной вереницей двигались купеческіе обозы. Въ избранномъ мѣстѣ розвальни съ молодцами налетали вихремъ на обозъ, мгновенно срѣзывались тюки съ дорогимъ товаромъ, съ шелкомъ, мѣхами, чаемъ или съ сукномъ, а затѣмъ добыча и люди уносились прочь быстроногими лошадьми. Но сибирскіе извозчики, которые въ молодые годы сами частенько пошаливали и отлично знали опасныя мѣста и разбойничьи повадки, защищали мужественно обозъ, вслѣдствіе чего въ мѣстахъ опасныхъ, удобныхъ для такихъ нападеній, густо стояли кресты безвременно погибшихъ людей.

Точно такіе же кресты и могилы окружали всякій сибирскій городъ, гдѣ обыкновенно безчинствовали особаго рода разбойничьи организаціи, цѣлыя общества грабителей, подстерегающихъ богатыхъ купцовъ, да путниковъ съ деньгами. Поэтому сибирскій купецъ всегда былъ на сторожѣ, не любилъ говорить о своихъ дѣлахъ, утаивалъ свое имущество и время своего выѣзда; онъ никогда не былъ увѣреннымъ, не подстерегаютъ-ли его жадные, ястребиные взоры разбойничьихъ соглядатаевъ. Путешественники соединялись въ общества, такъ какъ даже проѣздъ по почтѣ не всегда былъ безопасенъ. Что же касается такъ называемыхъ „дружковъ“ или „вольной почты“, то на нее безусловно нельзя было полагаться: Хотя она и возила значительно дешевле и быстрѣе казенной почты, но не одно убійство и грабежъ легли на совѣсти этой вольной артели.

Впрочемъ, отчаянные разбойники ни на что не обращали вниманія. За недѣлю до моего проѣзда по сибирскому тракту, въ 1894 году, на станціи Кемильтей, возлѣ самого села они вырыли по всемъ правиламъ военнаго искусства настоящую траншею и цѣлую недѣлю подстерегали казенную почту съ деньгами изъ Иркутска. Все село знало объ этомъ, но никто не посмѣлъ тронуть сибирскихъ „хунхузовъ“ изъ опасенія ихъ мести. Разбойники убили тогда ямщика, почтальона, двѣ лошади, похитили 30,000 рублей и исчезли безслѣдно. Точно такимъ же образомъ за годъ до того были похищены за Байкаломъ 10 пудовъ золота, принадлежащаго Ниманской компаніи. А сколько погибло въ разное время частныхъ лицъ, женщинъ и дѣтей... этого и не перечесть. Въ нѣкоторыхъ болѣе извѣстныхъ трактовыхъ оврагахъ я самъ насчиталъ до десятка и больше крестовъ.

Ради прекращенія разбоевъ генералъ-губернаторъ Синельниковъ выселилъ полностью въ свое время нѣсколько деревень. Я видѣлъ эти разоренныя, опустѣвшія села, съ заколоченными наглухо окнами и дверьми домовъ. Но самыя строгія наказанія не устраняли зла, такъ какъ не касались ихъ источниковъ.

Человѣческія страсти, да толпа ежегодно ссылаемыхъ изъ Россіи преступниковъ безъ труда свивали себѣ новыя разбойничьи гнѣзда въ другихъ мѣстностяхъ и опять вырастали тамъ могилы и кресты. Въ свое время стяжало себѣ громкую извѣстность прямо сказочное дѣло купца А., читинскаго городского головы, франта и кутилы, дружившаго съ мѣстными властями. Онъ убивалъ почтальоновъ, грабилъ почту и проѣзжихъ, и все это долго оставалось безнаказаннымъ. Преданіе гласитъ, что у него была лошадь, подкованная наоборотъ, такъ что онъ всегда вводилъ погоню въ заблужденіе. Не менѣе извѣстнымъ стало дѣло иркутскихъ „кошевщиковъ“, которые по вечерамъ въ мое пребываніе въ Иркутскѣ (1893 г.) ловили на улицахъ людей арканами. Женщинъ они увозили за городъ, насиловали и бросали въ снѣгъ, снявъ съ нихъ одежду. У мужчинъ отнимали часы, деньги, шубы...

Въ сумерки возгласъ: „кошевка“ приводилъ всю улицу въ смятеніе; прохожіе быстро прятались въ подворотни, панели пустѣли, а серединой съ дикимъ гиканьемъ неслась ужасная тройка. Полиція не могла съ ними справиться, такъ какъ отличныя лошади всегда во время ихъ спасали. Наконецъ, они были пойманы, и предводители организаціи приговорены къ смертной казни.

Ихъ дѣла и смерть долго воспѣвались въ пѣсняхъ по острогамъ и тюрьмамъ. „Кошевка“ исчезла въ Иркутскѣ, но появилась въ томъ же году въ Томскѣ.

Во главѣ такихъ разбойничьихъ организацій стояли всегда преступники, ссыльные изъ Россіи, прошедшіе весь тюремный „университетъ“. Они являлись наставниками и предводителями шаекъ; держались они постоянно вблизи большой дороги, поселялись въ лежащихъ у нея деревняхъ и городахъ.

Конечно, по Сибирской большой дорогѣ пришли съ запада не только преступники. Пришли по ней и мысли свободныя, и сердца горячія, и души гордыя, и мечты чистыя и благородныя. Цѣлыя сотни тысячъ поляковъ, которыхъ ссылали уже со временъ Костюшки, даже и раньше, еще во времена короля Лещинскаго, населили Сибирь. Они принесли съ собою ремесла, знанія, нравы, и много содѣйствовали культурному подъему страны.

Палласъ въ 1770 г. разсказываетъ „о польскомъ берегѣ Енисея“ задолго до распашки даже южно-енисейской тайги, о поляхъ, воздѣланныхъ польскими изгнанниками. Встрѣчаются и по сейчасъ на большой сибирской дорогѣ уступы скалъ, высѣченныхъ въ видѣ широкихъ карнизовъ: такъ называемые сибиряками „польскіе пути“, построенные польскими каторжными руками подъ руководствомъ польскихъ инженеровъ-изгнанниковъ.

Именно при постройкѣ такой дороги въ окрестностяхъ Байкальскаго озера возникъ извѣстный забайкальскій бунтъ, столь жестоко усмиренный.

Въ Томскѣ, Тобольскѣ и въ другихъ сибирскихъ городахъ на кладбищахъ видны цѣлые ряды высокихъ польскихъ крестовъ. Даже въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Сибири, на берегу Ледовитаго Океана, я находилъ слѣды пребыванія поляковъ. Названіе „полякъ“ было повсюду извѣстно и считалось равнозначущимъ съ словомъ: мастеръ, знающій...

— Ты полякъ, и лечить не умѣешь,—упрекалъ меня слѣпой старикъ въ устьѣ Яны, когда я отказывалъ ему, по незнанію, въ медицинскомъ совѣтѣ.—Ты просто жадный человѣкъ; боишься, что не заплачу тебѣ.

Поляки оставили въ сибирской культурѣ многія мелкія, неуловимыя черты, которыя сибирской мысли и сибирскимъ чувствамъ придаютъ особенный колоритъ, отличающій ее отъ великорусской.

Конечно, суть различій между европейскими и сибирскими русскими образовалась подъ вліяніемъ сибирской природы и отличныхъ экономическихъ условій страны, но я думаю, что и раннее идейное самосознаніе тоже сыграло въ этомъ немалую роль.

Въ образованіи этого самосознанія важную роль сыграли несомнѣнно декабристы и цѣлые сонмы невольныхъ русскихъ путешественниковъ позднѣйшаго времени.

Къ тому же сибирякъ вообще лишенъ государственнаго духа. Онъ очень неясно сознаетъ свою принадлежность къ Россіи. Пріѣзжихъ русскихъ людей — по сибирски „рассейскихъ“—считаетъ чуть ли не за иноземцевъ и относится къ нимъ немного высокомѣрно и даже недоброжелательно.

— „Варнакъ“, „бродяга“, „лапотникъ!“—ругаетъ онъ переселенца изъ Россіи въ минуту гнѣва.

- Желтобрюхій чалдонъ,—отвѣчаетъ ему тотъ.

Сибирская интеллигенція относится къ пріѣзжимъ чиновникамъ съ традиціонной насмѣшкой.

— Навозная интеллигенція!

Сибирскій мужикъ безсознательно, а сибирская интеллигенція вполнѣ сознательно питаетъ областническія симпатіи и идеалы, любитъ и уважаетъ самоуправленіе.

У сибирскихъ „областниковъ“ есть уже свои герои и мученики. Они пробовали проповѣдывать открыто свои взгляды, но послѣдніе были найдены неумѣстными.

Желѣзная дорога вовсе не связала Сибирь съ метрополіей болѣе тѣсными нравственными узами. Напротивъ, она лишь сильнѣе подчеркнула противоположность экономическихъ интересовъ центра и окраинъ.

Сибирскіе патріоты горячо противились постройкѣ Сибирской желѣзной дороги.

— Мы желаемъ сохранить нашу страну для будущаго нашего развитія, для себя. Желѣзная дорога отдастъ его на произволъ всякимъ хищникамъ и торговцамъ.

– Желѣзная дорога должна возникнуть, какъ выраженіе мѣстныхъ потребностей. Пока она намъ еще не нужна. Не безпокойтесь, коль скоро окажется надобность въ ней, мы построимъ ее сами,—говорили они задолго еще до постройки рельсоваго пути.

Сибирскій мужикъ ненавидитъ желѣзную дорогу. Онъ и по сейчасъ неодобрительно относится къ ней и называетъ ее „карькой“ (карой кобылой).

— Какая намъ отъ ней польза. Только и знаетъ, что оретъ. Дѣтей и скотину пугаетъ!—говоритъ кисло сибирякъ, спрошенный про желѣзную дорогу.

Дѣйствительно, желѣзная дорога пока ничего не дала сибирскому мужику и въ то же время ввела страшную путаницу въ его жизнь.

Какъ было выше сказано, большинство сибирскаго населенія скапливалось вдоль большой почтовой дороги и занималось преимущественно извозомъ, вліяніе котораго распространялось внутрь страны несравненно далѣе, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ.

Крестьянское хозяйство было основано прежде всего на коневодствѣ, далѣе на производствѣ съѣстныхъ припасовъ и дорожныхъ предметовъ, для которыхъ рынкомъ сбыта служилъ трактъ. Тамъ круглый годъ двигалась вереница безконечныхъ купеческихъ обозовъ, нуждавшаяся прежде всего въ овсѣ и сѣнѣ, далѣе въ убойномъ скотѣ, въ птицѣ, въ яйцахъ, въ салѣ, въ крупахъ, въ оглобляхъ, въ полозьяхъ, колесахъ, сбруѣ и т. п. На крошечномъ рынкѣ своего села хозяину легко было сообразоваться съ цѣнами и поддерживать ихъ въ уровнѣ, отвѣчающемъ стоимости производства. Онъ безъ труда могъ угадать размѣры предполагаемаго спроса на разные предметы и не тратить зря времени и силъ на выдѣлку ненужнаго излишка. На рынкѣ почти никогда не замѣчалось переполненія. Конкуренція дѣйствовала очень слабо. Крестьянинъ опасался единственно града, засухи, лѣтнихъ заморозковъ, пожара и говорилъ не безъ гордости: „у насъ нѣтъ другого начальства, кромѣ Господа Бога и станового пристава“.

Когда случалась бѣда, пожаръ, разореніе, или хлѣба не хватало весною, мужикъ бралъ въ руки кнутъ и отправлялся съ лошадьми изъ „заимки“ въ свою столицу, въ свое родное село, гдѣ у него былъ домъ и весь обиходъ. Тамъ онъ терпѣливо ждалъ купеческихъ обозовъ и случая. На большой почтовой дорогѣ, при столь сильномъ движеніи грузовъ, всякаго рода „случаи“ были дѣломъ обыденнымъ. То лошадь пала, то телѣга сломалась, то ямщикъ захворалъ. Слѣдовательно, въ заработкѣ не было недостатка.

— А сколько эти извозчики поѣдали мяса, яицъ, птицы, сала,—уму непостижимо. Сколько заготавливать имъ приходилось муки, крупы, картошки, капусты, огур-

Сибирскій трактъ

цовъ: бабы насаждать въ огородахъ не успѣвали. Лошадь тоже имѣла свою цѣну: хорошую завсегда продашь, а и худую брали; и баранъ, и свинья держались въ цѣнѣ...—разсказывали мнѣ крестьяне про эти блаженныя и минувшія уже времена.

И это дѣйствительно было такъ. Желѣзная дорога сразу все перемѣнила.

Заработки при постройкѣ желѣзной дороги и эксплоатаціи ея, слабо связанныя съ мѣстнымъ земледѣліемъ, мало знакомы крестьянамъ и не постоянны. Прежде всего они требуютъ непрерывнаго пребыванія на линіи, нуждаются въ подвижномъ рабочемъ составѣ, легко переходящемъ съ мѣста на мѣсто и легко приспособляющемся къ разнообразнымъ занятіямъ... Однимъ словомъ, желѣзной дорогѣ нуженъ для поддержанія ея пролетарій или спеціалистъ, а затѣмъ уже хлѣбопашецъ, какъ поставщикъ груза.

Рынки сбыта и биржи цѣны ушли отъ мужиковъ куда-то въ невѣдомую имъ даль, зачастую въ другой конецъ міра.

Колебанія цѣнъ, ихъ внезапные подъемы и паденія начали дѣйствовать въ видѣ какихъ-то сверхъестественныхъ, непонятныхъ мужикамъ силъ. Сибирскій крестьянинъ одурѣлъ окончательно отъ этого водопада неожиданностей, потерялъ самоувѣренность и во многихъ случаяхъ даже охоту къ труду. Усилился деревенскій пессимизмъ, за нимъ же усилилось и пьянство.

— Какъ ни верти, а все отъ бѣды не уйдешь. Такъ по крайней мѣрѣ напьюсь я за свои кровныя денежки!— разсуждалъ склонный вообще къ выпивкѣ сибирякъ.

— Бродимъ мы, милый баринъ, нынѣ въ потемкахъ, и не знаемъ, что ждетъ насъ. Пожалуй, будетъ лучше,

а пожалуй, будетъ и хуже. Одно вѣрно, что теперь плохо, очень плохо, да и въ толкъ не беремъ, какъ бѣдѣ пособить,—жаловался мнѣ умный, дѣльный хлѣбопашецъ.

Вдобавокъ одновременно почти съ желѣзной дорогой на сибирскій крестьянскій міръ обрушились тяжелымъ бременемъ двѣ важныя реформы: поземельное устройство и новое судопроизводство. Обѣ эти реформы потребовали отъ деревенскаго населенія значительнаго напряженія ума и большихъ денежныхъ средствъ. Между тѣмъ заработки истощились, а неопредѣленное будущее подрывало спокойствіе духа.

Размежеваніе земли между общинами и ограниченіе семейнаго надѣла до 15 десятинъ сразу положили конецъ прежней системѣ сибирскаго хозяйства. Собственно говоря, до этого земли не воздѣлывались систематически, не удобрялись, а просто бросались истощенные участки, и пахари переходили къ новымъ, дѣвственнымъ, или стариннымъ, заброшеннымъ залогамъ, возстановившимъ уже свои производительныя силы. Признаніе сибирскихъ лѣсовъ казенной собственностью за исключеніемъ небольшихъ смежныхъ съ общинами участковъ, и введеніе лѣсной охраны сдѣлало невозможнымъ „подсѣчное“ хозяйство и корчевку „новей“. За недостаткомъ земли стали сибиряки распахивать свои луга и ограничивать скотоводство. Сибирскій мужикъ далеко не рутинеръ; онъ отлично сознаетъ выгоду старательнаго воздѣлыванія и удобренія полей, но дѣло это въ Сибири далеко не легкое.

Европейскіе способы удобренія безъ существенныхъ поправокъ непримѣнимы въ сибирскомъ климатѣ и къ тамошней почвѣ. Они не только не даютъ хорошихъ ре-

зультатовъ, но подчасъ совѣмъ скверные. Долгая, суровая зима, жаркое, сухое лѣто, короткая весна, во время которой быстро тающіе снѣга исчезаютъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, слегка лишь увлажняя поверхностные слои глубоко промерзшей почвы,—все это въ совокупности дѣлаетъ химическіе процессы въ сибирскихъ почвахъ совершенно отличными отъ такихъ же явленій въ Европейской Россіи. Явленія эти еще не изслѣдованы; извѣстно только, что сибирскій черноземъ значительно разнится отъ чернозема Центральной Россіи, Польши и Украйны, что его производительныя силы гораздо скорѣе истощаются и гораздо медленнѣе возстановляются. Сибирскому крестьянину придется произвести много трудныхъ и дорого стоющихъ опытовъ, раньше чѣмъ онъ выучится быстро и хорошо обновлять силы своей кормилицы. Знанія у него мало, денегъ и времени съ каждымъ годомъ меньше. Зато онъ обладаетъ тремя цѣнными качествами, которыя обезпечиваютъ за нимъ конечную побѣду: энергіей, трезвымъ умомъ и большой любовью къ независимости.

Вопросъ только, хватитъ ли ему денегъ?

На крестьянскій бюджетъ, расшатанный появленіемъ желѣзной дороги и значительными межевыми издержками, тяжелымъ бременемъ легли въ настоящее время расходы и на судебную реформу, безусловно нужную и полезную, и на менѣе нужныхъ и полезныхъ земскихъ начальниковъ. Я не стану здѣсь распространяться по этому поводу, такъ какъ эти вопросы всесторонне разрабатывались въ свое время въ русской и сибирской печати.

Ради болѣе точной характеристики экономическаго положенія сибирскаго села, я считаю нужнымъ добавить,

что нынѣ обнаружилась тамъ еще одна нужда, именно необходимость переноски многихъ деревень въ другіе мѣста.

Казалось бы, что въ государствахъ съ сильно централизованной администраціей при проведеніи всякихъ реформъ и обще-государственныхъ предпріятій принимаются въ расчетъ всякаго рода скрещивающіеся факторы и общественные интересы.

На дѣлѣ, однако, выходитъ не то.

По непонятнымъ, напримѣръ, причинамъ Сибирская желѣзная дорога прошла вдалекѣ отъ большинства крупныхъ селъ прежняго Сибирскаго тракта. Впечатлѣніе получается такое, какъ будто поѣздъ все время бѣжитъ по пустынѣ. Единственными почти жилыми мѣстами являются желѣзнодорожные поселки, совершенно новенькіе съ кучами деревянныхъ стружекъ на улицахъ и не высохшей краской на строеніяхъ. Лишь изрѣдка мелькнетъ вдалекѣ старинное придорожное село съ высокими церквами и рядомъ крупныхъ зажиточныхъ избъ. Въ эти сельскія столицы въ свое время стекались зимой жаждущія жизни и впечатлѣній крестьянскія семьи, разбросанныя лѣтомъ по глухимъ заимкамъ. Села кипѣли жизнью, народъ возмѣщалъ себѣ лѣтнія заимочныя лишенія и труды, и купцы бойко здѣсь торговали всевозможнымъ товаромъ.. „Заимки“ же были временными жилищами, трудовыми пристанищами, часто шалашами, или маленькими безъ оконъ и печей избушками, гдѣ сельскіе рабочіе находили лѣтомъ убѣжище ночью или въ непогоду. Отстояли „заимки“ иногда очень далеко отъ деревень, въ 10, даже 20 верстахъ, строились среди луговъ и полей и покидались владѣльцемъ беззаботно, разъ покидались выпаханныя имъ паш-

ти. Только въ случаѣ, если земледѣльческія условія данной мѣстности благопріятствовали основанію постояннаго мѣстожительства, строились на „заимкахъ“ болѣе прочныя избы съ хлѣвами и сараями. Большинство было приспособлено лишь для лѣтняго пребыванія. Избы строились тонко-стѣнныя, хлѣва были тѣс-

Желѣзнодорожный поселокъ.

ные и душные. Зимнее пребываніе въ заимкахъ подвергало жителей многимъ неудобствамъ и даже опасностямъ, въ виду того, что бродяги и воры часто нападали на нихъ, жгли и грабили неосторожныхъ жильцовъ. Денегъ и цѣнныхъ вещей никто на заимку не возилъ и не держалъ ихъ тамъ, да, наконецъ, въ нихъ и не было тамъ надобности.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги сибирскія трактовыя села утеряли значеніе торговыхъ и рабочихъ

рынковъ, транзитныхъ пунктовъ, приспособленныхъ къ отдыху обозовъ и цѣлямъ извоза.

Съ исчезновеніемъ послѣдняго исчезла и потребность въ нихъ. Желѣзнодорожныя станціи, какъ сказано выше, очутились отъ нихъ вдалекѣ.

Земледѣліе выдвинулось на первый планъ, стало единственнымъ средствомъ къ существованію населенія. Оно сразу потребовало особенныхъ попеченій и напряженія всѣхъ силъ поселянъ. Необходимость постояннаго надзора надъ полями, необходимость скапливанія навоза по близости пашень, сбереженіе времени и силъ, принудили земледѣльцевъ мало-по-малу продлить пребываніе на заимкахъ, а во многихъ случаяхъ совсѣмъ переѣхать туда на жительство.

Съ этимъ связаны были многія неудобства: мѣста для заимокъ, какъ я отмѣтилъ выше, преимущественно были выбраны не для постояннаго жительства. Водопой въ большинствѣ случаевъ отсутствовалъ; вѣтры и пурги сильно надоѣдали, наконецъ, постройки были настолько плохія, что жить въ нихъ зимою оказалось невозможно. Предстояло строить новую избу, и выдвинулся впередъ важный вопросъ выбора мѣста поселенія. Не слѣдуетъ забывать, что климатическія и культурныя условія Сибири обязательно требуютъ крупныхъ многолюдныхъ поселеній.

— Снѣга у насъ выпадаютъ иной годъ такіе, что деревня точно въ осадѣ, отрѣзана отъ всего міра!—разсказывали мнѣ сибиряки.

Только многолюдному селу по силамъ проложить въ такихъ снѣгахъ торную дорогу. Мосты и паромы на многочисленныхъ рѣкахъ, гати на топяхъ, общинное управленіе, церковныя нужды, школа, все это вмѣстѣ взятое, вслѣдствіе малочисленности населенія, настоя-

тельно требуетъ, чтобы люди сосредоточивались по селамъ въ большомъ количествѣ. Поэтому выборъ мѣста подъ новое село является вопросомъ труднымъ и сложнымъ, задѣвающимъ много интересовъ. Мѣсто обязательно должно быть достаточно обширное, съ удобнымъ выгономъ, съ обильной и здоровой водой для питья, съ покатостью къ югу, чтобы можно было разводить въ нужномъ количествѣ огороды.

Кромѣ всего этого оно не должно слишкомъ далеко отстоять отъ пахатныхъ полей и сѣнокосовъ. Между тѣмъ, размежеваніе земель установило для каждой общины опредѣленныя границы и предоставило во владѣніе единичной семьи опредѣленный участокъ, поэтому выборъ подъ село мѣста, въ равной мѣрѣ удобнаго для всѣхъ, сталъ крайне затруднительнымъ, и въ то-же время прежнія села по своему положенію часто оказались никуда не годными.

Но въ концѣ концовъ хозяйственные интересы взяли перевѣсъ надъ привычкой къ насиженному гнѣзду, и вотъ съ громадной затратой денегъ, времени и труда медленно появляются новые центры жизни, куда лѣпятся перекочевываютъ жители прежнихъ деревенскихъ ямскихъ станицъ.

Въ послѣднихъ постепенно увеличивается число избъ, лишенныхъ оконъ, съ заколоченными наглухо дверьми, пустыхъ, грустныхъ, обветшалыхъ и умирающихъ. А рядомъ съ ними умираетъ нѣкогда красивая, широкая торная дорога. Теперь она представляетъ только узенькій, запущенный проселочный путь, и лишь верстовые столбы да выбѣленные известкой придорожные камни, да красивые мостики, да могучіе повороты, да искуственные спуски и подъемы на крутые увалы напомина-

ютъ о прежнемъ значеніи и великолѣпіи покойнаго Сибирскаго тракта.

Всѣ его оставили.

Вдали отъ него основываются новенькія деревеньки, сосѣди соединяются въ небольшія слободки, прорубаютъ въ тайгахъ новые пути, роютъ колодцы, строятъ избы. Новоселы не всегда, впрочемъ, попадаютъ сразу на хорошія мѣста: случается, что выстроенную вновь деревню бросаютъ, также какъ и старую, или ростъ ея вдругъ останавливается, не имѣя данныхъ къ дальнѣйшему развитію. Много теперь въ Сибири такихъ чахлыхъ неудачныхъ деревень.

— А кто виной всему? Понятно, чугунка! Развѣ раньше это бывало?—съ горечью говоритъ сибирскій мужикъ.

Но жизнь не стоитъ на мѣстѣ и безъ вниманія къ тому, что давитъ человѣческія существа, все подвигается впередъ. Все созидаемое рождается въ страданіяхъ и укрѣпляется добровольнымъ или вынужденнымъ самопожертвованіемъ. Сибирскую желѣзную дорогу построилъ никто иной, только этотъ самый сибирскій мужикъ, который теперь съ такимъ гнѣвомъ и болѣзненнымъ изумленіемъ смотритъ на пролетающаго мимо желѣзнаго змѣя.

Если поэтому вамъ случится проѣзжать въ тепломъ, удобномъ экспрессѣ мимо этихъ бѣдныхъ сѣренькихъ и запущенныхъ сибирскихъ деревушекъ, подумайте съ доброжелательствомъ объ живущихъ въ нихъ, мятущихся въ непонятной тоскѣ сердцахъ, такъ какъ несущія васъ рельсы всей своей тяжестью налегаютъ прежде всего на нихъ.

Истокъ р. Ангары изъ озера Байкала.

IV.

Сибирская желѣзная дорога.

„И сказалъ конь Ванькѣ-истопнику: войди въ мое правое ухо. Ванька вошелъ и очутился въ великолѣпномъ дворцѣ, гдѣ сіялъ сказочный свѣтъ, гдѣ по столамъ разставлены были обильные кушанья и напитки, и наигрывала чудная музыка. А конь между тѣмъ несся выше лѣса шумячаго, ниже облака ходячаго“...

Басню эту разсказывали мнѣ въ дѣтствѣ. Дѣйствительность, представившаяся моимъ глазамъ, ничуть не уступала сказкѣ: зеркала, бронза, красное дерево, хрустальная посуда, зеркальныя окна, ковры, занавѣси, мягкія кресла и диваны, передъ ними изящные, разные столики... Собственно не вагоны, а небольшія передвижныя гостиныя на колесахъ. Піанино, ноты и книги. Освѣщеніе великолѣпное, электрическое. По требованію путешественника даютъ ему самыя изысканные блюда и напитки, есть у него возможность сноситься со всѣмъ міромъ при помощи телеграфа. Обѣщаютъ даже телефонъ, что дастъ пасажирамъ возможность, не выходя изъ вагона, переговариваться не только со станціей, но и съ ближайшими городами.

„Желѣзный конь“ между тѣмъ все скачетъ и пронизаетъ на подобіе стальной иглы снѣжную мятель,

скопившіяся на горныхъ вершинахъ тучи, безпредѣльныя степи, накаленныя солнечными лучами скалистые овраги и темные тоннели. „Ванька-истопникъ“, преобразившійся въ прекраснаго принца, заглядѣвшись въ глаза какой нибудь попутной феи, едва будетъ знать о томъ, гдѣ онъ находится въ данный моментъ.

Весь чудный міръ промелькнетъ передъ нимъ, разбитый на тысячу частей величиною въ вагонное окно. Наружность „истопника“, конечно, выиграетъ отъ этого, но самъ онъ врядъ-ли станетъ смѣтливѣе, чѣмъ въ то время когда принужденъ былъ собственными силами преодолѣвать тѣ-же самыя опасности, пространства, горы, ущелья и рѣки. А можетъ быть онъ воспользуется, досугомъ и направитъ свои поиски въ другую область, загляпетъ въ темные закоулки собственной души?..

Особенно великолѣпны вагоны—экспрессы Манчжурской желѣзной дороги. Правда, увидѣлъ я ихъ въ благопріятное время, такъ какъ они были въ пути всего второй разъ, но все-таки комфортабельность ихъ устройства, удобство и чистота были безупречны и прямо восхищали меня.

Сибирская дорога сокращаетъ въ половину путь на Дальній Востокъ. Она стала необходима промышленной и денежной Европѣ; со времени вторженія послѣдней въ область Китая политическія соображенія заставили Россію проложить рельсовый путъ съ особенной поспѣшностью. Еслибъ она этого не сдѣлала, построили бы его англичане, американцы или нѣмцы и провели линію южнѣе черезъ Стамбулъ, Персію и Монголію. Такъ какъ сибирская дорога несомнѣнно сдѣлается со временемъ международнымъ путемъ сообщенія, то госу-

дарственное значеніе ея не поддается никакимъ вычисленіямъ. Прежде всего она ослабитъ многія устарѣвшія и тягостныя узы. Уже и теперь много говорятъ объ устраненіи нѣкоторыхъ таможенныхъ и паспортныхъ формальностей, объ улучшеніи полицейской и желѣзнодорожной службы для удобства заграничныхъ, а слѣдовательно, и мѣстныхъ пассажировъ. Далѣе въ предѣлахъ своего вліянія желѣзная дорога значительно подниметъ культурный уровень въ прилегающемъ къ ней поясѣ: она увеличитъ современемъ заработки земледѣльца, повысивъ цѣнность его продуктовъ, пріучитъ жителей работать добросовѣстнѣе, скорѣе и точнѣе, вселитъ имъ новыя привычки, пріучитъ ко многимъ жизненнымъ удобствамъ и воспитаетъ исподволь путемъ примѣра сознаніе собственнаго достоинства.

Достаточно сравнить экспрессъ, какъ представителя такъ сказать Европы, съ обыкновенными поѣздами, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какая пропасть ихъ раздѣляетъ, и какъ много еще предстоитъ сдѣлать въ смыслѣ улучшенія мѣстныхъ обычаевъ и потребностей.

Прежде всего обыкновенные поѣзда постоянно опаздываютъ... Ненужныя остановки, опаздываніе и неточность, неряшливость расписаній прямо коренной недостатокъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Стоянки на станціяхъ длятся столько, сколько заблагоразсудится начальнику станціи, оберъ-кондуктору и... просто машинисту. Вагоны грязны, станціи того хуже; буфеты, особенно сибирскіе, приноровлены прежде всего къ привычкѣ проѣзжихъ „выпить и закусить“; приличнаго кушанья тамъ не получишь; обѣды холодны, отвратительны, зловонны и... крайне дороги. Въ желѣзнодорожномъ прейскурантѣ цѣны очень высоки и ничуть не сообразованы

съ качествомъ подаваемыхъ блюдъ. Кромѣ того прислуга постоянно насчитываетъ. Въ продолженіе всего путешествія мнѣ ни разу не случилось, чтобы служитель при расчетѣ не ошибся въ убытокъ мнѣ. Подъ конецъ такое постоянное повтореніе этого явленія доставляло мнѣ даже нѣкоторое теоретическое удовлетвореніе, оправданіе моихъ обобщеній.

Долженъ, впрочемъ, сдѣлать оговорку, что китайская прислуга въ Манчжуріи ни разу меня не обсчитала.

Въ пути за всѣмъ необходимо самому смотрѣть, во все самому вникать и обо всемъ самому хлопотать неусыпно, начиная съ вещей и кончая кипяткомъ.

На каждой станціи имѣется напримѣръ, небольшое строеніе съ вывѣской „кипятокъ безплатно“. Отлично.— Велѣлъ я подать себѣ этого безплатнаго кипятку, но къ сожалѣнію, онъ оказался совершенно непригоднымъ къ употребленію. Я повторилъ опытъ на нѣсколькихъ станціяхъ, но вездѣ мнѣ подавали все ту-же бурую, зловонную жидкость. Тогда я рѣшилъ лично познакомиться съ приготовленіемъ безплатнаго кипятка.—Въ темной, грязной, похожей на деревенскую баню, будкѣ, я увидѣлъ грязнаго человѣка за деревянной, захватанной перегородкой; онъ стоялъ у котла, вмазаннаго въ жарко топившуюся печку и деревяннымъ черпакомъ разливалъ публикѣ кипятокъ. Котелъ прикрытъ былъ досчатой крышкой. Вездѣ валялся мусоръ, и пыль толстымъ слоемъ покрывала все ей доступное.

Голубчикъ мой, котла то вы вѣрно никогда не моете?.. Какую вы воду мнѣ налили, посмотрите?!

Служитель грозно повернулся ко мнѣ и готовился уже обругать, но моя относительно приличная одежда, видимо, смутила его.

— А я то чѣмъ виноватъ?! Сказали мнѣ—вари и варю! Она *сама* отъ кипяченья портится.

Въ виду такого фаталпзма, я отправился за кипяткомъ въ буфетъ. Тамъ за чайникъ кипятку потребовали какъ за чай съ сахаромъ. На нѣкоторыхъ станціяхъ же прямо отказывали въ кипяткѣ.

«Кипятокъ безплатно».

— Мы не обязаны, утверждали буфетчики, вопреки вывѣшеннымъ правиламъ. Чтобы доказать имъ обратное, нужно было остаться до слѣдующаго поѣзда, и, конечно, никто этого не захотѣлъ сдѣлать, а тѣмъ менѣе я, и безъ того запоздавшій въ дорогѣ.

Затѣмъ былъ у меня и такой случай. На одной изъ станцій уже въ Манчжуріи я сдалъ въ багажъ нѣсколько ящиковъ казенныхъ вещей и получилъ въ этомъ квитанцію, но, знакомый уже съ сибирскими и манчжурскими желѣзнодорожными порядками, послѣ перваго же звонка я отправился въ багажный вагонъ посмотрѣть, есть-ли тамъ мои вещи дѣйствительно.

Я безъ труда убѣдился, что моихъ ящиковъ тамъ нѣтъ. Тогда я отправился на станцію и узналъ тамъ, къ удивленію, что они не пойдутъ съ этимъ поѣздомъ, потому что *некому*-де *снести ихъ въ вагонъ*.—Я немедленно нанялъ китайцевъ и такимъ только образомъ спасъ мои академическія коллекціи, иначе они и по сегодня валялись бы на злополучной станціи, въ обществѣ многихъ другихъ.

Благодаря такимъ и тому подобнымъ приключеніямъ, которымъ нѣтъ числа, путешествіе по Сибирской и Манчжурской желѣзной дорогѣ, особенно съ семействомъ и вещами, представляетъ собой длинный рядъ мучительныхъ приключеній. Переѣздъ изъ Москвы въ Иркутскъ обыкновеннымъ поѣздомъ продолжается не менѣе четырнадцати дней, экспрессъ проходитъ то-же разстояніе въ девять дней, а весь путь, вплоть до Портъ-Артура проходитъ онъ въ двадцать дней. Пересаживаться нужно два раза: въ Иркутскѣ и на станціи Манчжурія.— Въ послѣдней находится таможня, и производится осмотръ паспортовъ.

Но и въ экспрессѣ, несмотря на отличные вагоны, нѣтъ тѣхъ удобствъ и той безопасности, которыя существуютъ въ европейскихъ скорыхъ поѣздахъ. Прежде всего прислуга значительно хуже. Среди лакеевъ, на видъ очень благообразныхъ, часто попадаются подозрительныя личности. Мнѣ жаловались пассажиры, что у нихъ часто пропадали мелкія цѣнныя вещи: портъ-сигары, мундштуки, зонтики, палки съ цѣнными набалдачниками, но больше всего оружіе. Все это какъ будто забыто или заброшено самимъ пассажиромъ, если тотъ подниметъ шумъ, вдругъ находится, но чаще всего остается въ рукахъ прислуги.—У меня лакей укралъ

револьверъ и отказался вернуть его и даже искать, пользуясь тѣмъ, что я спохватился довольно поздно, когда нужно было слѣдовать дальше. Въ Иркутскѣ мнѣ указывали лавки, торгующія такими желѣзнодорожными предметами, гдѣ за умѣренную плату можно выкупить украденную вещь. Буфетъ экспресса тоже оставляетъ желать много лучшаго. Управленіе до сихъ поръ не заботилось о правильной доставкѣ провіанта подрядчиками на болѣе значительныхъ станціяхъ. До сихъ поръ поѣздъ снабжается провіантомъ на весь путь отъ Москвы до Иркутска и отъ Байкала до Портъ-Артура. Отсюда разныя не хватки и не всегда пріятный запахъ блюдъ. Больше всего, однако, надоѣдаютъ малокультурные пассажиры, которые варварски обращаются и съ сосѣдями и съ вагонами,— бросаютъ окурки на полъ, плюютъ на ковры, иногда и на головы спящихъ внизу спутниковъ, въ уборныхъ заводятъ тоже свои „ландшафты“, въ вагонахъ разваливаются на диванахъ, захватывая много больше мѣста, чѣмъ имъ полагается, и шумятъ въ коридорахъ, когда всѣ спятъ.

Путешествіе экспрессомъ, конечно, гораздо удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ въ купе, хотя бы перваго класса обыкновенныхъ поѣздовъ, но зато оно втрое дороже послѣдняго.

Кругобайкальскій путь въ то время былъ еще неоконченъ, манчжурскій —только оканчивался. Во многихъ мѣстахъ въ Манчжуріи не было еще станцій; буфеты были очень рѣдки, вслѣдствіе чего, путешествуя обыкновеннымъ поѣздомъ, въ которомъ нѣтъ столовой, нужно было запасаться провизіей, не говоря уже о чайникѣ, чаѣ, сахарѣ, безъ которыхъ въ Сибири и Манчжуріи положительно нельзя путешествовать. Потому-то

пассажиры вездѣ везутъ съ собою множество чемодановъ, баульчиковъ, ящичковъ, создающихъ въ вагонахъ непомѣрную тѣсноту.

Въ Манчжуріи къ сибирскимъ ворамъ и разбойникамъ присоединяются еще прославленные китайскіе „хунхузы“. Говорятъ, что они садятся въ вагоны въ качествѣ обыкновенныхъ пассажировъ, въ дорогѣ бросаются на сосѣдей, грабятъ ихъ и на ходу выскакиваютъ изъ поѣзда. Съ тѣхъ поръ, какъ произошло нѣсколько подобныхъ случаевъ, въ послѣднемъ вагонѣ поѣзда сталъ ѣздить обязательный конвой изъ нѣсколькихъ солдатъ съ ружьями. Въ экспрессѣ не было стражи, такъ какъ онъ нападеній не боится; опасныя мѣста между Харбиномъ и Мукденомъ онъ проходитъ быстро и къ тому же вовсе не возитъ китайцевъ. Въ экспрессъ хунхузъ не попадетъ ни подъ какимъ видомъ, развѣ... въ качествѣ кочегара. Но кочегаръ, даже китаецъ, зарабатываетъ до того недурно, что ему нѣтъ надобности „хунхузить“.

На всемъ пути видѣлъ я стражу, разставленную вдоль линіи; впрочемъ, ея не особенно много (на каждыя тридцать верстъ шесть человѣкъ, черезъ каждыя пять верстъ часовой), но вполнѣ достаточно для охраны порядка. Вдоль строющейся бельгійцами линіи въ центральномъ Китаѣ совсѣмъ нѣтъ стражи, и порядокъ тѣмъ не менѣе не нарушается.

Пассажирскіе поѣзда ходятъ по одному въ сутки въ обоихъ направленіяхъ, всего ихъ, слѣдовательно, два поѣзда. Мосты и болѣе значительныя станціи охраняются болѣе крупными военными отрядами. Вблизи станціи обыкновенно построена казарма, окруженная высокой стѣной. Всего этого нѣтъ на упомянутой линіи Ханькоу-Пекинъ.

Желѣзнодорожная пристань на озерѣ Байкалѣ.

Одинъ изъ офицеровъ этой желѣзнодорожной стражи которую неизвѣстно почему зовутъ „пограничной“ сильно жаловался мнѣ на свое положеніе, на безсилье войскъ, на отсутствіе броненосныхъ поѣздовъ и т. д. Но я воочію убѣдился, что въ Манчжуріи всѣмъ живется недурно, и броненосные поѣзда только напрасно бы ржавѣли. Былъ здѣсь, правда, одинъ случай гибели всего желѣзнодорожнаго отряда, но это покрыто тайной, и какъ дѣло происходило, никто хорошенько не знаетъ; поговаривали, что это была просто месть обиженныхъ стражниками туземцевъ.

Покамѣстъ товарное движеніе на дорогѣ слабо и, главнымъ образомъ, направлено къ удовлетворенію потребностей самого пути; со временемъ, можно надѣяться, что оно будетъ громадно. Желѣзная дорога все еще воздерживалась отъ пріема частныхъ грузовъ, и вполнѣ готовой она была-бы, вѣроятно, не раньше 1905 года.— Хинганскій туннель пробуравили во время моего проѣзда. Въ то время полагали, что для сооруженія къ нему подъѣздовъ потребуется, по меньшей мѣрѣ, полтора года. Впрочемъ, подъемный спускъ „тупиками“ по склонамъ Хинганскаго хребта, не представляетъ большихъ затрудненій, не очень крутъ и не продолжается долго. Поѣздъ переводятъ нѣсколько разъ въ зигзагъ, при чемъ ниже верхней насыпи виднѣется второй путь и такъ дальше. Съ тупиковъ открывался великолѣпный видъ на кишащую людьми, густо застроенную долину. Вездѣ струился дымъ паровыхъ машинъ, буравящихъ нѣдра горъ, вездѣ сновали люди, везли землю въ тачкахъ, телѣгахъ, крошили скалы, строили мосты и сколачивали остовы какихъ-то громадныхъ деревянныхъ сооруженій.

Забайкальская линія самая красивая часть Сибирской желѣзной дороги, красивѣе Урала, Хингана, и даже Лаотунгскаго полуострова, гдѣ по обѣимъ сторонамъ поѣзда то и дѣло мелькаетъ голубое море. Поѣздъ идетъ сначала по самому краю Байкала, такъ что мѣстами волны ударяютъ прямо въ желѣзнодорожную насыпь. Байкалъ принадлежитъ къ числу самыхъ живописныхъ озеръ въ мірѣ. Онъ соединяетъ морской просторъ съ легкостью и звучностью прѣсноводныхъ волнъ. Притомъ у него свои несравненные свѣтовые эффекты. Его берега то исчезаютъ, превращаясь въ тоненькую темную полоску, то вдругъ вырастаютъ, точно неожиданныя туманныя картины въ волшебномъ фонарѣ. Его волны отливаютъ сизымъ жемчугомъ, переходящимъ иногда въ густо-голубой или стальной цвѣтъ. Кругомъ тѣснятся громады скалистыхъ, крутыхъ и лѣсистыхъ сопокъ. Лиственница, сосна, кедръ, ель, ольха, березина, тополь образуютъ прелестные узоры, полные самыхъ причудливыхъ оттѣнковъ, на изумрудномъ коврѣ тайги. Густой, богатый подлѣсокъ, состоящій изъ орѣшника, черной смородины, малины и другихъ кустарниковъ съ листьями самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и формъ, подшиваетъ лѣса. Тайга байкальская несравненно веселѣе средне-сибирской тайги. Тамъ есть и дикія, темныя дебри, заросшія исполинскими деревьями, и чудныя полянки, усѣянныя яркими цвѣтами, и веселыя кокетливыя рощи лиственныхъ породъ. Я видывалъ тамъ и, усѣянныя морошкой, мшистыя тундры дальняго сѣвера, и наряду съ ними цвѣтущія розы, бѣлую повойку, фіалки, ароматическій сибирскій нарцисъ и „соранку“— оранжевый сибирскій тюльпанъ сибирскаго юга. Въ зеленой травѣ мелькаетъ тамъ точно пламя „жаркой“,

настоящій „сибирскій гранатъ“, олицетвореніе могучей, стихійной любви. Прекрасный цвѣтокъ, стрѣляющій вверхъ прямо изъ стебля, не любитъ товарищей; онъ какъ будто чувствуетъ, что одинокій во влажной, сочной травѣ онъ сильнѣе манитъ взоры прохожихъ и чаруетъ ихъ своимъ несравненнымъ цвѣтомъ, пропитаннымъ огнемъ и солнцемъ.

Весной, когда склоны Байкальскихъ горъ покроются лиловой дымкой цвѣтущаго богульника, и лиловый этотъ пожаръ вспыхнетъ кругомъ, отраженный въ тихой водѣ озера, только что освобожденной отъ ледяныхъ оковъ, когда по утесамъ быстро понесутся многочисленные шумящіе водопады, когда зеленая мгла молодой листвы окутаетъ проснувшійся лѣсъ и сквозь нее блеснетъ голубое зеркало водныхъ пучинъ,—здѣсь такъ хорошо, такъ неотразимо очаровательно, что положительно можно забыться на яву и просидѣть долгіе часы въ лѣсной тиши, наблюдая за играми дикихъ утокъ или совѣщаніями важныхъ черныхъ баклановъ, летающихъ стаями у крутыхъ береговъ...

Лѣтомъ жизнь кипитъ надъ Байкаломъ. Медвѣди посѣщаютъ его мели, въ поискахъ за трупами тюленей, замерзшихъ зимой и выброшенныхъ теперь волнами; туда же приходитъ дикая коза, и олень благородный на водопой; дикій кабанъ спѣшитъ изъ промерзшихъ, еще снѣгомъ покрытыхъ дебрей къ влажнымъ благодатнымъ байкальскимъ берегамъ; хохлатые удоды летаютъ промежъ деревьевъ; появляются тетерева и глухари. Охота на берегахъ Байкала прямо сказочная.

Но какъ бы то ни было, лучше и красивѣе всего само озеро, особенно въ тихіе лѣтніе дни, когда лѣсъ стоитъ неподвижно въ тепломъ, пропитанномъ солнцемъ

и смолою воздухѣ, и когда все замираетъ на минуту въ упоительной нѣгѣ какого то ожиданія; одно лишь озеро—чудное, синее, тронутое дальней грозой,—гремитъ, пѣнится и бросаетъ свои волны на скалистые утесы и мели. Волнуясь такъ безъ вѣтра, безъ видимой причины, оно кажется какимъ-то живымъ могучимъ существомъ, которое чувствуетъ и мыслитъ, какъ и мы, и, какъ мы, любитъ и страдаетъ...

Путешественникъ, проѣзжающій по желѣзной дорогѣ, не замѣтитъ всѣхъ этихъ красотъ Байкальскаго озера: лѣса вдоль пути повырублены, повыжжены, истреблены, звѣри и птицы разогнаны, видно только само озеро въ его вѣчной, дѣвственной красотѣ. Но и этого достаточно для полученія впечатлѣній необыкновенныхъ особенно, когда изъ-за дальнихъ горизонтовъ, вызванный странной игрой свѣта, подымется скалистый Ольхонъ, будто птица Гандарва, простирающая свои крылья отъ Востока къ Западу. Носится онъ надъ водами, отрѣзанный отъ нихъ полосой серебряныхъ тумановъ, и на слегка дрожащей его картинѣ явственно виднѣется каждая черта, каждая щелка, горпая жилка, даже каждое деревцо и кустарникъ, несмотря на то, что 100 верстъ разстоянія отдѣляетъ островъ отъ зрителя.—Но вотъ налетѣвшая тучка закрыла солнце, или легкое дуновеніе вѣтерка помутило хрустальную гладь водъ, и громадный островъ исчезъ, какъ сонное видѣніе.

Съ трудомъ покидаю эти чудныя воспоминанія.

Далѣе желѣзная дорога вьется по берегу живописной Ингоды. За Читой начинается степь. И такимъ образомъ панорама все измѣняется, какъ будто не желая наскучить путешественнику своимъ однообразіемъ.

Берега озера Байкала.

Сѣверозападная покатость Хингапскаго хребта гораздо менѣе живописна юговосточной. Сейчасъ-же съ перевала открывается красивый видъ на Бухатскую долину, гдѣ уже является южная растительность: дубъ, клепъ, букъ, вязъ. Деревни попадаются все чаще, возлѣлашные участки сливаются въ обширныя поля. Лѣса исчезаютъ и не встрѣчаются уже вплоть до самаго моря. Путешественникъ, ѣдущій южною вѣтвью Маньчжурской дороги, увидитъ лѣса уже только въ Японіи. Вдоль восточной вѣтви, понаправленію къ Владивостоку, напротивъ, лѣсъ ни на минуту не оставляетъ дороги; послѣдняя линія болѣе дика и живописна, по мнѣ кажется, что главный контингентъ путешественниковъ направится именно къ югу. Развѣтвленіе начинается у Харбина, лежащаго на берегу Сунгари. Этотъ только что основанный городъ со временемъ несомнѣнно растется до размѣровъ Чикаго; онъ уже теперь кишитъ народомъ, строится и заводитъ свои порядки. Пользуется онъ среди путешественниковъ очень дурной славой по причинѣ своей дороговизны и городскихъ разбойниковъ, попаливающихъ не хуже „хунхузовъ“.

Нѣкогда это была обѣтованная земля для всякаго рода бродягъ и общественныхъ подонковъ; когда власти вознамѣрились завести кой-какой порядокъ и приказали убраться всѣмъ безпаспортнымъ и вообще всѣмъ, которые не могли удостовѣрить своей личности, такъ двинулись вонъ двѣ трети населенія. Необходимо было оставить все по прежнему, иначе городъ въ конецъ бы обезлюдѣлъ.

— Все же есть отъ нихъ маленькая польза, они только ночью воруютъ и грабятъ, а днемъ немного и работаютъ!— говорилъ мнѣ одинъ изъ давнишнихъ жителей Харбина.

Такихъ желѣзнодорожныхъ городовъ, появившихся вдругъ у желѣзнодорожнаго полотна, довольно много въ Сибири и Манчжуріи. Всѣ они похожи другъ на друга, одинаково застроены, одинаково грязны, казарменны и неизящны. Во всѣхъ легче добыть бутылку хорошаго шампанскаго, чѣмъ стаканъ чистой воды. Исключеніе составляютъ одинъ Портъ-Артуръ и Дальній.

Это города-соперники, имѣющіе своихъ сторонниковъ и противниковъ и въ высшихъ и въ низшихъ общественныхъ слояхъ. Даже по наружности своей они представляютъ полное противорѣчіе.

Дальній—это чистенькій, благоустроенный городокъ съ широкими улицами, съ красивыми виллами, умѣло и удобно расположенными, съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ телефонами и всѣми удобствами современной культурной жизни. Ему нехватаетъ только пустяковъ: народонаселенія и хорошей естественной гавани. Большой его заливъ открывается прямо въ море, и поэтому для защиты кораблей строился тамъ изъ большихъ каменныхъ глыбъ искуственный молъ. Зато у него отличная пристань, по которой поѣзда подходятъ къ самымъ кораблямъ, вслѣдствіе чего пересадка изъ вагоновъ въ каюты будетъ производиться современемъ со всевозможнымъ удобствомъ и легкостью. И теперь экспрессъ идетъ прямо въ Дальній, откуда въ тотъ же день уходятъ скорые пароходы въ Нагассаки и въ Шангхай.

Несмотря на всѣ эти удобства, Дальній производилъ тягостное впечатлѣніе. Въ красивенькихъ виллахъ никто не жилъ, по улицамъ почти никто не ходилъ, не было лавокъ, торговли, людей...—Противники звали его городомъ „нестолько Дальнимъ, сколько Лишнимъ“.

— Поглотилъ онъ уже 28 милліоновъ рублей, поглотитъ еще столько, а все-таки, не разцвѣтши, завянетъ: города не создаются искуственно! – толкуютъ портъ-артурцы.

Портъ-Артуръ, напротивъ, былъ городъ грязный, неустроенный, раскинутый, но зато жизнь въ немъ била ключомъ. Многоцвѣтная и многоязычная толпа вилась змѣемъ по улицамъ. Въ великолѣпной естественной гавани стояло множество кораблей, лавокъ въ городѣ существовало пропасть, заводскія трубы дымили, машины гремѣли, и съ утра до ночи раздавался трескъ минъ, взрывающихъ береговые утесы, чтобы создать мѣста для новыхъ улицъ и построекъ. Городъ былъ похожъ на строющійся муравейникъ. Онъ былъ задуманъ по крупному барскому масштабу. –Здѣсь слагались и созрѣвали новые политическіе планы, и предрѣшались міровыя предпріятья; здѣсь скоплялись несмѣтныя богатства, плывущія рѣкой съ полей мужицкой Россіи; сюда стекались авантюристы обоихъ половъ съ обоихъ полушарій съ цѣлью наживы, и ради жизни въ свое удовольствіе. А кругомъ по гребнямъ горъ сторожили грозныя батареи и цѣпи непрерывныхъ укрѣпленій.

Я не примкнулъ въ то время ни къ сторонникамъ Портъ-Артура, ни къ защитникамъ Дальняго, но не могъ воздержаться отъ одного замѣчанія: Портъ-Артуръ, правда, давилъ своей жизнью и богатствомъ Дальній, но жизнь его связана была исключительно съ арміей. Это была жизнь первоклассnаго военнаго порта, прежде всего военная и политическая. Ужилась ли бы европейская торговля, для которой главнымъ образомъ была сооружена Сибирская желѣзная дорога, съ военной администраціей, или предпочла бы она менѣе удобную,

но гражданскую и спокойную гавань Дальняго? Этого никто предсказать не могъ. Между тѣмъ именно только онъ, этотъ потокъ европейской науки, капиталовъ и обычаевъ, имѣлъ-бы рѣшающій голосъ для будущности этихъ двухъ городовъ. Изъ нихъ разцвѣлъ бы несомнѣнно тотъ, къ которому онъ бы направился.—Жизнь настоящая, жизнь съ задатками будущности, несомнѣнно, вездѣ стремится превратить блестящій лагерь въ скромную, но полезную мастерскую.

Забайкальская желѣзная дорога: долина р. Ингоды.

V.

Манчжурія.

Страна красивая, обширная, разнообразная; къ сѣверу и западу слегка холмистая, степная и травянистая; къ югу гористая, къ востоку лѣсистая, покрытая высокими горными цѣпями, изрѣзанная долинами и сплавными рѣками; страна густо населенная и хорошо воздѣланная; страна, богатая золотомъ, желѣзомъ, мѣдью, каолиномъ, каменнымъ углемъ, дорогими сортами лѣса, какъ дубъ, букъ, кленъ, кедръ, лиственница, сосна; страна, богатая фруктовыми и шелковичными деревьями, изобилующая всякаго рода дичью: козами, оленями, антилопами, кулапами (дикими ослами), лисицами, волками, медвѣдями, тиграми; искони излюбленный край болотной птицы, отечество фазана и сѣрыхъ голубей, беркутовъ и соколовъ; страна, населенная народомъ смирнымъ, многократно покоряемымъ и привыкшимъ къ подчиненности—Манчжурія представляетъ собой очень заманчивую добычу для завоевателя.

Два раза она была захвачена Китаемъ; было время, когда значительная ея часть принадлежала Кореѣ; въ XII столѣтіи въ ней господствовали монголы; наконецъ въ XVII столѣтіи изъ туземныхъ племенъ образовалось коренное манчжурское государство, въ свою очередь

завоевавшее Китай и давшее начало нынѣ царствующей въ немъ династіи.

Нурхацій, князь племени Нючей, былъ первымъ властелиномъ изъ этого дома. Сѣверной его столицей былъ г. Гиринъ, южной—Мукденъ, гдѣ въ императорской сокровищницѣ до сихъ поръ хранятся, въ видѣ святыни, его платье и печать, и гдѣ стоитъ его золотой тронъ. Пожалуй, что я былъ послѣднимъ европейцемъ, которому суждено было видѣть эти вещи.

Малолѣтній сынъ Нурхація, уже послѣ смерти послѣдняго, провозглашенъ былъ своимъ дядей какъ „Шуанъ-ди“, т. е. китайскій богдыханъ. Вотъ начало манчжурской династіи.

Но все это только переходящія названія и титулы. Манчжурія всегда была и осталась китайской колоніей. Рядомъ со сплошнымъ китайскимъ населеніемъ живутъ тамъ немногочисленныя, разъединенныя монгольскія и манчжурскія племена, кочевыя, рыболовныя и охотничьи. Китайцы поглотили ихъ, переработали и на всемъ оставили печать своего превосходнаго общественнаго зодчества. Земля воздѣлана китайскими руками, китайскими піонерами проложены дороги, китайскими инженерами построены крѣпости и города; даже Гиринъ и Мукденъ возникли на нѣсколько столѣтій раньше, чѣмъ манчжуры задумали создать независимое государство и научились у китайцевъ править и господствовать. Прекрасный дворецъ, престолъ и платье Нурхація представляютъ собою отличные образцы древнекитайскаго искусства, мукденскія гробницы и чертоги суть китайской архитектуры, тамошняя библіотека наполнена китайской мудростью, переведенной только на манчжурскій языкъ. Теперь и языкъ этотъ исчезаетъ,

«Синій камень», утесъ у Култука на Круго-Байкальской жел. дор.

и уже недалеко то время, когда отъ манчжуровъ не останется и слѣда. Китайскій народъ—величайшій изъ завоевателей міра; проливая исключительно собственную кровь, онъ не разъ совершилъ съ успѣхомъ то, чего не смогли сдѣлать ни Александръ Македонскій, ни полчища Аттилы и Тамерлана. Манчжуровъ нѣтъ, какъ нѣтъ и многихъ другихъ народностей, поглощенныхъ китайцами путемъ мирнаго завоеванія и претворенія. Немногіе манчжуры, которые еще не слились съ китайцами, сохранили кочевыя привычки и не отличаются ничѣмъ отъ своихъ сосѣдей монголовъ; тѣ же изъ нихъ, которые живутъ по селамъ и городамъ и занимаются хлѣбопашествомъ и торговлей, исправляютъ военныя и гражданскія должности, вполнѣ присвоили себѣ одежду и обычаи китайцевъ. Только очень опытный глазъ сумѣетъ подмѣтить особенности манчжурскаго типа по наружному виду и лицу. Манчжуры болѣе сухощавы, стройны, горбоносы; у нихъ завялое, хищное лицо, и глаза у нихъ болѣе косые и узкіе, чѣмъ у природныхъ китайцевъ. Китайцы болѣе коренасты; часто они выше ростомъ манчжуръ, но не такъ ловки, какъ послѣдніе. Лица у нихъ овальныя, глаза довольно большіе и вовсе не косые, съ мягкимъ и грустнымъ выраженіемъ. Кочевые манчжуры населяютъ преимущественно сѣверо-западную часть страны, смежную съ Монголіей. Къ нимъ относятся дауры, солоны, менегри и орочи. Кочевья ихъ перемѣшаны съ монгольскими и бурятскими. Одни горцы орочи, прослывшіе своей храбростью и разбойничьими повадками, держатся въ сторонѣ въ своихъ малодоступныхъ ущельяхъ.

Городъ Хайларъ является административнымъ и торговымъ центромъ манчжурскихъ кочевниковъ. Здѣсь

живетъ „амбань“ (губернаторъ), здѣсь раньше находились храмы, привлекавшіе много паломниковъ, здѣсь же происходили нѣсколько разъ въ годъ большія ярмарки, сопровождавшіяся играми и скачками. Обнесенный глинобитной стѣной, четырехугольникъ китайскаго городка и резиденціи губернатора окруженъ былъ тогда слишкомъ 10,000 войлочныхъ юртъ, изъ коихъ большинство оставалось цѣлый годъ на мѣстѣ. Я не засталъ уже города юртъ, кочевники были прогнаны, оба храма, находившіеся внѣ города, у сѣверныхъ и южныхъ воротъ, были ограблены и разрушены, даже красивыя и интересныя фрески на ихъ стѣнахъ были безпощадно загрязнены, исцарапаны и истреблены; деревянныя и металлическія изображенія божествъ унесены, глиняныя разбиты; позолота, разноцвѣтные лаки, рѣзьба и фарфоръ вездѣ искрошены и попорчены, святыни поруганы. Словомъ, здѣсь прошла война.

Когда я сюда пріѣхалъ, ея отголоски еще явственно носились въ воздухѣ. Изгнанный изъ города хайларскій амбань жилъ въ даурской деревушкѣ. Вообще отношенія къ туземцамъ были крайне непріятны и натянуты. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія я безъ труда замѣтилъ, что этотъ невзрачный, маленькій, полуразрушенный городокъ составлялъ узелъ далеко идущихъ, важныхъ, политическихъ интригъ. Кто тутъ игралъ, и какова была ставка игры, узнаетъ, думаю, только современемъ историкъ... по бумагамъ петербургскаго архива. Въ результатѣ китайцы подозрительно слѣдили за русскими и монголами, монголы доносили на китайцевъ, дауры съ притворнымъ спокойствіемъ присматривались ко всему, не показывая, на чью сторону они склоняются. Ни съ того, ни съ сего проносились

тревожные слухи; то говорили, что амбаню присланы изъ Пекина военныя знамена, то опять, что Туанъ съ 80,000 солдатъ готовится выступить весною изъ южной Монголіи къ берегамъ Амура, чтобы отрѣзать русской арміи отступленіе.—Мнѣ даже показывали кочевой лагерь дауровъ и солоновъ, состоящій исключительно изъ женщинъ и дѣтей, которые будто бы убѣжали съ предполагаемаго пути Туана далѣе къ сѣверу отъ Далай-Нора. Куда дѣвались ихъ мужья и братья, о томъ никто не зналъ, и сами онѣ будто бы сказать не умѣли. Можно было по нѣкоторымъ обмолвкамъ догадываться, что они отправились паломниками въ Лхассу. По временамъ появлялись вдругъ въ степи какія-то странные караваны изъ далекихъ непзвѣстныхъ угловъ Монголіи и, пробывъ нѣсколько дней, исчезали безслѣдно. Во время одной поѣздки въ степь мы встрѣтили нѣсколько человѣкъ чипчи-баргутовъ, пріѣхавшихъ отъ Тибетской границы, а передъ моимъ отъѣздомъ шлялась по улицамъ Хайлара въ сопровожденіи мохнатыхъ верблюдовъ шайка халхасцевъ, одного изъ самыхъ могущественныхъ монгольскихъ племенъ. -Поговаривали, что они пріѣхали покупать муку, но офицеръ, собиравшій о нихъ свѣдѣнія, что-то иронически улыбался.

Извѣстно, что монголы ненавидятъ китайцевъ и издавна мечтаютъ о созданіи независимаго государства подъ покровительствомъ Россіи. Духовенство (ламы), пользующееся среди этого народа большимъ вліяніемъ, поддерживаетъ эти стремленія въ надеждѣ, что имъ удастся здѣсь создать теократическое монгольское государство, родъ степнаго Тибета съ ургинскимъ хухтою во главѣ. Съ этой цѣлью они въ свое время причислили Екатерину II къ лику своихъ святыхъ, какъ

Бѣлую Тару, и потихоньку отъ китайцевъ внушаютъ монголамъ, что русскіе цари—воплощеніе тибетскихъ божествъ. Послѣдняя война возродила эти стремленія.— Храбрая монгольская конница оставила китайскіе ряды въ рѣшительную минуту; часть ихъ, кажется, ушла до перваго сраженія, остальные вернулись домой съ Хинганскаго хребта, объясняя свое отступленіе тѣмъ, что они обязаны служить богдыхану единственно въ границахъ своего отечества.

Безъ устали по степи, отъ палатки къ палаткѣ, пролетали невидимыя теченія; скакали всадники на ретивыхъ коняхъ и развозили какія-то извѣстія; въ улусахъ собирались тайные совѣты. Китайцы не осмѣливались мѣшать монголамъ явно въ виду присутствія русскихъ войскъ; слѣдили только за всѣмъ прилежно. Вслѣдъ затѣмъ, по временамъ, ни съ того, ни съ сего появлялись въ окрестностяхъ „хунхузы“, и нѣсколько монголовъ гибло таинственной смертью.

Окрестности Хайлара слыли за очень опасныя, въ поѣздкахъ по степямъ насъ постоянно сопровождалъ многочисленный конвой, но эти опасенія мнѣ показались преувеличенными и какъ будто спеціально создаваемыми для пріѣзжихъ европейцевъ. Я видѣлъ въ той же степи безпечно ѣдущихъ съ товарами забайкальскихъ казаковъ, которые прошли такимъ образомъ отъ самаго Цурухтая; встрѣчались мнѣ и цѣлые обозы русскихъ товаровъ безъ стражи, лишь подъ надзоромъ нѣсколькихъ ямщиковъ, русскихъ и бурятъ, ночующіе далеко въ степи. Наконецъ, въ даурской избѣ мнѣ попался осетинъ, который самъ—другъ съ китайцемъ собирался надолго внутрь страны, кажется... мыть золото.

Забайкальская жел. дор.: на р. Кручинѣ.

Вообще въ Манчжуріи любятъ стращать и себя и другихъ.

Человѣческія головы летятъ съ плечъ долой съ невѣроятной легкостью, летятъ чуть ли не ежедневно. Такъ было до войны, такъ было во время войны, такъ происходитъ и теперь, съ той только разницей, что опять вернулись къ своей ролп... китайскіе палачи.— Китайскіе суды шутить не любятъ, и никому безнаказанно не случается взглянуть въ страшныя судейскія очи.

И странное я отъ всѣхъ этихъ разсказовъ и происшествій вынесъ впечатлѣніе: коль скоро закрою глаза и попытаюсь въ одной картинѣ обобщпть манчжурскія воспоминанія, исчезаютъ тогда и Хайларскія степи, и тамошнія тихія лунныя ночи, исчезаютъ лѣсистые, пасмурные, но величественные склоны Хингана, исчезаютъ фіолетовыя Бохатскія горы, подернутыя горячимъ солнечнымъ туманомъ, исчезаютъ деревушки, дремлющія среди чудно воздѣланныхъ полей въ тѣни пльмовыхъ рощъ; исчезаютъ многолюдные богатые города съ рогатыми башнями, съ храмами, полными ужасныхъ божествъ, съ кишащимъ по улицамъ трудолюбивымъ народомъ, исчезаютъ кружевныя, золоченыя вывѣски торговыхъ китайскихъ кварталовъ... рѣшительно все исчезаетъ, и вижу я опять только колѣнопреклоненнаго, съ распростертыми руками, человѣка въ цѣпяхъ, а потомъ вижу за городомъ среди пыльной песчаной равнины небольшую площадку съ лужей крови посрединѣ и уходящаго прочь палача съ помощниками, а въ сторонѣ небольшой, продолговатый бугорокъ свѣжей взрытой земли, еще чуть-чуть дрожащій...

Хайларскій округъ въ отношеніи климатическомъ, географическомъ и этнографическомъ составляетъ часть Монголіи. Онъ представляетъ собою плоскогорье вышиною въ 1,010 футовъ надъ уровнемъ моря; поэтому климатъ здѣшній, несмотря на низкія широты, довольно суровый. Морозы доходятъ зимой до—30° R, а жестокіе вѣтры еще усиливаютъ стужу. 18 марта снѣжный покровъ еще лежалъ вездѣ цѣликомъ, чрезъ рѣчки и озера мы перебирались по твердому, крѣпкому льду. Тѣмъ не менѣе въ концѣ марта начинается весна и проносится съ бѣшеной сибирской скоростью. Въ апрѣлѣ уже сѣютъ, на исходѣ мая наступаютъ жары, въ іюнѣ термометръ показываетъ въ тѣни + 26° R до + 28° R, на солнцѣ же ртуть подымается до + 36° R.

— Является желаніе сбросить все, раздѣться до рубахи, между тѣмъ этого нельзя. Единственно хорошая баранья папаха спасетъ отъ солнечнаго удара... На шею и плечи набрасываемъ холстины... Иначе бѣда!—разсказывалъ мнѣ офицеръ хайларскаго гарнизона.

Самый жаркій мѣсяцъ іюль. Тогда термометръ рѣдко опускается ниже + 16° R въ тѣни, а между 11 часами и 3 часами по-полудни европеецъ долженъ избѣгать солнца, какъ злѣйшаго врага. Монголы, однако, ходятъ и даже спятъ въ такую жару съ обнаженными головами. Точно также я видѣлъ ихъ ходящихъ съ непокрытой головой въ морозъ и вѣтеръ. Въ половинѣ іюля жара уменьшается. Осень начинается рано. Въ сентябрѣ листья желтѣютъ и падаютъ, трава сохнетъ. Въ полдень жара доходитъ еще до + 30° R, но по ночамъ случаются заморозки. Всѣ единогласно утверждаютъ, что осень самое пріятное время года не только въ Хайларскомъ округѣ, но и во всей Манчжуріи.

Казнь боксеровъ.

Плоскія, травянистыя долины Хайларскаго округа, пожелтѣвшія отъ лѣтней жары, послѣ нѣсколькихъ осеннихъ дождей опять зеленѣютъ, вездѣ являются цвѣты, и каменистыя русла рѣчекъ наполняются струями шумящей воды. Пернатая и четвероногая дичь оставляетъ свои логовища, въ высокой травѣ разгуливаютъ фазаны и куропатки, шныряютъ зайцы; въ тростникахъ по болотамъ перекликаются дикія утки и гуси... Когда мнѣ описывали мѣстныя времена года, я легко представлялъ себѣ ихъ теченіе, такъ какъ они чрезвычайно похожи на сибирскія или забайкальскія. Только къ западу отъ Хайлара, по направленію къ озеру Далай-Норъ, пустыня принимаетъ другой характеръ; тамъ появляются безплодные нагіе солончаки, и полосы безводныхъ песковъ да каменистыя розсыпи,—преддверье Гоби.

Населеніе скопляется преимущественно у береговъ прѣсноводныхъ озеръ и невысыхающихъ рѣкъ да ручьевъ. Стойбища стоятъ обыкновенно по близости тростниковыхъ или ивовыхъ зарослей, употребляемыхъ, какъ топливо. Издали уже замѣтны черные купола полукруглыхъ, войлочныхъ юртъ, передъ которыми стоятъ высокія двухколесныя арбы съ торчащими кверху оглоблями, всегда готовыя къ дорогѣ, такъ какъ, Богъ знаетъ, что можетъ въ каждую минуту случиться въ степи, и предусмотрительный человѣкъ всегда долженъ быть готовъ къ далекому и безвозвратному путешествію...

По близости бродитъ табунъ лошадей, за нимъ слѣдомъ движется рогатый скотъ, тутъ же щиплютъ траву на косогорахъ безчисленныя стада черныхъ овецъ съ бѣлыми головами. Стерегутъ ихъ всадники съ длинными кнутами въ рукахъ, да большія, сѣрыя овчарки, мохнатыя и злыя, какъ волки.

Лѣтомъ всѣмъ живется недурно, корма и воды достаточно, молока пропасть; человѣкъ не только сытъ, но можетъ выкурить немного „араки“ на случай грусти. Монголъ для домашнихъ надобностей никогда не убиваетъ крупный скотъ, обыкновенно онъ довольствуется отъ времени до времени бараномъ; къ счастью, Господь Богъ не забываетъ своихъ дѣтей и по временамъ то на коровъ, то на лошадей ниспосылаетъ болѣзнь или приключенія, въ силу котораго необходимо ихъ дорѣзать и употребить въ пищу. Желѣзнодорожная прислуга разсказывала мнѣ, какъ разъ вспыхнулъ среди монголовъ настоящій бунтъ изъ-за раздавленной поѣздомъ коровы, которую желѣзнодорожники хотѣли зарыть въ землю.

— Это наше счастіе! Богу угодно было, чтобы мы поѣли къ празднику говядины, а вы хотите, чтобы она сгнила!—доказывали намъ эти тварюги!..—повторялъ со смѣхомъ оберъ-кондукторъ.

— А вы зачѣмъ имъ мѣшали?

— Какъ, зачѣмъ? Развѣ можно ѣсть пропадину... Это не законъ. Мы имъ заплатили за корову, она не ихъ!..

И надоѣли мнѣ эти „бунты“ на Дальнемъ Востокѣ, не приведи Богъ. Всѣ они вотъ въ такомъ родѣ.

Исповѣдующимъ ламаизмъ кровопролитіе запрещено религіей. Есть въ году недѣли, когда даже для защиты своей жизни нельзя нарушить эту заповѣдь.

— Въ такое время монгола можно ограбить до тла, онъ и пальцемъ не поведетъ!—объяснялъ мнѣ кондукторъ, повидимому, бывшій каторжникъ. Маленькіе его глаза блестѣли алчно и сладострастно, и я сильно подозрѣваю, что онъ самъ не разъ испытывалъ набожность монголовъ.

Для шаманистовъ заповѣдь эта необязательна, несмотря на это, и они придерживаются ея. Внѣ жизнелюбиваго закона стоятъ только овцы да бараны, которыхъ и ламаисты и шаманисты рѣжутъ и поѣдаютъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Достаточно посѣщенія какого нибудь важнаго гостя, чтобы ножъ былъ пущенъ въ ходъ. Меня изумляла ловкость этихъ природныхъ мясниковъ: ни капля крови, ни шерстинка зарѣзанной овцы не пропадаютъ даромъ...

Китайскій мясникъ.

Въ мгновенье ока они сдираютъ съ животнаго кожу, затѣмъ рубятъ его на части и немедленно варятъ въ котлахъ, повѣшенныхъ надъ очагомъ или поставленныхъ на желѣзномъ треножникѣ. Тотъ же котелъ служитъ и для варки чаю, буды (проса) и молока. Повидимому, онъ никогда не моется и не выскабливается. Неряшливость якутовъ представляется высшей степенью чистоплотности сравнительно съ неряшливостью монгольскихъ кочевниковъ.

Пріученные безводицей цѣнить неимовѣрно воду, они совсѣмъ не моются и никогда не купаются, даже въ томъ случаѣ, если рѣка у нихъ подъ носомъ. Грязь шелушится и отваливается иногда большими кусками съ ихъ лицъ, и тогда сквозь эти естественныя оконца просвѣчиваетъ снизу темная, румяная, здоровая кожа монгольскихъ женщинъ, недурныхъ собою, но сплошь почти раскрашенныхъ копотью, жиромъ и пылью подъ цвѣтъ стараго котла.

Вообще, здѣшніе кочевники —монголы, дауры, солоны, буряты, лучше всего кажутся издали и верхомъ. Наѣздники они лихіе. Посадка у нихъ наклонная, и сидятъ они почти что на лопаткахъ лошадей, вслѣдствіе чего кажется, будто они сами подхватываютъ и волокутъ впередъ своихъ небольшихъ, но горячихъ скакуновъ. Развѣвающееся длиннополое платье, цвѣтныя ленты женскихъ шапокъ усиливаютъ сходство всадниковъ съ стадомъ летящихъ птицъ или кентавровъ, такъ какъ головы лошадей исчезаютъ гдѣ то въ общемъ ихъ очертаніи. Обыкновенно ѣздятъ монголы рысью, и лошади ихъ даже зимою въ снѣгъ въ состояніи проскакать безъ отдыха до 30 верстъ и болѣе.

Вообще, душевныя качества монгольскихъ и манчжурскихъ кочевниковъ производятъ пріятное впечатлѣніе: они смѣлы, просты, услужливы безъ подобострастія, откровенны и разговорчивы безъ назойливости. Они привлекаютъ расположеніе путешественника, несмотря на неряшливость и низкій уровень своихъ потребностей и обычаевъ. Ихъ женщины не порабощены, не укрываются отъ пріѣзжихъ, занимаютъ мѣста въ юртѣ въ кругу мужчинъ и свободно принимаютъ участіе въ общемъ разговорѣ. Превосходны въ своемъ родѣ

монгольскіе ребята, — жирные, выхолешные образчики чадолюбія, они самоувѣренно вмѣшиваются во всѣ домашнія и общественныя дѣла, смѣло разспрашивая старшихъ, въ чемъ дѣло, разъ разбирательство происходило въ ихъ отсутствіе.

Многіе заблаговременно копятъ сокровища. Родители поощряютъ это. Обыкновенно среди лошадей, домашняго скота и овецъ нѣсколько штукъ считается ихъ собственностью, что, однако, не мѣшаетъ родителямъ продавать или убивать этихъ животныхъ по мѣрѣ встрѣтившейся надобности. Одинъ изъ такихъ маленькихъ „крезовъ“ съ гордостью показывалъ мнѣ свой мѣшокъ: тамъ были куклы, камни, кости, куски стекла, манчжурская азбука и нѣсколько блестящихъ бездѣлушекъ. Я просилъ его уступить мнѣ нѣсколько куколъ и предлагалъ даже хорошее вознагражденіе, тѣмъ не менѣе, несмотря на приказаніе родителей, мальчикъ мнѣ въ куклахъ отказалъ; конечно, онъ раньше взялъ мои подарки и очень огорчился, когда родители приказали ему вернуть ихъ обратно. Вообще, кочевники отказывали мнѣ въ продажѣ чего либо изъ ихъ обихода, а также не принимали подарковъ.

— Они почитаютъ тебя за *кулака* (боксера)... Они думай, ты бери, что у человѣка, ты и душа его хватай... Ты съ ней разное дѣлай... Которая бумажная лошадь, живой дѣлаетъ лошадь... Живой лошадь мертвая дѣлаетъ лошадь... Такой ты... Ты у него халатъ бери, пойди домой, его душа за тобой ходи... Такой ты. Монголъ дикій ничего не знай!..—объяснялъ мнѣ ихъ поведеніе китайскій купецъ въ Хайларѣ.

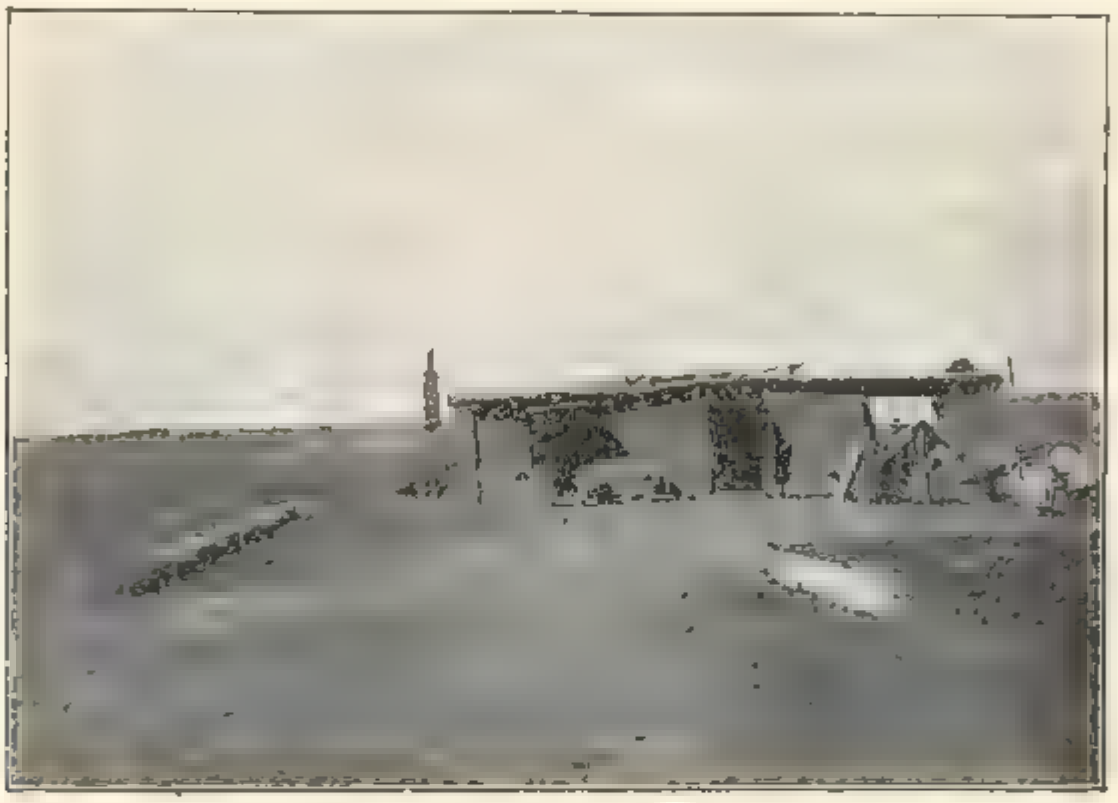
Впрочемъ, и у осѣдлыхъ подгородныхъ дауровъ мнѣ равнымъ образомъ не удалось ничего купить, но, пови-

димому, здѣсь дѣйствовали уже другія причины. Сейчасъ послѣ моего пріѣзда въ деревню къ намъ являлся обязательно мѣстный староста и разспрашивалъ подробно о цѣли нашего посѣщенія; онъ не оставлялъ насъ уже ни на минуту и зорко слѣдилъ за нашимъ поведеніемъ. Въ его вѣжливомъ и предупредительномъ обращеніи проглядывала замѣтная тревога и безпокойство. Я отлично возсоздалъ себѣ его душевное состояніе, когда, проѣзжая дальше по степи, увидѣлъ торчащіе у дороги черные, обгорѣлые остатки разрушенныхъ фанзъ.

— Фанзу смотрите? Такихъ фанзъ здѣсь сотни. Здѣсь живой души не осталось вдоль всего пути, по которому прошли войска. Все истреблено огнемъ и мечомъ. Иначе и нельзя было... Мы или они! Нѣтъ выбора на войнѣ. Даромъ, что онъ плачетъ и въ ногахъ валяется, а отпустишь его, онъ тутъ въ спину тебѣ выстрѣлитъ. Такъто! Что прикажете дѣлать?! Война печальная необходимость. Отсюда даже фазаны укочевали. А изъ Хайлара народъ весь разбѣжался, побросалъ лавки, жилища, утварь. Всякое добро, серебро, драгоцѣнности валялись на улицахъ. Никто не бралъ. Пѣшему солдату дѣлать съ этимъ нечего, носить тяжело. Побросали даже то, что раньше взяли. Только кавалерія немного попользовалась,—сообщали мнѣ участники похода.

Болѣе откровенные разсказывали вещи и похуже. Одинъ военный врачъ спасъ послѣ сраженія нѣсколькихъ раненыхъ китайцевъ, сдѣлалъ имъ скоро перевязку и оставилъ въ ближайшемъ жилищѣ. Это были мирные крестьяне, случайно попавшіе въ сраженіе, старикъ со старухой, да молодая китаянка, дочь ихъ или золовка съ младенцемъ на рукахъ.

— Они плакали и протягивали ко мнѣ руки, умоляя о помощи. Къ сожалѣнію, я принужденъ былъ оставить ихъ, такъ какъ меня позвали къ другимъ раненымъ. Уходя, я отмѣтилъ двери хижины крестомъ, но вернувшись, нашелъ ихъ раскрытыми, раненыхъ стариковъ застрѣленныхъ, молодую женщину изнасилованную и прободенную штыкомъ вмѣстѣ съ ребенкомъ. Ужасъ



«Фанза».

овладѣлъ мною, и я на мгновеніе почувствовалъ глубокое отвращеніе, почти ненависть къ искалѣченнымъ и умирающимъ бѣлымъ животнымъ, моимъ братьямъ, которыхъ мнѣ же приходилось спасать!..—На войнѣ можно возненавидѣть человѣчество, и вмѣстѣ съ тѣмъ привыкаешь страшно жалѣть и понимать человѣка!—разсказывалъ этотъ же врачъ.

Полуосѣдлые дауры, жившіе вблизи городовъ, занимаются земледѣліемъ, коневодствомъ и торговлей. Въ юртахъ живутъ они исключительно лѣтомъ, зиму же

проводятъ въ фанзахъ. Фанза всегда стоитъ въ глубинѣ двора, по сторонамъ котораго находятся сараи, овины и хлѣва.

Фанза выходомъ обращена къ воротамъ и обыкновенно представляетъ четырехугольное продолговатое строеніе съ плоской даурской земляной крышей или рогатой китайской кровлей изъ трубчатой, темной черепицы. По обоимъ концамъ дома торчатъ дымовыя трубы. Трубы выведены совершенно отдѣльно и соединяются съ домомъ каналами, что значительно уменьшаетъ опасность пожара и дѣлаетъ высоту трубы, а слѣдовательно и ея тягу, независимой отъ высоты дома. Со двора небольшія двери ведутъ въ обширныя темныя сѣни. Въ сѣняхъ тутъ же за дверью, по обѣимъ сторонамъ, помѣщаются два очага, на которыхъ варятъ пищу и кипятятъ воду. Отъ одного очага дымовой каналъ направленъ низомъ на мужскую половину дома, гдѣ онъ проходитъ подъ широкими нарами, называемые „канами“, на которыхъ спятъ и проводятъ время обыкновенно хозяинъ и гости. Каналъ второго очага (влѣво, если стать лицомъ къ двери) уходитъ на женскую половину, гдѣ согрѣваетъ такой же женскій „канъ“. Внутренняя часть сѣней отдѣлена перегородкой, которая прилегаетъ непосредственно къ кладовой, къ теплымъ хлѣвамъ и къ комнатѣ для прислуги.

Лѣстница оттуда ведетъ на чердакъ, гдѣ сложена конопля, пучки травы, рогожи, и другія громоздкіе предметы и запасы.

Въ сѣняхъ стоятъ большія кадки съ водой, кувшины съ кунжутнымъ или бобовымъ масломъ, висятъ вдоль стѣнъ сѣдла, упряжь, луки и стрѣлы.

Дома зажиточныхъ дауровъ отличаются отъ лачугъ бѣдныхъ только величиной; распредѣленіе комнатъ въ деревенскихъ домахъ остается почти то же самое.

Мнѣ случалось, впрочемъ, видѣть фанзы, состоящія изъ одной лишь избы, лишенныя женской половины. Жена и дѣти занимали тамъ отдѣльный канъ, влѣво отъ входа, совершенно открытый, даже безъ занавѣси.

Вмѣсто нея стояла тамъ на землѣ небольшая ширмочка,—скорѣе „долгъ“ обычаю, чѣмъ защита отъ любопытныхъ взоровъ.

По срединѣ избы зимою горитъ жаровня; у бѣдныхъ она глиняная, у богатыхъ бронзовая, иногда прелестной чеканки. Какъ только мы входили въ избу, жаровню наполняли свѣжими горячими углями изъ тонкихъ пльмовыхъ или ивовыхъ вѣтокъ, которые сгораютъ, какъ солома, безъ дыма и запаха, но тепла даютъ немного. Большія окна, заклеенныя бумагой, тоже не способствуютъ теплу. Въ морозное время царствуетъ поэтому въ фанзахъ непріятный холодъ.—Чистоту я нашелъ въ даурскихъ жилищахъ не особенную; но по этому вопросу я приведу мнѣніе русскаго крестьянина, побывавшаго въ Китаѣ и Манчжуріи:

— „Все-таки чище у нихъ, чѣмъ у насъ. Въ избѣ китайцы и дауры скота не держатъ, курятъ мало, а потому и дыму нѣтъ; не плюютъ на полъ и подметаютъ его, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ сутки, а иногда и чаще, и избу ежедневно провѣтриваютъ. Постель поутру убираютъ на дворъ. Поэтому въ ихнихъ избахъ воздухъ чище и свѣжѣе, чѣмъ у нашихъ мужичковъ. Запахъ только у нихъ иной, такъ какъ они ѣдятъ иную пищу. Китайцы страсть любятъ чеснокъ и разное зелье, оттого у нихъ и запахъ огородный“.

Посуда, мебель, картины, украшенія у дауровъ—все китайскіе. И одежда у городскихъ и подгородныхъ жителей тоже китайская; только люлька у нихъ другая, и даурскія женщины не бинтуютъ ногъ, ходятъ плавной красивой поступью. Излюбленный цвѣтъ даурцевъ для мужскихъ платьевъ сѣрый, для женскихъ фіолетовый или голубой съ краснымъ, розовымъ, желтымъ или бѣлымъ узоромъ. Они наравнѣ съ китайцами любятъ украшать края одежды гладкой вышивкой; только своихъ оригинальныхъ узоровъ у нихъ уже нѣтъ, они ихъ давно забыли.

Когда бы мы ни вошли въ фанзу, намъ сейчасъ же любезно предлагали чашку свѣже-заваренаго чаю, прикрытую блюдечкомъ. Пить чай слѣдуетъ сквозь щель между краями посуды во избѣжаніе плавающихъ въ кипяткѣ листьевъ. Подавали намъ также сласти и тростниковый, несладкій и грязный, китайскій сахаръ. Въ одномъ домѣ мы попали къ завтраку и отвѣдали буды (проса): препротивной горькой каши, которую ѣдятъ дауры безъ соли и безъ всякой приправы. Она составляетъ главную пищу туземцевъ, особенно въ сѣверной Манчжуріи.

Хайларскій округъ въ настоящее время служитъ главнымъ поставщикомъ скота, лошадей и овецъ, не только для южной Манчжуріи и Китая, но и для смежныхъ областей Сибири. Здѣсь именно китайцы набираютъ гурты убойныхъ воловъ, откармливаютъ ихъ потомъ брагой на югѣ, при винокуренныхъ заводахъ, и сбываютъ съ крупнымъ барышемъ въ русскихъ и китайскихъ городахъ.

— Всѣхъ насъ питаетъ китайская мука, мясо и овощи, -говорилъ мнѣ одинъ купецъ изъ Хабаровска.

Когда во время войны этого всего не стало, мы прямо голодали. Даже за большія деньги ничего нельзя было купить.

Продовольствіе для войскъ тоже закупается въ этой мѣстности.

Это и есть одинъ изъ главныхъ аргументовъ, приводимыхъ сторонниками захвата Манчжуріи.

— „Когда я жилъ въ Россіи, я тоже былъ того мнѣнія, что присоединеніе Манчжуріи намъ не нужно, и что не только Южную Манчжурію, но и Хелуендинскую провинцію слѣдуетъ намъ безотлагательно возвратить Китаю. Теперь на мѣстѣ я убѣдился, что дѣло это далеко не такъ просто. По Амуру пѣтъ на нашемъ берегу ни луговъ, ни полей, пригодныхъ для земледѣлія, только лѣса да утесы. Годная для земледѣлія земля находится исключительно на правой, китайской сторонѣ рѣки. До недавняго времени казаки и береговое населеніе, съ согласія китайцевъ, пользовались ихъ землями отчасти даромъ, отчасти же за небольшое вознагражденіе. Появились даже русско китайскія села въ предѣлахъ самого Китая. Казацкій скотъ и лошади паслись у китайцевъ. Такъ продолжалось вплоть до войны къ обоюдному удовольствію и пользѣ. Теперь положеніе измѣнилось. Китайское правительство запретило отдавать землю въ аренду нашимъ подданнымъ и обложило пошлиною вывозимый къ намъ скотъ. Немедленно же цѣна на мясо въ Благовѣщенскѣ поднялась до 25 коп. за фунтъ. Китайцы спѣшатъ теперь заселить берега Амура своими переселенцами. Конечно, мы этого не допустимъ. Мы уже заставили китайцевъ отмѣнить пошлины на скотъ и на хлѣбъ, но съ уходомъ нашихъ войскъ толпы китайцевъ несомнѣнно нахлынутъ въ по-

граничныя области. Достаточно, чтобы китайцы закрыли всю сѣверную границу для торговли, и наши поселенцы и наши войска очутятся въ крайне затруднительномъ положеніи. Намъ придется съ Амура убраться. Между тѣмъ Амурская низменность поглотила уже много нашихъ силъ и капиталовъ. Тамъ живетъ уже значительное русское населеніе, тамъ есть русскіе золотые промыслы, есть русскіе города и заводы, есть пароходство и лѣсная промышленность. Куда имъ дѣться? Не легко разрѣшить этотъ вопросъ. Каждое дѣло имѣетъ свои логическія послѣдствія. Имѣетъ ихъ и захватъ... тотъ первоначальный захватъ, въ которомъ мы невиновны! Теперь у насъ нѣтъ выбора. Или мы должны отказаться отъ желѣзной дороги, Портъ-Артура и Владивостока, отъ затраченныхъ на нихъ денегъ и труда, затѣмъ уйти изъ Амурскаго и Уссурійскаго края и совсѣмъ оставить колоніальную политику, или мы должны во что бы то ни стало удержать Манчжурію. Все дѣло сводится къ вопросу, какъ этого добиться?!“.

Вышеприведенное мнѣніе вліятельнаго русскаго дѣятеля на Дальнемъ Востокѣ представляетъ мнѣніе большинства здѣшней интеллигенціи. Разнятся лишь предлагаемые проекты захвата.

Насколько я могъ замѣтить, въ Манчжуріи и вообще на Дальнемъ Востокѣ боролись среди русскихъ два враждебныхъ себѣ теченія: гражданское и военное.

Военные требовали полнаго и немедленнаго присоединенія Манчжуріи къ Россіи.

— Черезчуръ много труда и крови она намъ стоила,— говорили они.

Гражданскіе чиновники желали пока включенія страны лишь „въ сферу русскихъ торговыхъ и дипломатическихъ вліяній“.

Цпцикаръ. Городъ со стороны желѣзнодорожной станціи.

— „Прежде всего это обойдется много дешевле присоединенія. Въ странѣ, столь обширной, многолюдной и чуждой намъ, какъ Манчжурія, весьма трудно создать собственную полицію и администрацію и охранять благоустройство провинцій. Да и зачѣмъ намъ это? Гораздо для насъ выгоднѣе, чтобы объ этомъ позаботились сами китайцы. Мы должны прежде всего развить здѣсь нашу промышленность и торговлю. Есть у насъ уже своя желѣзная дорога, свои города и маленькая своя торговля, слѣдуетъ только содержать въ опредѣленныхъ мѣстахъ гарнизоны и завести здѣсь въ нашихъ поселеніяхъ образцовое общественное хозяйство и образцовую полицію. Разъ жизнь тамъ будетъ легче, удобнѣе и безопаснѣе, чѣмъ въ другихъ сосѣднихъ околоткахъ, китайцы сами придутъ къ намъ, наше вліяніе усилится, и послѣдуетъ захватъ мирный, прочный, естественный и культурный. Лишнія войска слѣдуетъ вывести возможно скоро, чтобы жизнь на нашей окраинѣ могла пойти естественнымъ ходомъ“.

Повидимому, послѣдняя партія имѣла нѣкоторый перевѣсъ во время моего пребыванія въ Манчжуріи и, согласно договору, войска начали очищать южную Манчжурію. На одной изъ станцій я встрѣтилъ X-ый полкъ, покинувшій только что городъ Као-янь, гдѣ онъ простоялъ гарнизономъ 3 года.

— Хотя онъ и Китай, а я, господа, грѣшная, чувствовала тамъ себя такъ, какъ дома. Завела куръ, индюшекъ, цѣлое завела хозяйство. Все пришлось бросить, продать за безцѣнокъ. И снова придется все покупать, когда пріѣдемъ въ Россію. Трудно будетъ. Жалованья станемъ получать въ половину меньше, потому что вѣдь миръ. А здѣсь, хотя и война, а я чувствовала себя спо-

койнѣе, чѣмъ тамъ,—разсказывала мнѣ уѣзжающая офицерша.

Офицеры не скрывали своего раздраженія, одни рядовые радовались.

— Рады, братцы, что возвращаетесь къ себѣ?—спросилъ я ихъ.

— Охъ, рады, баринъ, рады!

— А что, развѣ худо было здѣсь?

— Да, понятно, худо: служба тяжела, за всякій пустякъ сейчасъ подъ судъ! Оборвались мы, исхарчились мы, истосковались мы...

Дѣйствительно, необходимость обузданія взбаламученныхъ войною страстей потребовала жестокихъ мѣръ. Опять полилась кровь... Не все ли равно чья?? Вѣдь въ каждой ея каплѣ заключается столько любви и горя, самопожертвованія и несбыточныхъ надеждъ! Вѣдь у самаго отпѣтаго негодяя есть мать, которая родила и воспитывала его въ тревогѣ и мученіяхъ!

Въ Хайларскихъ степяхъ и на Хинганѣ еще царила зима, и случались еще мятели, но лишь только нашъ поѣздъ сбѣжалъ по тупикамъ въ Бохатскую долину, повѣяло весной. Чѣмъ далѣе мы уходили отъ остающихся на сѣверѣ горъ, тѣмъ становилось теплѣе. Снѣжныя пятна бѣлѣли все рѣже на склонахъ уваловъ, по долинѣ быстро катилась вздутая половодьемъ рѣка. Разбухшія почки деревьевъ, чирикающія птицы, веселыя лица китайскихъ рабочихъ, казалось, твердили одно:

— Весна, весна! Нѣтъ больше зимы и страданій.

Утесы, мѣстами очень живописные, уходили въ сторону все шире, становились все ниже и таяли въ глубокой дали.

Цицикарь. Надгробный памятникъ знаменитаго манчжура.

Долина превратилась въ обширную низменность, усѣянную изсѣра-серебристыми рощами ильмъ, чернымъ дубнякомъ и мѣднокрасными ольхами. По косогорамъ тамъ и сямъ зеленѣли сосны, а по болотамъ, среди сѣренькихъ безлистыхъ кустарниковъ, подымали свои темные конусы елп. Низомъ сверкала вездѣ вода; утки трепыхались въ весеннихъ лужахъ, изчерна-серебряныхъ, точь въ точь старинный китайскій лакъ, и окруженныхъ, точно рамкой, засохшей прошлогодней травой. Попадались намъ уже и воздѣланныя поля и деревеньки сѣрыя, плоскія, убогія, а среди нихъ почти всегда чернѣло одно, два пли больше безобразныхъ пожарищъ и развалинъ, отвратительныхъ слѣдовъ войны...

Но люди уже, видимо, забыли минувшую грозу. Ребята играли на пепелищахъ, и женщины тутъ же стирали бѣлье въ потокахъ весенней воды, гдѣ недавно, пожалуй, стояли лужи крови близкихъ имъ людей. Онѣ лишь на мгновеніе поднимали глаза отъ работы, чтобы посмотрѣть на пролетающій мимо поѣздъ варваровъ. Въ голубой дали полей видиѣлись голубые китайскіе пахари. Холодный синеватый цвѣтъ далекихъ горъ постепенно смягчался болѣе теплыми лиловыми, розовыми и фіолетовыми тонами. Солнце пришекало. Наружность толпы на станціяхъ измѣнялась. Европейцы куда то исчезли; вмѣсто нихъ изъ оконъ, особенно 3-го класса, высовывались желтыя китайскія лица въ круглыхъ черныхъ шапочкахъ съ разноцвѣтными шариками на макушкѣ. Китайскіе торговцы и разносчики расхваливали нараспѣвъ свои фрукты, свою жареную рыбу и птицу, да какіе-то сладкіе пирожки, бѣлую и розовую пастилу и миндальныя лепешки.

— Ну это еще не Китай. Вотъ увидите, что будетъ дальше. Здѣсь пусто...—сказалъ мнѣ кто-то изъ бывалыхъ пассажировъ, замѣтивши, что я то и дѣло высовываюсь изъ окна вагона съ моимъ фотографическимъ аппаратомъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, деревни и воздѣланныя поля не сливались еще въ сплошную ленту. Все еще попадались обширныя степныя равнины, поросшія высокой крѣпкой травой, которую какъ разъ жители теперь выжигали.

— Если ее не сжечь по веснѣ, то она не дозволитъ расти молодой травѣ, и степь останется такой же желтой, какъ по осени...—объясняли мнѣ старожилы.

Красная лента огня бѣжала съ змѣинымъ шипѣніемъ вдоль полотна дороги и приближалась иногда къ самой насыпи. Встрѣтивъ на пути наиболѣе густую кучу топлива, рощу или тростникъ, пожаръ вспыхивалъ вверхъ пламеннымъ фонтаномъ, увѣнчаннымъ гривой бураго ѣдкаго дыма. По временамъ казалось, что вотъ-вотъ его огненные языки обовьютъ кругомъ поѣздъ; но мы бѣжали скорѣе степнаго пожара, прорѣзывали его огненные круги, забирались въ новые его очаги и все оставались невредимы. Степь между тѣмъ дымилась кругомъ, какъ одно сплошное пожарище. Такіе палы дѣло здѣсь обычное: никто на нихъ не обращаетъ вниманія; застигнутые ими въ дорогѣ выжигаютъ только кругомъ себя траву, зажигаютъ отвѣтный огонь и ждутъ спокойно, пока оба огненныя чудовища пожрутъ другъ друга.

Поѣздъ нашъ сильно, какъ водится, опоздалъ и прибылъ только подъ вечеръ на станцію Цицикаръ. Она лежитъ въ 20 верстахъ отъ города того же названія.

Кумирня.

Мнѣ рѣшительно не совѣтовали путешествовать по Манчжуріи ночью, да и не нашелъ я на станціи ровно никакихъ средствъ къ передвиженію: ни воза, ни лошадей, ни даже носильщиковъ. Пришлось заночевать. Вопросъ только, гдѣ? Станція Цицикаръ, какъ большинство станцій Манчжурской дороги, находилась тогда еще въ зачаточномъ состояніи. Тамъ не было даже станціоннаго дома. Канцелярія начальника станціи и телеграфъ помѣщались въ какой-то грязной лачугѣ; въ такой же точно ютился и буфетъ. Впрочемъ, мнѣ говорили о какомъ-то постояломъ дворѣ, будто бы существующемъ въ окрестностяхъ, но гдѣ его искать, никто мнѣ указать не могъ. Поневолѣ пришлось мнѣ обратиться къ коменданту станціи. Узнать, гдѣ онъ живетъ, оказалось также трудно, какъ узнать про гостиницу. Грубые, обрюзгшіе служителя отвѣчали невнятно и неохотно. Я рѣшилъ поискать самъ въ поселкѣ и побрелъ въ темноту ночи къ слабо вдали мерцающему свѣту; попутно я попалъ въ какую-то яму; затѣмъ, собаки наскочили на меня съ лаемъ, и послѣ того только я повстрѣчался съ двумя дюжими силуэтами, пьянымъ голосомъ напѣвающими разгульную пѣсню.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ здѣсь живетъ комендантъ?

— А тебѣ чего отъ него надо?

— Гдѣ квартира станціоннаго коменданта? -спрашиваю я опять.

— Да ты кто такой будешь?

— Да вамъ какое дѣло? Знаете или не знаете, о чемъ спрашиваю!—отвѣтилъ я уже съ „манчжурскими“ нотками въ голосѣ.

„Силуэтъ“ приблизился и тутъ же у моего лица затянулся сильно папироской; слабый блескъ огонька освѣтилъ меня на мгновеніе. Повидимому, осмотръ оказался въ мою пользу, потому что „силуэтъ“ отвѣтилъ уже болѣе мягкимъ голосомъ:

— Гдѣ ему жить! Вотъ тамъ и живетъ! онъ указалъ на чернѣющій недалеко домикъ.

Немного спустя, я очутился въ свѣтлой, чистенькой комнаткѣ, за столомъ съ чайными приборами и шумящимъ самоваромъ.

Мы весело проболтали весь вечеръ, вспоминали даже Варшаву.

Я переночевалъ на военномъ этапѣ съ проѣзжающимъ казачьимъ офицеромъ. На слѣдующій день утромъ комендантъ далъ мнѣ верховую лошадь и двухъ провожатыхъ казаковъ въ Цицикаръ.

— Вы не подсмѣивайтесь. Не до смѣху. Не совѣтую вамъ вообще одному шататься по городу и окрестностямъ. Тутъ случаются очень непріятныя оказіи. Да вы одни и не попали-бы въ Цицикаръ. Дорога обманчива. Возьмите мою бурку, возьмите! Будетъ холодно,— совѣтовалъ мнѣ милѣйшій хохолъ комендантъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сильный пронзительный вѣтеръ сразу чуть не сбилъ меня съ лошади.

— Это мы васъ должно быть вчера встрѣтили?—спросилъ уже въ дорогѣ одинъ изъ моихъ провожатыхъ.

Голосъ показался мнѣ знакомымъ, а опухшее лицо и большой красный носъ убѣдили меня окончательно въ справедливости догадки.

— Здорово вчера покутили, а?!

Казакъ улыбнулся смущенно.

— Что прикажете дѣлать. Смерть скучно. Кругомъ одинъ песокъ, даже напиться негдѣ. А напьешься, такъ дѣлать нечего, только спать ложись. Трущо-о-о-ба!

Хотя вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лицо и сильно парусилъ въ мою кавказскую бурку, но мы всю дорогу проскакали рысью, а мѣстами въ полный карьеръ. Лихи монгольскія лошади! Окрестности все некрасивыя, нагія и печальныя. Только изрѣдка на горизонтѣ появлялись темныя рощи, возлѣ сѣрыхъ, плоскихъ деревушекъ.

На полупути мы миновали одну такую деревеньку. Это былъ рядъ все тѣхъ-же уже извѣстныхъ мнѣ фанзъ, окруженныхъ глинобитными заборами. Во дворахъ и на улицахъ работали крестьяне, складывая въ большія кучи навозъ. Кучи были правильной, призматической формы, и работа производилась съ замѣчательной отчетливостью.

Вообще, вездѣ былъ виденъ гораздо большій порядокъ, чѣмъ въ нашихъ деревняхъ, и мнѣніе о пословутой китайской неряшливости сильно пошатнулось во мнѣ. Все относительно. Конечно, китайцы неряшливѣе... японцевъ и англичанъ.

Одно правда, что запахомъ китайцы обладаютъ пренепріятнымъ, но этнографу ко всему можно и слѣдуетъ привыкнуть. Мнѣ сказали, что въ той же деревнѣ есть красивый буддійскій храмъ, уцѣлѣвшій отъ погрома. Я никого не нашелъ во дворѣ храма, зато услышалъ шумъ многочисленныхъ дѣтскихъ голосовъ въ боковой постройкѣ, гдѣ помѣщалась деревенская школа. Двадцать слишкомъ ребятъ орали во всю глотку, повторяя наизусть уроки. Напротивъ входа, на низенькомъ „канѣ“, за низкимъ пюпитромъ сидѣлъ важно китаецъ

учитель. Нѣсколько взрослыхъ, почтенныхъ китайцевъ помѣщались на корточкахъ у дверей, рядомъ съ ребятами и тоже читали книги. Увидѣвъ меня, ребята сейчасъ же перестали кричать, указали на меня учителю и, бросивъ книги, окружили меня оживленной толпой. Безъ всякаго смущенія, каждый изъ школьниковъ привѣтствовалъ меня учтивымъ „ко-тэу“, а затѣмъ принимался осматривать меня и ощупывать мое платье. Учитель тоже подошелъ, поздоровался со мной по русски и сталъ унимать своихъ болѣе назойливыхъ воспитанниковъ; тѣ не особенно слушали его. Ребята, видимо, склонны были вступить со мною въ самыя близкія и дружескія отношенія и когда я, шутя, заглянулъ въ ихъ тетрадки и, поднявъ большой палецъ, произнесъ „хао“,—всеобщая радость выразилась шумнымъ и единодушнымъ взрывомъ смѣха. Затѣмъ дѣти собрались толпой проводить меня къ храму, но учитель рѣшительно воспротивился этому. Школьники остались въ школѣ и только сквозь полуоткрытыя двери высовывали наружу головы и покрикивали намъ: „хао“!

Храмъ оказался самымъ обыкновеннымъ буддійскимъ капищемъ. Лаки и краски сохранились довольно хорошо, но были грубы и новѣйшей работы. Впослѣдствіи мнѣ довелось видѣть несравненно лучшіе образцы китайскаго искусства.

Сопровождавшій меня учитель, онъ же и бонза храма, открылъ для меня даже алтарь, но предложилъ купить за нѣсколько копѣекъ свѣчей изъ древесной сердцевины и сжечь ихъ въ курильницѣ. Я, конечно, сдѣлалъ это и прибавилъ нѣсколько копѣекъ для него за труды. Онъ свѣчи зажегъ, деньги спряталъ и поблагодарилъ меня глубокимъ поклономъ за себя и за боговъ.

Мукденъ. Южныя ворота.

Мы опять сѣли на нашихъ лошадей. Вѣтеръ до того усилился, что въ его острыхъ, спирающихъ дыханіе порывахъ и густыхъ туманахъ пыли я безъ труда узналъ родное дитя песчаныхъ вихрей сосѣдней Гоби. Несмотря на это, по мѣрѣ приближенія къ городу, количество прохожихъ на дорогѣ быстро увеличивалось. Изъ невидимыхъ селъ, изъ-за холмовъ, овраговъ, по извилистымъ узенькимъ тропинкамъ, отовсюду спѣшили пѣшеходы, носильщики, всадники и сливались въ одну постоянно возрастающую струю движущагося народа. Одни шли въ городъ, другіе возвращались оттуда, везя товары на двухколесныхъ арбахъ, запряженныхъ тремя или четырьмя мулами. Китайская запряжка устроена такимъ образомъ, что каждое животное пристегнуто совершенно самостоятельно къ одному и тому же пункту позади арбы. При болѣе многочисленной запряжкѣ это образуетъ цѣлую сложную сѣть веревокъ, но даетъ замѣчательную экономію силъ. Коренное животное идетъ въ оглобляхъ, пристяжныхъ обыкновенно двѣ, третья же и четвертая впрягаются цугомъ впереди. Извозчикъ съ длиннымъ кнутомъ сидитъ на оглобляхъ, непосредственно у хвоста перваго мула. Оглобли снабжены подставками на случай паденія коренника. Арбу необходимо нагружать равномѣрно, иначе она легко опрокидывается. Сзади подъ арбой виситъ всегда сосудъ съ колесной мазью.

Китайскія арбы этимъ и отличаются главнымъ образомъ отъ монгольскихъ или бурятскихъ, что не скрипятъ, хотя по своему устройству онѣ родныя сестры... Колеса ихъ вращаются вмѣстѣ съ осью и состоятъ изъ кусковъ дерева, плашмя сколоченныхъ и густо набитыхъ крупными желѣзными гвоздями. Головки гвоздей

образуютъ сплошной почти ободъ. Китайская арба трясетъ безпощадно, она тяжела, неуклюжа, но крѣпка, починить ее пустое дѣло, въ виду чего она прекрасно приспособлена къ здѣшнимъ прескверным дорогамъ. Въ такихъ арбахъ проѣзжали мимо насъ цѣлыя общества весело смѣющихся китайцевъ. Въ болѣе изящныхъ, крытыхъ арбахъ я замѣчалъ китайскихъ женщинъ съ дѣтьми и перинами. Иногда выглядывалъ оттуда толстый купецъ, или появлялось худощавое лицо чиновника. Впрочемъ, чиновники ѣздятъ преимущественно верхомъ на статныхъ мулахъ, которые здѣсь безусловно красивѣе и крупнѣе лошадей. Какіе-то три китайскихъ наѣздника предложили даже скачки моимъ казакамъ. Ихъ мулы, конечно, потерпѣли позорное пораженіе, зато попутно возбужденный зрѣлищемъ оселъ понесъ какого-то важнаго профессора въ очкахъ, задумчиво ѣхавшаго со сверткомъ бумаги въ рукахъ. Долго оселъ ревѣлъ и несся вскачь вслѣдъ за нами, возбуждая смѣхъ въ толпѣ.

Китайцы отличные наѣздники. Они вовсе не смѣшны или неуклюжи, обычная ихъ одежда не слишкомъ длинна и ничуть не стѣсняетъ свободы движеній, коса же... къ косѣ надобно привыкнуть, подобно тому, какъ привыкаемъ мы къ страннымъ прическамъ и дико подкрученнымъ усамъ нашихъ городскихъ франтовъ. Коса неудобна лишь для ея владѣльца, который даже ложась спать не долженъ забывать о ней и чтобы не смять ее, онъ принужденъ перебрасывать ее на ту сторону деревянной подушки или опускать съ кровати внизъ. Поэтому китайцы спятъ обыкновенно головой къ краю кановъ. Разсказываютъ, что когда хунхузы врываются на постоялый дворъ, то они прежде всего стараются

связать спящихъ за косы, а послѣ того ставятъ имъ уже условія выкупа. Мнѣ случилось однажды присутствовать во время ночного обыска въ нѣсколькихъ китайскихъ жилищахъ, и я, дѣйствительно, замѣтилъ на общемъ канѣ ряды китайскихъ лбовъ со свѣшивающимися книзу косами. Ложатся спать китайцы совершенно раздѣтыми, одежду кладутъ сбоку или въ ногахъ, а подъ тюфякъ кошелекъ съ деньгами, обязательную трубочку, кисетъ съ табакомъ, мѣшечекъ съ кремнемъ или спичками; одѣяла у нихъ ватныя, подушки—деревянныя подставки или валики, плетенные изъ эластическихъ бамбуковыхъ волоконъ. Болѣе зажиточные кладутъ на эти подставки малыя подушки изъ пуха или шерсти.

Уже на довольно значительномъ разстояніи отъ города вѣтеръ принесъ къ намъ ужасный запахъ китайскихъ кладбищъ. Въ первую минуту мнѣ казалось, что я не доѣду до стѣнъ города, до того сильно стало меня тошнить. Только по прошествіи нѣкотораго времени я освоился немного съ этимъ отвратительнымъ запахомъ и сквозь туманы песочной пыли замѣтилъ ряды небольшихъ конусообразныхъ могилъ. Онѣ обширнымъ кольцомъ окружаютъ каждый китайскій городъ. На нѣкоторыхъ могилахъ стояли памятники, по большинство было безъ всякихъ внѣшнихъ отличій.

Китайцы не роютъ могильныхъ ямъ или роютъ ихъ очень мелко; гробы ставятъ на поверхность и засыпаютъ сверху землей. Я не замѣтилъ никакихъ особыхъ признаковъ уваженія къ могиламъ успопшихъ. Многія изъ нихъ разрушены вѣтрами, иныя размыты дождемъ: изъ прогнившихъ разбитыхъ гробовъ торчали нерѣдко наружу ноги и черепа покойниковъ. Собаки, свиньи, крысы и вороны хозяйничали среди нихъ, не обращая вниманія

на толпы прохожихъ. Среди этихъ полей смерти, они, казалось. одни были единственными распорядителями. Ни одного человѣческаго существа не замѣтилъ я среди печальныхъ безчисленныхъ бугровъ. Разъ только встрѣтили мы кортежъ бѣло-одѣтыхъ людей, несущихъ покойника.

Китайскіе города окружены зубчатыми стѣнами съ рогатыми башнями и высокими воротами. Обыкновенно издали уже видны на горизонтѣ ихъ темныя очертанія, похожія на полустертый рисунокъ на старинномъ кюнянскомъ фарфорѣ. Цицикаръ скрытъ со стороны желѣзной дороги рядомъ холмовъ и рощъ. Совершенно незамѣтно мы очутились передъ первыми его воротами „Встрѣчи“. Вблизи нихъ стоялъ красивый храмъ „Цайимъ-мяо“ божества „Цай-шоу“ съ длинными усами. Въ немъ налѣво, въ особомъ алтарѣ помѣщается его жена— красивая китайская дама, а направо какой то маститый, сѣдобородый господинъ.

Храмъ этотъ не буддійскій, но какой, я не могъ узнать. Я видѣлъ впослѣдствіи въ Цицикарѣ еще нѣсколько храмовъ, посвященныхъ тому же божеству: всѣ они похожи другъ на друга. Храмъ возлѣ Сѣверныхъ воротъ отличался отъ другихъ единственно множествомъ прекрасныхъ деревьевъ, растущихъ во дворѣ и у задней его стѣнки.

Съ боку дороги у городскихъ воротъ стояли каменные памятники; одинъ въ видѣ воротъ съ тремя пролетами „Пхай-ло“, сооруженъ благочестивой вдовѣ; другой въ видѣ ниши съ высокимъ внутри камнемъ, покрытымъ пространными надписями, былъ поставленъ благодарными жителями благочестивому „дзянь-дзюню“ (губернатору). Особенно красивъ первый памятникъ, украшен-

Мукденъ. Начало Большой улицы.

ный оригинальной рѣзьбой. По угламъ его сидѣли двѣ задумчивыя обезьянки, обнявъ колѣни руками. Такихъ памятниковъ существуетъ въ Цицикарѣ нѣсколько. Сооружаются они по повелѣнію богдыхана вдовамъ, оставшимся вѣрными своимъ мужьямъ въ продолженіе 10 лѣтъ, или такимъ, которыя добровольно рѣшились умереть, дабы соединиться съ супругами въ томъ свѣтѣ. Такая, рѣшившаяся умереть, вдова пользуется большимъ почтеніемъ: ее навѣщаютъ высокопоставленныя лица и ей устраиваютъ на казенный счетъ пиршество передъ кончиной. Въ заключеніе ей преподносятъ золотой шарикъ, которымъ она давится, глотая его. Бывали, однако, случаи, что такая высокоуважаемая жертва ретировалась своевременно и счастливо выходила замужъ за одного изъ высокопоставленныхъ гостей, съ которыми она познакомилась тутъ же на пиру.

О второмъ „Пхай-ло“, стоящемъ въ городѣ у внутреннихъ воротъ, мнѣ разсказали невѣрную, но интересную исторію:

„Этотъ памятникъ сооруженъ недавно, въ прошломъ лишь году, одному чиновнику, помощнику (Сп) цицикарскаго дзянь-дзюня, предвидѣвшему исходъ готовящейся войны и сопротивлявшемуся ей всѣми силами. Дзянь-дзюню наскучилъ назойливый и упрямый чиновникъ, и чтобы отъ него отдѣлаться, онъ послалъ его въ другой городъ съ порученіемъ, о которомъ дзянь-дзюнь впередъ зналъ, что оно неисполнимо. Чиновникъ подъ предлогомъ ослушанія былъ вслѣдъ затѣмъ арестованъ, лишенъ ученыхъ степеней и имущества, ввергнутъ въ темницу, гдѣ и умеръ. Только послѣ того, какъ городъ былъ взятъ и война окончилась пораженіемъ китайцевъ, вспомнили о мудромъ,

несчастномъ „Си“, вернули ему посмертныя почести и соорудили этотъ памятникъ. Памятникъ этотъ долженъ нравиться тебѣ, потому что чиновникъ былъ другомъ русскихъ,“—закончилъ разсказчикъ.

Памятникъ, дѣйствительно, былъ красивъ, хотя вмѣсто задумчивыхъ обезьянокъ по угламъ его изображены были львы. Къ сожалѣнію, по наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что онъ былъ сооруженъ не добродѣтельному, прозорливому другу русскихъ, но благочестивой вѣрной вдовѣ. Мнѣ не удалось даже провѣрить, существовалъ ли въ дѣйствительности такой многострадальный противникъ войны, или же вся эта исторія была выдумана наскоро для меня, какъ любезность или доказательство благонамѣренности цицикарскихъ жителей.

Цицикаръ взятъ былъ, говорятъ съ боя, такъ какъ оттуда будто-бы стрѣляли изъ пушекъ и ружей по наступающимъ русскимъ войскамъ. Что затѣмъ здѣсь произошло, объ этомъ участники боя говорятъ очень неохотно. Жители Цицикара настроены были несомнѣнно враждебно и въ глухихъ переулкахъ въ меня неразъ бросали изъ толпы апельсинными корками, пескомъ и, случалось, такъ на меня посматривали сбоку, что становилось жутко. Явно-же я встрѣчалъ вездѣ предупредительную любезность.

Я ходилъ по улицамъ съ переводчикомъ, или даже самъ, заглядывалъ въ довольно глухіе переулки,—и нигдѣ не наткнулся на очень ужъ рѣзкую грубость. Мнѣ попадались днемъ на улицахъ и рынкахъ одинокіе русскіе мужчины и даже женщины, но въ сумерки и ночью никто не смѣлъ выходить изъ дома безъ военнаго конвоя.

Слѣдующій случай лучше всего иллюстрируетъ тогдашнее положеніе русскихъ въ Цицикарѣ: въ центрѣ города, недалеко отъ квартиры военнаго комиссара, толпа китайцевъ поймала двухъ свѣже прибывшихъ въ городъ русскихъ, затащила ихъ въ пустопорожній домъ

Цицикаръ. Внутреннія ворота.

и, связавъ, начала терзать и пытать горящей бумагой, требуя денегъ. Страдальцы послали письмо на станцію Цицикаръ съ просьбой о выкупѣ. Отнявъ у нихъ наличныя деньги, часы и одежду, китайцы оставили ихъ связанными и ушли. Стоны несчастныхъ услышаны были проходящимъ мимо ночнымъ дозоромъ. Ихъ освободили, арестовавъ взамѣнъ нѣсколькихъ китайцевъ, на слѣды которыхъ навели проданныя ими вещи и часы. Какъ разъ во время моего визита у Цицикарскаго кон-

сула, консульскій судъ сообща съ китайскими властями былъ занятъ разслѣдованіемъ этого дѣла.

Городъ Цицикаръ некрасивъ. Въ немъ нѣтъ садовъ, ни въ центрѣ города, ни въ его окрестностяхъ, исключая небольшой ильмовой рощи за юго-западными воротами, рядомъ со старымъ кладбищемъ именитыхъ манчжуровъ. Цицикаръ считается манчжурскимъ городомъ, и въ самомъ дѣлѣ здѣсь живетъ много манчжуровъ, но, откровенно говоря, я не умѣлъ отличать ихъ отъ природныхъ китайцевъ, несмотря на извѣстную опытность, пріобрѣтенную въ Хайларѣ.

По одеждѣ и обычаямъ они стали вполнѣ китайцами. Китайская мысль и китайская мимика преобразовали даже ихъ лица на китайскій ладъ. Скрещиваніе посредствомъ браковъ окончательно уничтожило племенныя различія.

Здѣсь, въ Цицикарѣ, выдѣлываются и отсюда расходятся по сосѣднимъ степямъ тысячи предметовъ домашняго обихода, роскоши и религіознаго культа, которыя я видѣлъ въ многихъ юртахъ и которыхъ мнѣ не удалось пріобрѣсти ни у кочевниковъ, ни въ Хайларѣ. Мнѣ рекомендовали поискать ихъ здѣсь, и дѣйствительно я ихъ здѣсь нашелъ. Я не досталъ только шаманскихъ онгоновъ, т. е. кусковъ холста съ серебряной луной и золотымъ солнцемъ, нашитыми по угламъ, съ тремя золотыми и двумя серебряными изображеніями человѣческихъ фигуръ посерединѣ, съ кускомъ мѣха и рисункомъ лисицы внизу. Стало быть, обманулъ кочевой дауръ, у котораго я торговалъ 12 такихъ онгоновъ, подвѣшенныхъ въ алтарѣ домашней часовни. Часовня стояла за оградой двора и была вполнѣ похожа на буддійскія часовеньки, даже буддійскія кар-

тинки висѣли тамъ рядомъ съ онгонами, хотя владѣлецъ былъ чистокровный шаманистъ.

Единственный цицикарскій иконописецъ былъ буддистъ и по требованію писалъ наизусть всѣхъ буддійскихъ и не буддійскихъ святыхъ, для чего стоило только сообщить ему названіе требуемаго божества и его размѣръ. Онгоновъ, однако, онъ сдѣлать не могъ. У него были извѣстныя художественныя замашки, и я пріобрѣлъ у него эскизъ героя, почти въ естественный ростъ, за рубль серебромъ. Движеніе по улицамъ Цицикара громадно. Особенно по утрамъ, когда въ городъ стекаются окрестные мужики, почти невозможно пробиться сквозь сине-одѣтую толпу.

Плетутся пѣшеходы съ носилками на спинѣ, вожатые ведутъ вьючныхъ буйволовъ за колечки въ ноздряхъ, ѣдутъ всадники на мулахъ, ослахъ и лошадяхъ. Изъ конца въ конецъ улицы раздаются шумъ, брань, ругательства, безъ которыхъ китайскій простолюдинъ шагу не въ состояніи сдѣлать. Китайская брань своей грубостью и изобрѣтательностью многосложныхъ пожеланій ничуть не уступаетъ русской. Весь день гремятъ на базарѣ оклики продавцевъ, звенятъ колокольчики брадобрѣевъ, стучатъ молотки цыновщиковъ, [мнущихъ подъ стѣной прославленную траву „ула“, которая „охраняетъ,—будто-бы,—ноги отъ ранъ и мозолей во время самыхъ дальнихъ путешествій“. Дѣйствительно это хорошая оберточная трава для всякихъ упаковокъ. Манчжурскіе крестьяне обвиваютъ ею ноги, а сверху надѣваютъ кожаные башмаки. Надъ толпой развѣваются и искрятся на солнцѣ многоцвѣтные, часто золоченые торговые флаги и вывѣски. Двери лавокъ и карнизы зданій тоже раскрашены яркими красками: крас-

ной, синей, зеленой, что на фонѣ сѣрыхъ стѣнъ и подъ темными сѣрыми крышами производитъ художественное впечатлѣніе. На прилавкахъ по обѣимъ сторонамъ улицы выставлены всевозможные товары, начиная съ фруктовъ и овощей, кончая мясомъ. На всемъ этомъ садится слоемъ грязь и пыль, поднятыя вѣтромъ и движеніемъ толпы.

Къ мѣстнымъ произведеніямъ принадлежатъ издѣлія изъ сердолика, агата и опала, привозимыхъ кочевниками съ Амура. Здѣсь выдѣлываютъ изъ нихъ кольца, брелоки, шарики къ шапкамъ, флаконы для нюхательнаго табаку и другія бездѣлушки, иногда очень изящныя, но всегда очень дорогія. Впрочемъ, я замѣтилъ, что для меня, т. е. для европейцевъ, существовали другія цѣны, иногда втрое превышавшія цѣны для туземцевъ.

— Ты купишь у насъ разъ, а они покупаютъ постоянно,— объяснили мнѣ китайскіе купцы.— Покупай чаще, такъ и для тебя цѣны уменьшатся.

Въ болѣе зажиточныхъ лавкахъ меня приглашали въ маленькую заднюю комнатку, угощали чаемъ, показывали образцы товаровъ и фотографіи, не всегда приличныя. Меня поразило въ Цицикарѣ, что даже въ приличныхъ лавкахъ, наряду съ букетами искусственныхъ цвѣтовъ, зеркалами, фарфоровыми вазами и другими украшеніями, часто даже по сосѣдству съ алтарями домашнихъ божествъ красовались вполнѣ явно портнографическія картины.

Впослѣдствіи я узналъ, что часто на Новый Годъ друзья обмѣниваются подобными картинками при соотвѣтственныхъ пожеланіяхъ. Никто не считаетъ здѣсь этого чѣмъ то предосудительнымъ, и никто не скрывается

съ этимъ. Женщины и дѣти смотрятъ на подобныя изображенія вполнѣ равнодушно, тѣ-же самыя китайскія женщины, которыя сгораютъ отъ стыда, если чужой мужщина увидитъ у нихъ босую ступню. Китаецъ смѣясь покажетъ вамъ крайне неприличную картинку, но сильно застыдится на вопросъ о здоровьи жены. Мнѣ кажется, что распространеніе неприличныхъ картинокъ не столько признакъ особаго разврата китайцевъ, которые въ этомъ отношеніи ничуть не хуже европейцевъ, но что это просто остатки древняго культа, который съ извѣстными представленіями соединялъ понятіе о счастіи, успѣхахъ, богатствѣ, плодородіи и т. п. Словомъ, это старинный пастушескій и земледѣльческій культъ.

Во всѣхъ лавкахъ множество приказчиковъ. Всегда вѣжливые и предусмотрительные, они не обнаруживали ни малѣйшаго неудовольствія, когда покупатель, перерывши кучу товара, уходилъ ни съ чѣмъ. Но были и такія лавки, въ которыхъ мнѣ прямо отказывали въ продажѣ предметовъ, выставленныхъ въ окнахъ. Были и такіе случаи, когда мнѣ не отвѣчали на вопросъ и смотрѣли мнѣ въ лицо спокойно, но съ такимъ убійственнымъ равнодушіемъ, какъ будто я былъ не человѣкъ, а пустое пространство. Такъ смотритъ только глубокая, сдерживая страхомъ ненависть.

Всѣ, кому довелось входить въ болѣе прочныя и продолжительныя сношенія съ китайскими купцами, не нахвалятся на ихъ честность, аккуратность и солидность.

— Китаецъ будетъ торговаться съ вами до послѣднихъ предѣловъ, но разъ сдѣлка заключена, онъ никогда васъ не обманетъ. При исполненіи же обяза-

тельствъ другими, китаецъ всегда принимаетъ во вниманіе неблагопріятныя для подрядчика обстоятельства, и если они были основательны, то или сбавляетъ долгъ или соглашается подождать. Повѣрите-ли, что они даже послѣ военнаго погрома обращались къ намъ въ банкъ съ заявленіями о своихъ долгахъ, хотя знали, что ихъ векселя и многія книги наши уничтожены. За исключеніемъ китайцевъ никто этого не сдѣлалъ, ни одинъ русскій, ни одинъ европеецъ. Не уплатили долговъ только тѣ китайцы, которые погибли,—говорилъ мнѣ управляющій мукденскаго отдѣленія Русско-Китайскаго банка.

Въ Китаѣ кредитъ сильно развитъ. Купцы ссужаютъ даже довольно значительныя суммы прямо на слово, безъ векселей. Въ каждомъ городкѣ, или даже въ большой деревнѣ имѣется нѣчто въ родѣ ссудной кассы. Равнымъ образомъ распространены ломбарды, служащіе собственно какъ хранилища цѣнностей для менѣе зажиточныхъ семействъ. На публичныхъ аукціонахъ этихъ ломбардовъ можно купить иногда превосходные образцы древне-китайскаго искусства и рѣдкости.

Въ Цицикарѣ около 70,000 жителей. Нѣтъ въ немъ ни фабрикъ, ни заводовъ, все производится мелкими кустарями, и то не на вывозъ, а главнымъ образомъ для окрестныхъ потребителей.

Какъ я уже сказалъ выше, окрестныя земли скудны,—су-песокъ, нуждающійся въ обильномъ навозѣ. Сѣютъ жители прежде всего разные сорта проса (буды), далѣе бобы, горохъ; садятъ картофель и овощи. Рѣпа доходитъ здѣсь до исполинскихъ размѣровъ, также и огурцы. Мелкая красная европейская редиска перерождается въ громадную рѣдьку, морковь достигаетъ испо-

Мукденъ. Большая улица. Знаменитая вывѣска съ фазаномъ.

линскихъ размѣровъ, но свекловицы нѣтъ совсѣмъ, я даже не видѣлъ ея на рынкѣ. Зато я замѣтилъ много отличнаго крупнаго салата, который ѣдятъ китайцы въ большомъ количествѣ, отчасти въ сыромъ видѣ, отчасти квасятъ или варятъ вмѣсто сладкой капусты. Цицикаръ является важнымъ транзитнымъ пунктомъ: здѣсь скрещиваются пути изъ Гирина, Мукдена, Ажихе, Владивостока и Благовѣщенска, куда предполагалось въ скоромъ времени провести желѣзнодорожную вѣтвь. Такая же вѣтвь должна соединить Манчжурскую магистраль и съ Гириномъ.

На сѣверъ везутъ отсюда хлѣбъ, бобовое и льняное масло, „ганшинъ“ (водка изъ проса), убойный скотъ, всякую мануфактуру, оружіе, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, картины, сѣдла, галантерейныя издѣлія, глиняную и фарфоровую посуду. Оптовая торговля съ Монголіей и Амуромъ имѣетъ здѣсь свои склады и конторы.

Городъ пыльный, грязный, стоитъ въ открытой равнинѣ на юру. Вѣтры дуютъ здѣсь непрерывно и поднимаютъ облака пыли и песку; даже дождь мало вліяетъ на мѣстную пыль. Отсюда сѣрый цвѣтъ города, неба, людей, построекъ и хилость растущихъ тамъ и сямъ деревьевъ. Въ центрѣ города находится нѣчто вродѣ небольшой крѣпости, обведенной высокой стѣной. Городъ тоже окруженъ стѣной, въ которой продѣланы громадныя ворота, запираемыя съ закатомъ солнца. Ворота сводчаты и защищены красивыми многоэтажными сторожевыми башнями. Входъ въ ворота загражденъ каменнымъ простѣнкомъ, который приходится окружать. Городскія стѣны вездѣ очень толсты, высоки и въ прежнее время служили отличной защитой противъ степныхъ нашествій. Теперь онѣ, конечно, потеряли

свое значеніе. Китайцы отлично это понимаютъ и въ виду этого не заботятся больше о нихъ, и онѣ постепенно приходятъ въ упадокъ.

Въ Цицикарѣ много храмовъ. Я осмотрѣлъ нѣкоторые изъ нихъ. Всѣ, какъ буддійскіе, такъ точно и другіе построены по одному и тому-же типу. Даже магометанская мечеть не составляетъ исключенія. Отличается она немного только внутреннимъ убранствомъ. Въ мечети нѣтъ ни алтаря, ни статуй. Это обширный, низкій залъ съ двумя рядами деревянныхъ, лакированныхъ столбовъ посерединѣ; въ глубинѣ залы виситъ таблица съ выпиской изъ Корана, да и самъ Коранъ лежитъ тутъ-же на небольшомъ столикѣ. Съ потолка свѣшиваются лампы. Магометане очень обрадовались, когда я ихъ привѣтствовалъ мусульманскимъ: „салемъ алейкумъ“ и разрѣшили мнѣ даже снять внутренность мечети. Изъ находящихся тамъ правовѣрныхъ не пожелали сняться только лица съ бѣлыми чалмами на головахъ—„хаджи“, побывавшіе въ Меккѣ. Магометане занимаютъ въ Цицикарѣ особый кварталъ, насколько помню, юго-западный; они слывутъ какъ храбрые, честные, независимые люди. Смотрятъ они гордо и смѣло. Китайцевъ другихъ исповѣданій они ненавидятъ до такой степени, что благоволятъ даже въ силу этого къ иностранцамъ. Они жаловались мнѣ, что имъ мѣстныя власти запрещаютъ строить минаретъ.

Храмы другихъ вѣроисповѣданій часто обширны и богаты, но иногда весь храмъ состоитъ исключительно изъ алтаря и маленькой передней для вѣрующихъ. Передъ алтаремъ стоитъ обыкновенный столъ съ паникадилами, подсвѣчниками, разными эмблемами, а на полу на подставкахъ покоятся барабаны, колокола, гонги и другіе музыкальные инструменты, въ ихъ числѣ

непзбѣжный человѣческій черепъ, изъ красно-лакированнаго дерева.

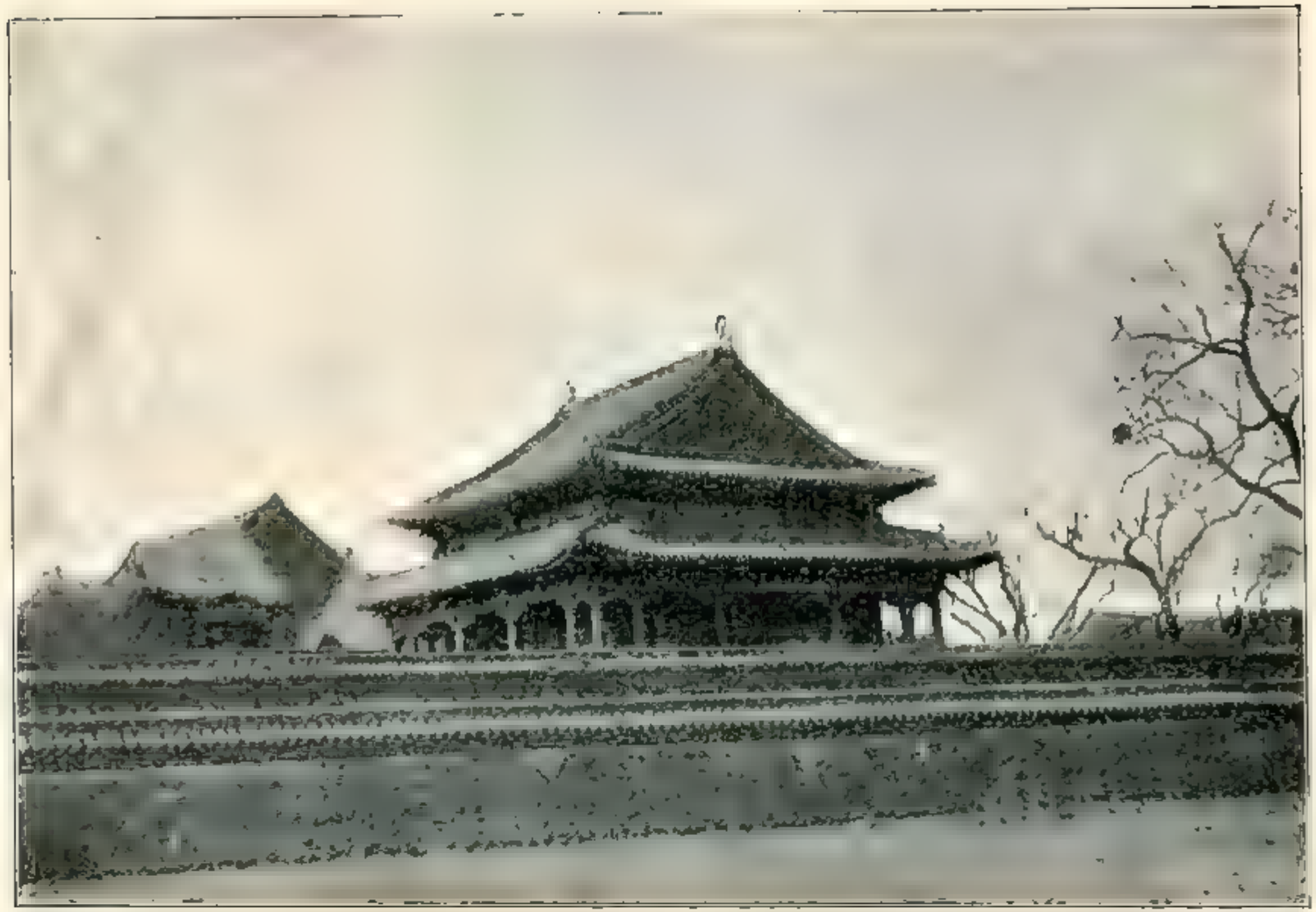
Въ храмѣ Лисицы (Ху) вниманіе мое привлекло большое число таблицъ съ надписями. Висятъ онѣ на стѣнахъ, въ галлереѣ кругомъ двора. Мнѣ объяснили, что это благодарственныя надписи людей, исцѣленныхъ и благодѣтельствованныхъ Лисицей. Въ обычномъ трехстворчатомъ алтарѣ я увидѣлъ, какъ и въ храмахъ „Шоу“ и „Фо“, тѣ-же самыя сидящія важныя раззолоченныя и раскрашенныя изображенія китайцевъ. Главная центральная фигура держала въ рукѣ нѣчто вродѣ человѣческой голени, что въ сопоставленіи съ наугольниками кровли храма въ видѣ слоновыхъ хоботовъ дозволяло предполагать индійское происхожденіе культа. Въ лѣвомъ отдѣленіи сидѣла женская фигура,—въ правомъ опять какой-то солидный бородатый старикъ. Изображенія лисицы я нигдѣ не нашелъ, но осматривая закоулки, я замѣтилъ въ сторонкѣ въ стѣнѣ подобіе лисьей норы и въ ней золу и остатокъ сожженыхъ жертвенныхъ свѣчей.

Въ храмѣ возлѣ Сѣверныхъ воротъ мнѣ показали особую часовню въ отдѣльномъ, обнесенномъ каменной стѣной, дворикѣ, гдѣ въ небольшой деревянной бесѣдкѣ, рѣзной работы и раскрашенной въ яркій, красный цвѣтъ находилась табличка царствующаго богдыхана съ золотой надписью.

Рядомъ съ храмомъ находился театръ, въ которомъ съ 11 часовъ утра до заката солнца играла музыка, и богато разодѣтые актеры въ ужасныхъ маскахъ играли длинныя пьесы. Густая толпа стояла все время впереди театра, и пробраться чрезъ нее ближе къ подмосткамъ было немыслимо. Воспользовавшись обстоятельствомъ,

что по утрамъ театръ былъ закрытъ, я на слѣдующій день зашелъ туда и осмотрѣлъ его устройство. Открытая сцена поднималась на 8—9 футовъ надъ землей и лишена была всякихъ декорацій. По бокамъ за кулисы вели двери, закрытыя занавѣсями. Въ небольшомъ отдѣленіи направо помѣщалась кухня, и въ то время тамъ кипятились чайники. Какой-то актеръ поспѣшно писалъ бѣлой краской афишу къ сегодняшнему представленію. Въ смежномъ обширномъ помѣщеніи я нашелъ обыкновенныхъ китайскихъ простолюдиновъ и актеровъ. Они пили чай, громко разговаривали и прохаживались по комнатѣ. Встрѣтили они меня не совсѣмъ дружелюбно, и переводчикъ сталъ торопить съ уходомъ, нашептывая: „пойдемъ, это чернь... люди нехорошіе...“ Но мнѣ хотѣлось осмотрѣть еще театральный гардеробъ, старательно уложенный на полкахъ кругомъ стѣнъ. Тамъ было до сотни блестящихъ одѣяній изъ дешевыхъ матерій, мишуры и золоченой бумаги. Странныя маски рядами висѣли по стѣнкамъ, а въ углу на полу лежали музыкальные инструменты: бубны, гитары, арфы и гонги. Женщинъ среди актеровъ не было. Имъ запрещено даже входить на подмостки. Переводчикъ сообщилъ мнѣ, что ночевать и вообще спать въ зданіи театра тоже не полагается и что актеры всегда живутъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда я осмотрѣлъ тюрьму. Она находилась въ пустынномъ мрачномъ переулкѣ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ сѣрыя стѣны поднимались высоко, точно бока оврага. Небольшая дверь съ улицы ведетъ сначала въ сѣни гауптвахты. Направо виднѣлось помѣщеніе для солдатъ: грязные, нищенскіе, застланные рогожами „каны“, на стѣнахъ висѣли дешевыя картины



Мукденъ. Общій видъ Императорскаго Дворца.

а въ воздухѣ -запахъ опіума, кругомъ толпились испитыя, отталкивающія лица солдатъ... Оружія у нихъ, кромѣ тростей, я не замѣтилъ. Изъ гауптвахты чрезъ небольшой дворикъ мы проникли въ тюрьму, запертую крѣпкой деревянной дверью съ небольшимъ круглымъ окошкомъ. Налѣво открывалась такая же дверь въ женское отдѣленіе. Мы очутились на довольно обширной,

Арестанты.

пустой площадкѣ двора. Посрединѣ росло нѣсколько тощихъ ильмъ, вездѣ валялись кучи мусора; въ концѣ двора помѣщался низкій каменный сарай; внѣшняя стѣна его состояла изъ крѣпкой дубовой рѣшетки, оклеенной бумагой. Нѣсколько арестантовъ вышло къ намъ навстрѣчу. Одинъ спалъ на охапкѣ соломы, прямо на солнцѣ, съ обнаженной головой и грудью. Начальникъ тюремной стражи отказался сопровождать меня внутрь тюремнаго зданія. Онъ пугалъ меня, что это опасно. Когда я вошелъ туда, увидѣлъ дѣйствительно ужасную

картину: темную, вонючую и грязную конуру, полную народа. Заключенные стояли въ узкомъ проходѣ у дверей, лежали на низкихъ нарахъ вдоль стѣнъ или сидѣли тамъ же, занятые шитьемъ, штопаніемъ и другой работой. Они не были закованы, но кандалы висѣли въ изголовіи у каждаго... Жаловались они мнѣ, что ихъ недостаточно кормятъ, и просили денегъ. Нѣсколько болѣло, кажется, тифомъ; въ бреду глаза у нихъ страшно сверкали; одинъ, какъ мнѣ сказали, приговоренный къ смертной казни, сидѣлъ у столба съ безпомощно поникшей головой, съ полузакрытыми глазами; его исхудалые члены дрожали мелкой мучительной дрожью. Видно, прославленное равнодушье китайцевъ къ смерти не составляетъ общаго правила.

Большинство арестантовъ былъ народъ рослый, крѣпкій съ пасмурнымъ, непріятнымъ взглядомъ. Длинные растрепанные волосы, черныя грязныя лица и неряшливыя лохмотья одежды еще болѣе усиливали ихъ отталкивающее впечатлѣніе.

— Вамъ ихъ жалко, а вѣдь это все ужасные разбойники и убійцы... Каждый изъ нихъ немало людей погубилъ,—сказалъ мнѣ переводчикъ, когда мы ушли оттуда.

Среди арестантовъ я нашелъ и того ороча, котораго везли въ одномъ со мною поѣздѣ изъ Хайлара. Въ пути онъ былъ закованъ по рукамъ и ногамъ, да къ тому же конвойный манчжуръ водилъ его на цѣпи, прикрѣпленной къ желѣзному ошейнику. Мнѣ говорили, что онъ угналъ 160 лошадей и совершилъ рядъ насилій и грабежей. Его приговорили къ смертной казни; во время допроса совсѣмъ сожгли у него правую руку, а лѣвую лишили нѣсколькихъ пальцевъ. Въ наше присутствіе

арестанты вышли на дворъ; было ихъ до 70-ти человѣкъ. Ворота стояли настежъ, стража была безоружна и малочисленна, не болѣе пяти человѣкъ. Меня крайне удивило смиреніе этихъ людей, которымъ нечего было терять и большинство которыхъ ждала смертная казнь. Они стояли спокойно, недовольные лишь тѣмъ, что мы ихъ снимаемъ. Хунхузы не позволяютъ вообще снимать себя изъ опасенія, чтобы ихъ не уличили впослѣдствіи. Мнѣ объяснили, что не всегда заключенные ведутъ себя такъ смирно, и что нѣсколько недѣль тому назадъ 30 преступниковъ ушло изъ этой же самой тюрьмы. Почему, однако, они всѣ не уходятъ, право не знаю. У такой стражи и при такой обстановкѣ наши европейскіе преступники не просидѣли бы въ заключеніи и одного дня.

Въ женское отдѣленіе тюрьмы меня сначала не хотѣли пустить. Утверждали, что тамъ пусто, но... дверь слегка пріоткрылась, и оттуда выглянула сѣдая всклокоченная голова. Тогда я рѣшительно потребовалъ, чтобы мнѣ открыли дверь на основаніи разрѣшенія дзянь-дзюня. Я нашелъ въ заключеніи двѣ женщины: высохшую какъ скелетъ, полупомѣшанную старуху, сидящую здѣсь уже съ незапамятныхъ временъ, и молодую, довольно пріятной наружности, женщину. Она сильно смутилась, увидѣвши кругомъ столько незнакомыхъ мужчинъ. Мужа ея убили хунхузы, но такъ какъ свидѣтелей не осталось въ живыхъ кромѣ нея, то ее заподозрили въ участіи и заключили въ тюрьму впредь до разъясненія дѣла. За что сидѣла старуха, никто объяснить не могъ. Она бормотала что-то непонятное, уставившись на насъ безумнымъ и испуганнымъ взоромъ...

Я опять въ вагонѣ желѣзной дороги, которая какъ бы то ни было, здѣсь, въ Манчжуріи, является для путешественника мѣстомъ отдыха и относительнаго комфорта. Потемнѣвшія, холмистыя окрестности еле замѣтны подъ беззвѣзднымъ пасмурнымъ небомъ. Въ такую ночь очень пріятно сидѣть при электрическомъ свѣтѣ съ книгой въ рукѣ на мягкомъ чистомъ диванѣ. Пассажировъ полнымъ полно. Ѣдутъ англичане, французы, нѣмцы, поляки и русскіе. Всѣ ругаютъ желѣзную дорогу за отсутствіе удобства и порядка, поносятъ Манчжурію.

— Хорошая сторонушка, нечего сказать!

— Кромѣ голой степи и горъ, пока мы ничего еще не видѣли. Здѣсь кажется, нѣтъ совсѣмъ жителей. Даже птицъ, исключая галокъ, не видно. Гдѣ-же знаменитые фазаны?

— До войны здѣсь было много и населенія и всякой живности; теперь китайцы ушли подальше отъ полотна дороги, а съ ними ушли и фазаны. Тѣ всегда придерживаются воздѣланныхъ полей!

— О, да, мы отлично понимаемъ фазановъ и китайцевъ. Собственно, къ чему имъ желѣзная дорога!..

Загорается длинный политико-экономическій споръ. Отправился я бродить по поѣзду. Третій классъ полонъ китайцевъ. Даже зажиточные китайцы ѣдутъ въ третьемъ классѣ. Мнѣ кажется, что они дѣлаютъ это не по скупости, а лишь избѣгая общества европейцевъ. Я видѣлъ также, какъ на одной изъ станцій очень приличнаго китайца вытолкали просто въ шею изъ II-го класса „за недостаткомъ мѣста“, хотя у него былъ второклассный билетъ. Тогда я, конечно, вспомнилъ, какъ часто возмущались мои знакомые отдѣльными вагонами „для

цвѣтныхъ“ на американскихъ и англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Разстояніе между Цицикаромъ и Харбиномъ считается опаснымъ. На станціяхъ, и вдоль пути видны болѣе густые военные отряды, особенно много ихъ около мостовъ. Мѣстность низменная, болотистая, лѣтомъ зарастаетъ густымъ тростникомъ, въ которомъ отлично

Охранная желѣзнодорожная стража.

чувствуютъ себя утки и хунхузы. Не думаю, чтобы когда-либо хунхузы совершенно исчезли въ Манчжуріи. Они по многимъ причинамъ очень удобны и иногда прямо необходимы. Сошелъ-ли поѣздъ съ рельсовъ, или испортилось полотно, сейчасъ—хунхузы; совершена-ли дерзкая кража, или убійство, а преступники не пойманы—опять хунхузы. Исчезъ у подрядчика по дорогѣ товаръ—хунхузы. Сгорѣла дорого застрахованная лав-

ка—хунхузы. Уничтожены отчетныя книги –хунхузы. Вообще, безъ хунхузовъ въ Манчжуріи ни шагу...

Увѣряютъ, что они дѣйствительно существуютъ; мнѣ показывали ихъ даже не разъ, но въ сущности они шалятъ исключительно среди китайцевъ. Это воры гораздо менѣе изобрѣтательные и болѣе пугливые, чѣмъ ихъ европейскіе собратья, и въ отношеніи безопасности Манчжурія ничѣмъ не хуже Кавказа и Сибири.

Большая часть недоразумѣній здѣсь, какъ и вездѣ, проистекаетъ отъ незнанія властей и солдатъ туземнаго языка и обычаевъ. Кто владѣетъ китайскимъ языкомъ, или же обладаетъ хорошимъ переводчикомъ, тотъ можетъ смѣло путешествовать по Манчжуріи лишь съ револьверомъ въ карманѣ, пробираться по самымъ даже глухимъ и отдаленнымъ ея захолустіямъ. Я познакомился съ лицами, которыя въ одиночку съ товарами забирались въ очень уединенныя деревни и мѣстечки. Такія странствованія, правда, происходили еще до войны, тѣмъ не менѣе они доказываютъ, что въ основаніи характера мѣстныхъ жителей вовсе нѣтъ жестокости, варварства и не было раньше враждебнаго отношенія къ европейцамъ. Война измѣнила эти отношенія, и виною тому не китайцы.

Я опять возвращаюсь къ войнѣ, такъ какъ въ поѣздѣ я встрѣтился съ однимъ гражданскимъ ея соучастникомъ, который вмѣстѣ съ обозомъ бѣжалъ отъ китайцевъ къ границѣ. Бѣглецы страдали отъ недостатка воды, пищи и холода; они избѣгали разводить по ночамъ костры, изъ опасенія неожиданнаго нападенія; у нихъ истощился провіантъ и заряды; вьючныя животныя пали, и они тащились подъ конецъ полуживые, больные и изнуренные. Были тамъ старики, женщины, дѣти... Кто остался, тотъ исчезъ.

Объ одной только женщинѣ, женѣ телеграфиста, раненой пулей въ грудь, пришли впослѣдствіи вѣсти, хуже самой смерти. Китайцы нашли ее умирающей и вылѣчили... Потомъ тотъ, который взялъ ее въ плѣнъ, продалъ ее второму; тотъ послѣ нѣкотораго времени продалъ ее третьему, и такъ она переходила изъ рукъ въ руки, пока сами китайцы не доставили нашимъ войскамъ, уже на югѣ, свѣдѣній о ея плѣненіи.

Сейчасъ же власти потребовали ее обратно, и она вернулась затѣмъ, чтобы скончаться въ больницѣ отъ болѣзни ужаснѣе проказы. Она не хотѣла разсказывать, что съ ней было, только плакала постоянно, повторяя: „зачѣмъ меня выкупили, зачѣмъ?“

— Я тоже тогда отсталъ отъ обоза, на ногахъ у меня открылись раны, и я ослабъ. Недалеко протекала рѣчушка. Я дотащился до нея и спрятался въ тростникѣ. Днемъ я всегда сидѣлъ въ болотѣ, а по ночамъ двигался дальше, питался корешками, травками. Самъ не помню, какъ все было, я шелъ какъ въ бреду. Однажды слышу вблизи какіе-то голоса, а такъ какъ днемъ ходили только китайцы, то я хотѣлъ уже броситься въ воду, чтобы не попасть живымъ къ нимъ въ руки. Вдругъ слышу русскій говоръ. Оказалось, это два такіе-же, какъ я, отставшіе бѣглецы. Непріятель выслѣдилъ ихъ только что въ тальникахъ, и они принуждены были двинуться дальше днемъ. Съ тѣхъ поръ мы спасались втроемъ. У одного была удочка, и мы ловили по очереди рыбу и такъ уже, безъ особыхъ приключеній, мы дотащились къ своимъ...

— Инженеру-же, который остался въ полѣ, голову китайцы отрубили; такъ и повезли его въ Петербургъ въ гробу безъ головы!—спокойно разсказывалъ этотъ скром-

ный человѣкъ, приказчикъ или дорожный сторожъ свою необыкновенную и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне простую исторію.

Понятно, что отъ войны больше всего пострадали эти маленькіе люди. Понятно, что они съ нѣкоторой ироніей относятся къ заявленію, что война предпринята для ихъ же блага. Войну рѣдко хвалятъ штатскіе, принимавшіе въ ней участіе. Даже лучшіе военные о послѣдней китайской войнѣ говорятъ крайне неохотно.

— Что тапть: ни мы, ни китайцы плѣнныхъ не брали. Послѣдній зарядъ въ револьверѣ каждый хранилъ для себя. Когда зарядовъ не хватало, плѣнниковъ солдаты рубили шашками, или же закалывали штыками.

Я видѣлъ фотографическіе снимки такихъ собирательныхъ экзекуцій, я слышалъ подробности, ужасныя какъ кошмаръ... Я зналъ про Аттилу и Батыя, но я думалъ, что все это прошло и никогда не вернется, что человѣческія сердца съ тѣхъ поръ хотя немного смягчились. Въ маичжурской арміи много моихъ соотечественниковъ.

— Скажите, батюшка, считаютъ-ли они по крайней мѣрѣ, что дурно поступали, каются-ли они?—спросилъ я какъ-то священника, пріѣхавшаго исповѣдывать солдатъ-католиковъ въ одинъ изъ мѣстныхъ полковъ.

— О, да, они каются, да что въ этомъ толку... завтра они сдѣлаютъ то-же самое.

Съ особеннымъ ужасомъ вспоминаетъ мѣстное населеніе кубанцевъ. Говорятъ, что они мстили за погибшихъ товарищей, такъ какъ одинъ изъ ихъ отрядовъ китайцы перебили до того, что изъ 200 человѣкъ осталось только 30.

Мукденъ. Императорскій Дворецъ. Павильонъ Феникса.

— Гдѣ прошли кубанцы, тамъ точно надъ землею провели раскаленнымъ желѣзомъ!—разсказывалъ мнѣ знакомый офицеръ.

— Но и китайцы съ ними тоже не шутили. Вотъ какой случай произошелъ въ сотнѣ, которая нѣкоторое время дѣйствовала сообща съ нашимъ пѣхотнымъ отрядомъ: два казака были тяжело ранены въ бою, и товарищи попрощались съ ними, какъ съ покойниками, такъ какъ кто остался, тотъ погибалъ. Но вышло такъ, что мы принуждены были вернуться въ ту-же мѣстность и пройти по тому же сожженному селу. Казаки начали рыскать по развалинамъ, не спрятались-ли гдѣ нибудь хунхузы. Вдругъ вижу я: бѣгутъ они впопыхахъ отъ одной фанзы. Что такое? Народъ они не пугливый.— „Лыхо“,—кричатъ: „бисъ“!—„Что за „бисъ“? Давайте его сюда“. Вернулись казаки со мной къ фанзѣ. Слышу: внутри человѣкъ стонетъ, молится, смѣется и ругается по-малорусски ужаснымъ голосомъ. Дрожь меня проняла. „Ты кто такой?“. „Грыцько Сѣдой“, —говоритъ. „Какой ты Грыцько Сѣдой, це тотъ уже вмеръ!“—отвѣчаютъ ему казаки: „Колы ты Грыцько, такъ перехрестись. Ваше благородіе, не подходите, пока не перехрестится!..“— удерживали они меня. „Ахъ вы, бисовы диты! -загремѣлъ вдругъ голосъ изъ фанзы,—„да какъ же мнѣ хреститься, колы руки связаны!“ Да какъ примется онъ ихъ чистить отборными русскими словами. Казаки сразу повѣрили и бросились въ фанзу. Съ плачемъ вывели плѣнника оттуда, и онъ плакалъ, и всѣ мы плакали, Молодой парень посѣдѣлъ какъ лунь въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ и какъ то странно: одинъ усъ былъ бѣлый, а другой черный. Его товарища китайцы замучили у него на глазахъ самымъ звѣрскимъ образомъ,

а потомъ привязали трупъ ему за спиной; онъ такъ и просидѣлъ все время съ гніющимъ трупомъ позади. Потомъ тотъ же Грыцько участвовалъ во многихъ еще сраженіяхъ и бросался съ шашкой на китайцевъ, какъ сумасшедшій.

— Да не думайте, что это только ваши казаки, — нѣтъ, европейцы вообще показали себя въ этой войнѣ порядочными варварами. Нѣмцы поступали еще хуже: плѣнниковъ никто не бралъ. Одни японцы вели себя относительно человѣчнѣе!—вмѣшался въ нашъ разговоръ пассажиръ нѣмецъ, купецъ, прожившій все военное время въ Китаѣ и Манчжуріи. Но разсказывать о войнѣ онъ отказался; присовокупилъ только, что съ тѣхъ поръ онъ почувствовалъ ненависть къ „человѣчеству“.

Бѣдное человѣчество!

Дѣйствительно, минутами кажется, что любовь къ ближнему, доброта, благородство истощились, что самоотверженіе, доброжелательство и пониманіе безсильны передъ бездной зла, и изъ глубины наболѣвшаго сердца подымается крикъ къ справедливому Богу, чтобы Онъ прошелъ надъ землею всесожигающей молней... Но это продолжается лишь мгновеніе, а потомъ опять возвращается безконечная жалость...

По длинному мосту мы проѣхали скованную льдомъ Сунгари. У рѣки виднѣлись многочисленные новопостроенные или строящіеся зданія и дома... Кругомъ сновалъ народъ. Вдали слышенъ былъ гулъ работающихъ машинъ, шипѣніе паровозовъ и ихъ свистки. Это—Харбинъ, главный желѣзнодорожный городъ Манчжуріи и узловой пунктъ обѣихъ ея вѣтвей: южной и восточной. Кромѣ того здѣсь большая пристань на Сун-

гари. Станція обширная, но грязная, некрасивая, полна пассажировъ. У станціоннаго подъѣзда длинный рядъ пролетокъ, но извозчики отказываются наотрѣзъ ѣхать.

— Помилуйте, баринъ, изъ-за твоихъ 20 копѣекъ я потеряю поѣздъ. Сколько времени я его ждалъ. Возьмите съ того конца.

Но и съ того конца тоже не хотятъ ѣхать. Наконецъ, нашелся одинъ. Спѣшу въ главное желѣзнодорожное управленіе для обмѣна моихъ билетовъ.

Городъ раскинутъ и совершенно еще не застроенъ. Водопровода нѣтъ, но за то есть опера, гдѣ какъ разъ давали „Тангейзера“. Въ Харбинѣ тоже не въ примѣръ легче добыть хорошее шампанское, чѣмъ хорошую воду. Дороговизна неслыханная. Пыль, соръ, грязь, известка, кирпичъ и строевой лѣсъ свалены кучами и перемѣшаны безпорядочно на улицахъ. И здѣсь, какъ въ Портъ-Артурѣ, замѣчается какой-то размахъ, стремленіе создать нѣчто огромное, міровое,—но пока только... размахъ.

Мѣстоположеніе избрано очень удачно, но пока Харбинъ исключительно желѣзнодорожный городъ, живущій на высылаемое изъ Россіи жалованье.

За Харбиномъ воздѣланныя поля потянулись уже безъ перерыва. Остатки льда мѣстами сверкали еще на лужахъ. Но полевыя работы уже были въ полномъ разгарѣ, кучки навоза чернѣли на пашняхъ правильными рядами, и видны были тамъ и сямъ пахари въ синихъ рубашкахъ. Низенькія, сѣрыя, глинобитныя деревушки являлись все чаще у полотна дороги, рощи великолѣпныхъ ильмъ высоко поднимали надъ ними свои тонкія, узловатыя вѣтви. Небольшія часовни, убранныя цвѣтами, бѣлѣли на краю полей. Все чаще попадались на

глаза деревенскія семейныя кладбища. Впечатлѣніе, производимое ими, совершенно отлично отъ запущенныхъ и неряшливыхъ городскихъ кладбищъ. Обыкновенно это группы небольшихъ, обложенныхъ дерномъ бугорковъ, расположенныхъ въ тѣни сосенъ или елей—траурныхъ китайскихъ деревьевъ. Милыя, чистыя, окруженныя, повидимому, заботливыми попеченіями, онѣ вовсе не занимаютъ такъ много мѣста, какъ утверждаютъ европейскіе путешественники. На каждомъ крестьянскомъ участкѣ есть такой уголокъ для усопшихъ. Я понимаю китайцевъ; не только здѣшнему крестьянину пріятно подумать, что послѣ трудовой земной жизни онъ ляжетъ среди милыхъ ему полей вблизи милыхъ его сердцу существъ.

Тихія могилки пріобрѣтаютъ еще большую прелесть отъ сосѣдства воздѣланныхъ съ такой тщательностью полей, гдѣ ни одинъ дюймъ земли даромъ не пропадетъ. Они свидѣтельствуютъ о существованіи среди пахарей возвышенныхъ потребностей, которыя сильнѣе нужды и расчета...

О китайцахъ не слѣдуетъ заключать по ихъ горожанамъ. Китайскій городъ, даже самый старинный и богатый, по ихъ же собственному мнѣнію, не больше какъ торговый рынокъ, ярмарка, обширный постоялый дворъ, временное мѣстопребываніе человѣка. Единственно въ деревнѣ человѣкъ, по мнѣнію китайцевъ, трудится для будущности и можетъ быть увѣренъ, что ни одно его стараніе даромъ не пропадетъ. Эти понятія отражаются въ мельчайшихъ подробностяхъ деревенской и городской жизни. Возьмемъ обыкновенное придорожное деревцо. И городской китаецъ никогда его не срубитъ, считая такой поступокъ за позоръ, но на городскихъ

Мукденъ. Императорскій Дворецъ. Храмъ.

деревьяхъ не видно той заботливости, которою окружены деревенскія, гдѣ ихъ всегда своевременно обрѣжутъ, очистятъ отъ паразитовъ и вылѣчатъ въ случаѣ поврежденія. То же самое замѣчается и въ другихъ отношеніяхъ: въ чистотѣ и порядкѣ, замѣтныхъ въ деревнѣ, особенно въ зажиточныхъ фанзахъ, и въ безпорядкѣ и неряшливости, царящихъ даже въ богатыхъ городскихъ жилищахъ. Деревня есть суть китайской жизни, городъ-же—это только ея дополненіе. Современный европеецъ, привыкшій какъ разъ къ обратному пониманію вещей, часто ошибается въ своихъ сужденіяхъ о китайскихъ обычаяхъ.

Мѣстность становится опять гористой. Мы миновали Чепъ-ту-фу съ его красными, причудливыми утесами. Весна въ полномъ разгарѣ. Высоко въ синемъ воздухѣ несутся стаи перелетныхъ птицъ. На красноватыхъ, дымящихся на солнцѣ поляхъ виднѣются пахари, идущіе за небольшими сохами или же разрыхляющіе почву лопатами. Мѣстами крестьяне уже сѣютъ при помощи дырявой тыквы. По дорогамъ ѣдутъ ряды телѣгъ, и плетутся пѣшеходы, несущіе тяжести и корзины на длинныхъ коромыслахъ. Часть изъ нихъ направляется въ города, часть возвращается оттуда.

Туманныя очертанія городовъ рисуются вдали за сѣтью деревьевъ и рядами селъ. Отчетливо выступаютъ на небѣ ихъ угловатыя башни и храмы поверхъ однообразной полосы темной городской стѣны. Тѣ-же крыши со вздернутыми углами замѣчаются и на деревенскихъ храмахъ. Кровли жилыхъ крестьянскихъ избъ всегда плоскія. У воротъ храмовъ стоятъ высокіе красные шесты для знаменъ, и двери ихъ по карнизамъ расписаны въ красный цвѣтъ, съ голубыми или зелеными

разводами. Это очень красиво на сѣромъ фонѣ деревенскихъ домовъ и полей. Крыши со вздернутыми углами да драконъ, какъ мотивъ украшенія, составляютъ столь необходимую часть мѣстныхъ построекъ, что нашли себѣ мѣсто даже на желѣзнодорожныхъ постройкахъ, что послѣднимъ придаетъ нѣсколько смѣшной и курьезный видъ. Что же дѣлать, если китайцы не выдѣлываютъ другой черепицы, и ихъ мастера не умѣютъ иначе складывать кровель??

Поѣздъ проходитъ мимо большого города Те-линъ, расположеннаго на берегу судоходной рѣки Чай-хе. Въ немъ 60.000 жителей. По близости есть желѣзныя копи, давшія городу названіе „Те-линъ“ (желѣзный). Нѣкогда тутъ добывалось серебро. Те-линъ торгуетъ главнымъ образомъ хлѣбомъ и лѣсомъ. Недалеко отъ станціи стоитъ рядъ большихъ цилиндрическихъ тростниковыхъ складовъ гаоляна (видъ проса). Каждая постройка имѣетъ вышины 7 саженей и около 3 саженей въ діаметрѣ. Крыши на нихъ конусообразныя. Это несомнѣнные предшественники нашихъ элеваторовъ.

Поѣздъ мчится дальше. Минуемъ останки недавняго крушенія; локомотивъ лежитъ вверхъ колесами и тутъ-же щепки вагоновъ. Солнце поднимается уже высоко, и предметы отбрасываютъ короткую тѣнь. По обѣимъ сторонамъ высятся горы, синія на солнцѣ, лиловыя въ тѣни. Я замѣтилъ, что борозды китайскихъ полей не всегда придерживаются прямой линіи, онѣ иногда образуютъ полукругъ или извилины, смотря по солнцу, теченію воды и преобладающему направленію вѣтра. Китайцы самые дошлые земледѣльцы, ничего не упускаютъ изъ виду, всѣмъ пользуются, даже тѣнью бороздъ, гдѣ садятъ лукъ, не любящій солнца.

Мукденъ. Буддійская колокольня.

На второй станціи, не доѣзжая Мукдена, намъ пришлось прождать нѣсколько часовъ въ степи, такъ какъ какой-то высокопоставленный желѣзнодорожникъ проѣзжалъ и изволилъ обѣдать въ Мукденѣ. Поэтому вмѣсто полудня мы пріѣхали въ Мукденъ только къ закату солнца. Толпа китайцевъ сейчасъ же обступила насъ и набросилась на мой багажъ, предлагая свои ручныя телѣжки, общеизвѣстныя японскія „рикши“, которые привились на всемъ положительно Востокѣ. Это легкая лакированная, двухколесная повозочка съ клеенчатой будкой для защиты отъ дождя; тащитъ ее одинъ человѣкъ, другой иногда подталкиваетъ сзади.

Я предпочелъ обыкновенную солдатскую повозку, которую любезно предложилъ мнѣ товарищъ по путешествію—докторъ. Опять мы окунулись въ убійственную пыль и тлетворный запахъ подгородныхъ китайскихъ кладбищъ.

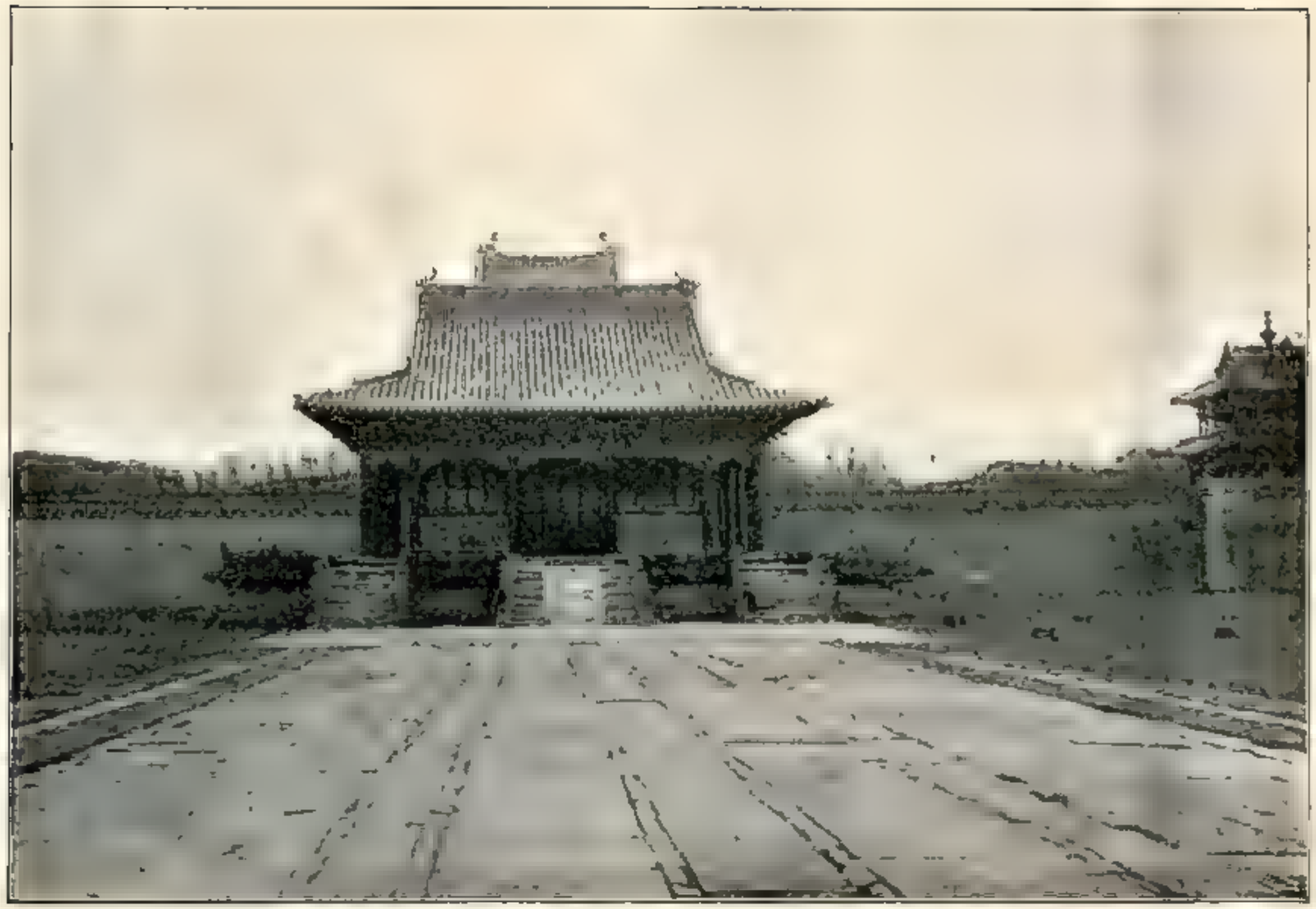
Но когда я очутился на главной улицѣ Мукдена, то сторицей былъ вознагражденъ за эти маленькія непріятности. Солнце уже закатилось, и померкнувшая улица казалась темнымъ муравейникомъ. Вверху надъ ней, между тѣмъ, въ послѣднихъ лучахъ зари горѣлъ туманъ золоченыхъ вывѣсокъ, рѣяли красные и желтые флаги, колебались разноцвѣтные фонари. А дальше стояли, точно тучи, туманныя очертанія остроугольныхъ башенъ. Я не могъ глазъ оторвать отъ этого чуднаго, своеобразнаго зрѣлища, и не зналъ, чѣмъ больше восхищаться: быстро темнѣющими-ли золотистыми узорами вывѣсокъ, причудливыми-ли драконами, изогнутыми крышами, или блестящими выставками магазиновъ и снующей среди нихъ толпой странныхъ, пестро одѣтыхъ людей. Они двигались почти сплошнымъ потокомъ,

одѣтые, словно женщины, въ шелковыя развѣвающіяся платья, съ богатыми цвѣтными вышивками. Они смѣшивались съ сѣрой и голубой толпой обыкновеннаго люда, точно также какъ цвѣтная кайма карнизовъ и узоровъ вплетается въ сѣрый фонъ мѣстныхъ построекъ и тканей. До сихъ поръ мнѣ не довелось еще видѣть такой вереницы именитыхъ, богатыхъ и щегольски одѣтыхъ китайцевъ. Я почувствовалъ вдругъ, что нахожусь въ одномъ изъ центровъ ихъ культуры. Но я ошибался: это не былъ центръ, а скорѣе музей, сокровищница, такъ какъ мысль и сердце Китая, разбитыя на милліоны частицъ, живетъ и трудится въ деревняхъ. Оттого то можно завоевать и истребить китайскіе города, но невозможно измѣнить и разорить Китай.

Сообразуясь съ указаніями доктора, я направился въ гостиницу „Мукденъ“, единственную русскую гостиницу въ городѣ. Это была до такой степени отвратительная, грязная и зловонная трущоба, что я поскорѣе оттуда убрался. Мнѣ кажется, что ни одинъ китайскій постоялый дворъ не въ состояніи перещеголять въ грязи и зловоніи предложенную мнѣ тамъ комнату. Буквально подошвы липли къ полу, а предложенная постель представляла звѣриное логово. Другой комнаты не было, такъ какъ три остальныя занимали... „артисты“. До ухода изъ гостиницы я услышалъ разговоръ, окончательно выяснившій мнѣ положеніе дѣлъ:

— Ахъ, это вы. А я думала, что вы уже не придете... Мужчины такъ измѣнчивы!..

Войска покидали городъ. Это создавало много движенія и толкотни на улицахъ. Императорскій дворецъ былъ уже опечатанъ и возвращенъ китайскимъ властямъ. Чтобы осмотрѣть его, мнѣ пришлось испрашивать спе-



Мукденъ. Императорскія гробницы. Храмъ императорскихъ предковъ,
гдѣ молится ежегодно дзянь-дзюнь.

ціальное разрѣшеніе военныхъ властей и дзянь-дзюня. Покамѣстъ это устраивалось, я бродилъ по разнымъ частямъ города, останавливался передъ горами апельсиновъ и мандариновъ, заглядывалъ въ ювелирныя мастерскія, гдѣ на тоненькіе золотые и серебряные листочки искусныя китайскія руки наклеивали яркія птичьи перья и чудную эмаль; заходилъ въ кузницы, въ столярныя, къ кожевникамъ, красильщикамъ, ткачамъ... Вездѣ очень простыми инструментами управляла несравненная ловкость и большое трудолюбіе исполнителей. Всѣ ремесленники работали дома; большихъ заведеній мало. Фабрикъ я совсѣмъ не видѣлъ, хотя узналъ, что въ городѣ есть два фарфоровыхъ завода, да нѣсколько винокуренныхъ и оружейныхъ заводовъ. Въ Цицикарѣ мнѣ показывали бывшій монетный дворъ съ высокой трубой, но все это до сихъ поръ нисколько не вліяло на характеръ китайскаго труда и промышленности, по преимуществу кустарной. И я самъ сказалъ себѣ то, о чемъ многократно читалъ: Китай страна крестьянъ и мелкихъ ремесленниковъ. Въ лавкахъ, впрочемъ, я замѣтилъ много европейскихъ издѣлій и совершенное отсутствіе хорошихъ картинъ, рисунковъ и вообще предметовъ китайскаго древняго искусства. Все это выкуплено или просто разграблено и вывезено давнымъ давно въ Европу. За оставшійся кой-гдѣ художественный бракъ продавцы запрашиваютъ баснословныя деньги.

Я и здѣсь осмотрѣлъ много храмовъ, между прочимъ знаменитый храмъ „Страшнаго Суда“, въ которомъ многочисленныя фигуры изображаютъ судьбу попавшихъ въ адъ грѣшниковъ. Мнѣ показалось, что я слышу описаніе „Послѣдняго Суда“ въ какомъ то глухомъ, заброшенномъ костелѣ; бабы плачутъ, мужики

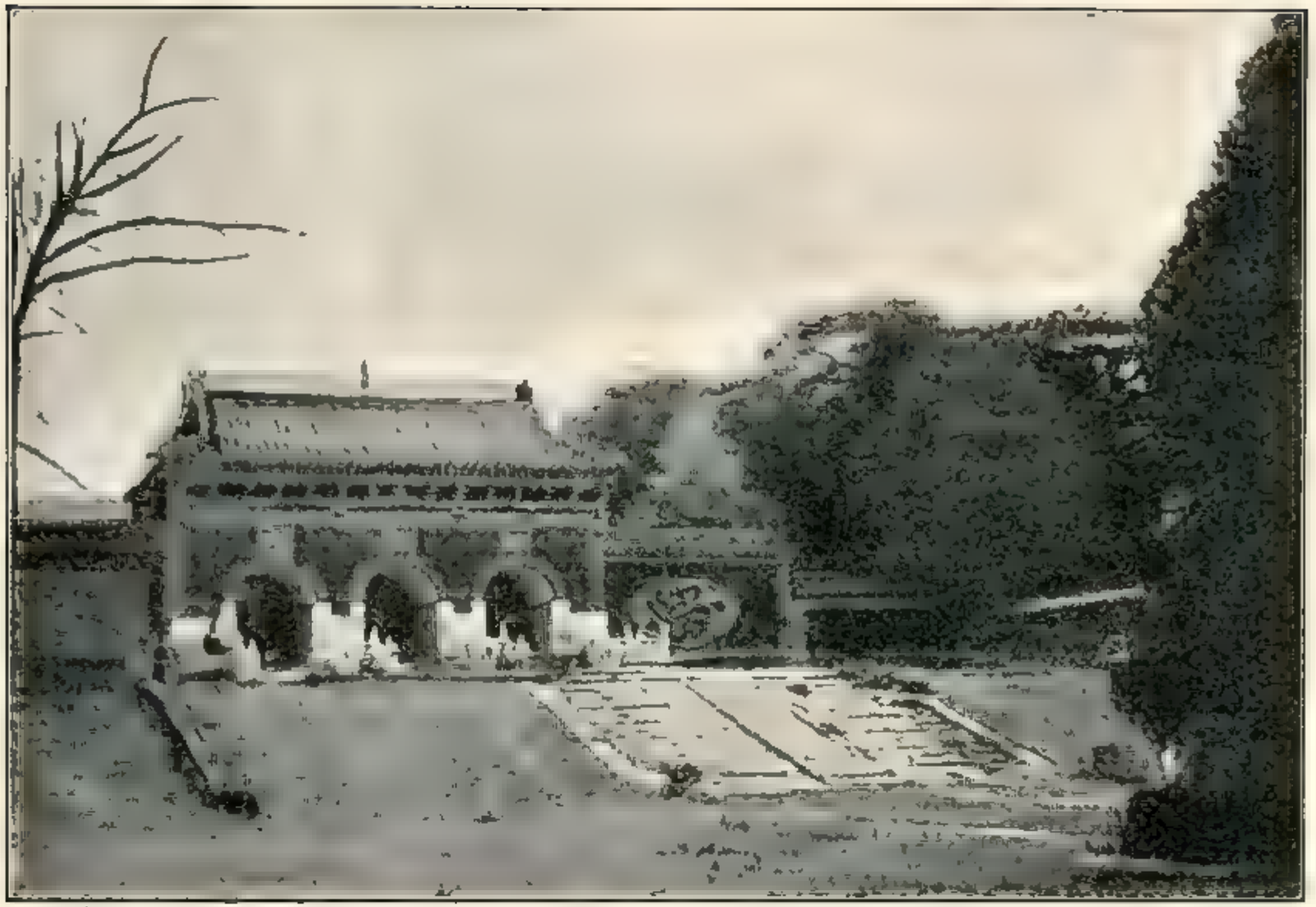
вздыхаютъ, а все таки грѣхъ упорно гоститъ въ ихъ сердцахъ!

Затѣмъ я попросилъ сопровождавшаго меня китайскаго офицера, чтобы онъ повелъ меня въ храмъ „Неба и Земли“, именуемаго „Пхи-та-тенъ-ты-фо“; онъ охотно согласился, но храмъ, куда мы попали, былъ совсѣмъ не тотъ, котораго мы искали: не „Дай-мяо“, т. е. Большой храмъ, китайскій національный храмъ, въ которомъ самъ императоръ справляетъ въ Пекинѣ разъ въ годъ службу. Въ Мукденѣ онъ есть тожс.

Храмъ „Неба и Земли“, гдѣ мы очутились, былъ обыкновенный полуразрушенный буддійскій храмъ съ исполинскимъ ужаснымъ и краснымъ „Гнѣвнымъ Буддой“ въ алтарѣ. Божество держало въ объятіяхъ женщину, и на немъ былъ надѣтъ желтый шелковый плащъ, который впрочемъ бонза согласился снять долой за нѣсколько копѣекъ. По обѣимъ сторонамъ алтаря стояли на землѣ большія деревянныя и глиняныя изображенія геніевъ и демоновъ. Параллельно съ алтаремъ на двухъ десяткахъ ступеней стояло нѣсколько сотъ изображеній Будды. Бонза утверждалъ, что ихъ тысяча штукъ.

Этотъ небольшой храмъ, нѣкогда, вѣроятно, отлично содержался, но теперь пришелъ въ упадокъ. Каменная ограда мѣстами обрушилась, боковыя крылья съ фигурами рухнули. Остались только красивыя сосны и очень красивый древній памятникъ, гдѣ на мраморной таблицѣ, поставленной на спинѣ большой каменной черепахи, была изсѣчена цѣлая длинная лѣтопись.

Памятникъ, по словамъ бонзы, воздвигнутъ былъ во времена династіи Минъ, точно также какъ и другой памятникъ съ мраморными львами и шаромъ на вер-



Мукденъ. Императорскія гробницы. Вторыя главныя ворота.

хушкѣ, за оградой храма. Послѣдній своей наружностью сильно мнѣ напомнилъ монгольскія „обо“. Другой такой же памятникъ я видѣлъ поближе къ городу. Китайцы зовутъ ихъ „татарскими“ памятниками, храмъ же, осмотрѣнный нами, „монгольскимъ“. Онъ, дѣйствительно, храмъ не буддійскій, а ламайскій. Находится онъ въ двухъ слишкомъ верстахъ отъ города по дорогѣ къ императорскимъ гробницамъ.

Гораздо болѣе интереснымъ показался мнѣ храмъ „Лисицы“ у Юго-восточныхъ городскихъ воротъ, въ очень живописномъ, тихомъ уголкѣ, гдѣ старыя деревья свѣшиваются съ высокой стѣны, гдѣ нѣтъ ни лавокъ, ни прохожихъ, и лишь толпы ребятъ играютъ на берегу уединненаго пруда. И въ этомъ храмѣ я нашелъ тоже самое, что въ цицикарскомъ: множество таблицъ съ благодарственными надписями, да изображенія лисьей норы.

Въ концѣ вымощеннаго плитами двора стояла часовенька и въ ней главный алтарь; передъ нимъ на столѣ помѣщалась все та же буддійская священная утварь: подсвѣчники, эмблемы (но не всѣ) и большая мѣдная чаша, полная золы, для втыканія горящихъ жертвенныхъ свѣчей изъ древесной сердцевины. Сопровождавшій меня китайскій офицеръ Цюй-шань-цянь, очень милый, благовоспитанный молодой человѣкъ, при входѣ въ храмъ, всталъ неожиданно на колѣни и ударилъ три земныхъ поклона, потомъ онъ бросилъ деньги въ ящикъ, при чемъ бонза подалъ Цюй-шань-цяню сосудъ съ деревянными палочками. Офицеръ долго встряхивалъ вазой, пока одна изъ палочекъ не упала на полъ. Тогда, по ея номеру, бонза розыскалъ соотвѣтствующую страницу въ тетрадкахъ желтой бумаги, висѣвшихъ направо у входа.

— Долго будетъ,—сказалъ со вздохомъ Цюй-шаньцянь, прочитавши отвѣтъ.

Бѣдняка ограбили въ минувшую ночь, и вотъ теперь ему захотѣлось узнать, какъ и когда онъ отыщетъ свои вещи. Оракулъ, какъ слѣдуетъ, вѣщалъ туманно о лѣтнемъ счастливомъ времени.

О „Лисицѣ", Ху, Цюй ничего не могъ мнѣ сообщить. Онъ утверждалъ только, что „Ху" не буддійскій святой.

— Жила-была такая лисица, которая никому худа не дѣлала, и вотъ за то стала человѣкомъ!—объяснилъ онъ мнѣ послѣ долгихъ разспросовъ о происхожденіи божества.

Онъ помогъ мнѣ найти изображенія „Пяти братьевъ Лисицъ" и прочелъ на нихъ надписи. Это были все очень важные господа съ китайскими лицами и въ китайскомъ платьѣ. Отъ прежней „Лисицы" не осталось и слѣда, исключая той лисьей норы, которую я неизмѣнно находилъ въ каждомъ „Лисьемъ" храмѣ.

Говорятъ, что въ храмѣ Лисицы въ г. Цинь-шоутинъ, близъ Портъ-Артура, хранится въ видѣ мощей даже черепъ лисицы. Интересные остатки культа, нѣкогда широко распространеннаго по всему Востоку. Онъ встрѣчается и въ Кореѣ, и въ Японіи, гдѣ въ каждомъ почти шинтойскомъ храмѣ можно найти „Шооичи-инари" (Дзинь-ся) съ двумя, по крайней мѣрѣ, изображеніями лисицы (Кп-цу-не) по бокамъ. Иногда стоитъ ихъ тамъ очень много въ особомъ деревянномъ шкафу, похожемъ на крошечную часовеньку. Лисьи фигурки изъ фарфора, бронзы, золоченой глины и дерева продаются въ большомъ количествѣ на базарахъ въ Японіи. Въ Китаѣ ихъ нѣтъ.

На слѣдующій день я осмотрѣлъ императорскій дворецъ, вѣрнѣе говоря, его развалины.

Крытый изразцовый, желтой черепицей, обильно украшенный краснымъ, голубымъ и зеленымъ лакомъ, раззолоченный, покрытый рѣзьбой, со стѣнами, выложенными чудной мозаикой и маіоликой, нѣкогда онъ, вѣроятно, представлялъ собой прекрасный образецъ китайской архитектуры. Теперь все это потускнѣло, потрескалось, обрушилось. Обширные дворы густо заросли колючимъ бурьяномъ, у каменныхъ львовъ отбиты носы, мозаика выкрошилась, лакъ почернѣлъ, фрески поблекли. Даже красивая башня „Феникса“ пошатнулась и стала похожа на пожелтѣвшій эскизъ прекраснаго нѣкогда павильона. Внутри пусто: мерзость запустѣнія, пыль, соръ, куски обвалившейся штукатурки.

Цѣнные предметы: рукописи, картины и царственныя регаліи покоятся въ сундукахъ и шкафахъ, точно въ гробницахъ.

Никто ими не пользуется, никто ихъ не видитъ; онѣ тлѣютъ медленно и безполезно, ихъ не безпокоятъ даже человѣческіе голоса, такъ какъ сюда никто не ходитъ, исключая дзянь-дзюня, который по долгу службы производитъ разъ въ годъ ихъ осмотръ. Только нынѣ руки завоевателей добыли ихъ на минуту наружу, и вотъ они опять описаны и занумерованы, легли на прежнія мѣста, тлѣть по прежнему. Въ дворцовой библіотекѣ есть цѣнные портреты древнѣйшихъ предковъ нынѣ царствующаго дома, есть чудныя вазы изъ нефрита, фарфора, бронзы, альбомы древнихъ монетъ съ незапамятныхъ временъ; библіотека, полная интереснѣйшихъ сочиненій,—все это пропадаетъ безъ пользы въ древнемъ дворцѣ, гдѣ потолки протекаютъ, гдѣ рушатся стѣны и царствуютъ... крысы.

Грустныя думы охватываютъ при созерцаніи этого рухнувшаго величія. Когда передо мной засіяли въ полумракѣ величественные, золоченые драконы престола Нурхація, я попытался возстановить воображеніемъ времена, когда здѣсь толпились вельможи всей южной и восточной Азіи въ шелку и въ золотой парчѣ, когда здѣсь сосредоточивались политическія нити полу-міра, когда китайскіе властелины Гань-Цюнь, не будучи въ состояніи потушить внутреннихъ междуусобій, приходили сюда просить о помощи, когда совѣтъ храброй манчжурской арміи собирался на площади „восьми знаменъ“ передъ круглымъ сводчатымъ павильономъ дворца. Въ библіотекѣ, откуда открывается чудный видъ на туманный городъ, богдыханъ сходился съ мудрецами, спрашивалъ ихъ совѣтовъ и велѣлъ искать указаній въ древнихъ книгахъ и картахъ. Въ башнѣ „Феникса“ и въ небольшомъ укромномъ саду, полузасыпанномъ теперь гніющимъ листопадомъ, въ тѣни исполинскихъ ильмъ, по прихотливымъ дорожкамъ, среди цвѣтовъ, блуждали княжны, цѣлый гаремъ блѣдныхъ, томныхъ, воздушныхъ красавицъ. Никогда онѣ по всей вѣроятности и не подумали, что современемъ заморскій варваръ будетъ здѣсь ходить и размышлять о нихъ, а кругомъ будетъ царить тишина могилы, будутъ развалины и смерть и что та же смерть · заглянетъ въ самое сердце царствующей династіи и великаго государства.

— Она намъ не нужна, манчжурская династія. Мы ее не любимъ!—говорилъ мнѣ гнѣвно умный, образованный китаецъ.

— Она губитъ Китай, сопротивляясь всѣмъ полезнымъ преобразованіямъ. Но европейцы ее поддержива-

Мукденъ. Императорскія гробницы. Угловая башня.

ютъ. Они хотятъ такимъ образомъ разорить и убить насъ. У насъ въ Китаѣ все есть, рѣшительно все; нѣтъ только человѣка! сказалъ мнѣ на прощаніе добрякъ Цюй-тань-цянь.

Лучшіе китайцы отлично понимаютъ свое положеніе. Какъ всегда бываетъ въ эпоху упадка извѣстнаго строя, гражданскія добродѣтели совершенно перевелись. Лица, хорошо знакомые съ мѣстными дѣлами, разсказывали мнѣ, что въ Китаѣ нѣтъ болѣе неподкупныхъ чиновниковъ и государственныхъ дѣятелей, что самъ Ли-хунъ-чангъ бралъ взятки съ разныхъ государствъ и своихъ подданныхъ китайцевъ. Введеніе реформъ было бы съ радостью принято народомъ, но что-то реформъ не вводятъ, зато вводятъ все новые и новые налоги. Обремененный ими, угнетенный и обиженный своими и чужими, все же мощный и богатый народъ волнуется, патріоты обдумываютъ отчаянные планы, поминутно вспыхиваютъ заговоры, поднимаются областные бунты. Могучій колоссъ, разсыпанный по безчисленнымъ деревнямъ, движется и колеблется по врѣменамъ, какъ океанъ, и какъ океанъ не въ силахъ выйти изъ береговъ, созданныхъ собственной исторіей. Разрушить ихъ нѣтъ возможности, ихъ слѣдуетъ съ напряженіемъ и страданіями постепенно и медленно измѣнить.

Если бы китайцы не подвергались постояннымъ враждебнымъ, злоумышленнымъ толчкамъ, то эти преобразованія нисколько не испугали бы ихъ: ихъ отечество испытало на своемъ вѣку столько перемѣнъ, что одинъ опытъ больше навѣрное не смутилъ-бы ихъ, но современныя международныя условія скверно на нихъ дѣйствуютъ, окончательно подрываютъ довѣріе къ справедливости и добродѣтели и убиваютъ охоту къ труду.

Вообще, китайцы мнѣ понравились, и изъ сношеній съ ними я вынесъ къ нимъ сочувствіе и уваженіе. Простой народъ веселый, спокойный и благодушный; образованные классы обладаютъ значительной общественной дрессировкой, чутки, въ высшей степени учтивы и доброжелательны даже къ иностранцу.

Послѣ осмотра дворца, я отправился на званый обѣдъ къ одному манчжурскому генералу и познакомился тамъ со всѣмъ его семействомъ. Съ утонченной предупредительностью сановникъ позволилъ осмотрѣть мнѣ весь свой домъ, даже тѣ отдаленныя внутреннія комнаты и дворы, гдѣ изъ-за притворенныхъ ставень мелькали фигуры молодыхъ женщинъ.

На слѣдующій день я былъ съ визитомъ у мукденскаго генералъ-губернатора (дзянь-дзюня). Меня заранѣе предупредили, что я, ради этикета, не долженъ снимать ни шапки, ни пальто. Впрочемъ, я не замѣтилъ ни до, ни во время пріема никакихъ смѣшныхъ церемоній; напротивъ,—все происходило очень просто, а мелкія подробности китайскáго пріема, какъ собственноручное преподнесеніе чаю, поклонъ съ сжатыми кулаками и т. д. были сдѣланы съ ловкостью и изяществомъ, которыхъ не постыдились бы самыя благовоспитанныя европейскія дамы.

Когда я собрался уходить, сѣдой, маститый вельможа проводилъ меня не только къ дверямъ, но и къ воротамъ своего дворца, хотя я убѣдительно просилъ его не дѣлать этого; при этомъ онъ такъ мило и красиво улыбался, что я склоненъ былъ принять весь этотъ этикетъ, по присущей человѣку слабости, за дѣйствительное желаніе дзянь-дзюня продлить до крайнихъ предѣловъ интересный разговоръ со мной. Само собой по-

нятно, что предметомъ разговора были искусство и наука, архитектура дворца, его древность и т. п.; о политикѣ ни слова.

Жалко мнѣ стало любезнаго генерала; я слышалъ, что въ Пекинѣ недовольны его управленіемъ и особенно ставятъ ему въ вину допущеніе постройки желѣзной дороги возлѣ самаго Мукдена, гдѣ находятся императорскія гробницы. Мнѣ говорили потомъ китайцы въ Мукденѣ, и это было подтверждено другими, что послѣ ухода войскъ дзянь-дзюнь будетъ вызванъ въ столицу, а это никогда не проходитъ даромъ китайскимъ вицекоролямъ [1]).

Мнѣ осталось осмотрѣть еще только императорскія гробницы, послѣ сдачи ихъ обратно китайцамъ сдѣлавшіяся столь же недоступными для европейца, какъ и мукденскій дворецъ. Ближайшіе мавзолеи находятся въ пяти верстахъ къ западу отъ города, въ чудной сосновой рощѣ. Уже самый видъ лѣса могучихъ деревьевъ среди обнаженной равнины производитъ прямо чарующее впечатлѣніе. Когда же мы очутились у входа въ безконечно длинную аллею исполинскихъ сосенъ, зеленыхъ, какъ малахитовыя колонны отъ покрывающихъ ихъ лишайниковъ, и когда до моего слуха долетѣлъ мистическій шумъ ихъ воздушныхъ вершинъ, я невольно сталъ шагать осторожнѣе по вымощенной плитами дорожкѣ, ведущей къ древнимъ усыпальницамъ.

Аллея была длинна и пряма, какъ мысль о самой смерти, съ узенькой полосой голубого неба вверху между вершинами сосенъ. Въ концѣ ея стояла краси-

---

[1]) Въ 1904 году, по возвращеніи домой, я узналъ, что мукденскій дзянь-дзюнь умеръ скоропостижно въ началѣ марта, и предполагаютъ, что онъ отравленъ.

вая пагода, вѣрнѣе каменныя ворота, со странными по угламъ обелисками, скрытыми въ купахъ деревьевъ. Отсюда дорога поворачивала къ самому мавзолею. Это былъ обширный, вымощенный старательно плитами дворъ, обведенный высокой зубчатой стѣной, имѣющей чудныя ворота посединѣ и красивыя пагоды по угламъ. Небольшая, приподнятая на нѣсколько ступеней часовня стояла посединѣ двора у стѣны, противоположной воротамъ. Часовня была закрыта, а ключъ отъ нея находился у дзянь-дзюня, пріѣзжающаго сюда только разъ въ годъ помолиться предкамъ Богдыхана. Въ часовнѣ находились таблицы императорскихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Болѣе, несомнѣнно, интереса представляла для насъ помѣщающаяся позади часовни стѣна, закрывающая входъ въ могильный имераторскій склепъ и охраняющая оный отъ дурныхъ вліяній (фенгъ-шуйи), подобно тому, какъ каменные и деревянные щиты охраняютъ въ жилыхъ домахъ двери и окна. Украшенная великолѣпной рѣзьбой, драконами и животными, маіоликой, позолотой и лѣпными орнаментами, она подымается высоко надъ крышей часовни.

Всѣ ея драконы были на золоченыхъ цѣпяхъ,—необходимая по мнѣнію китайцевъ осторожность, когда два дракона находятся рядомъ.

— Иначе они подерутся, и отсюда могутъ произойти многія бѣды и несчастія! объяснилъ намъ сопровождавшій насъ китаецъ, хранитель гробницъ.

Мы взобрались на стѣну по полуразрушенной лѣстницѣ и направились по ней кругомъ къ вершинѣ самой гробницы. Мнѣ кажется, что только пирамиды фараоновъ превосходятъ величьемъ этотъ холмъ земли, воздвигнутый надъ бренными останками усопшаго вла-

Мукденъ. Пагода династіи Минъ.

стелина. Представимъ себѣ громадный каменный ящикъ, высотой въ 10 саженей, шириной саженей въ 60 и такой же длины, наполненъ до верху землей. На этомъ огромномъ фундаментѣ возвышается округленный курганъ, тоже саженей 10—12 высоты, покрытый снаружи известкой и цементомъ ради защиты отъ дождя. На вершинѣ его растетъ нѣсколько кривыхъ ильмъ. На мой взглядъ, это была плохая копія сѣверно-манчжурскихъ степей, созданная волею владыки милліоновъ и огражденая отъ тлетворнаго вліянія міра высокой стѣной. Мѣсто, несомнѣнно, красивое, уголокъ, располагающій къ чувствамъ простымъ и къ мечтамъ о колыбели и кочевыхъ палаткахъ предковъ. Позади императорской гробницы, въ рощѣ, тянется цѣлый рядъ холмовъ, поросшихъ лѣсовъ. Все это курганы, искусственно усыпанные, точно редуты для защиты гробницъ отъ жестокихъ вѣтровъ.

Отъ мавзолея мы опять вернулись къ единственному въ оградѣ выходу; послѣ чего мы направились къ знаменитымъ главнымъ, мраморнымъ воротамъ рощи, чрезъ не менѣе знаменитую аллею каменныхъ звѣрей: слоновъ, верблюдовъ, лошадей, сѣверныхъ оленей и кабановъ. Первыя ворота были пробиты въ стѣнѣ, на нихъ красовалась великолѣпная кровля, а сбоку чудные медальоны изъ зеленой и желтой маіолики, изображавшіе имераторскихъ драконовъ. Отъ этихъ воротъ широкая лѣстница спускается къ слѣдующимъ, мраморнымъ воротамъ, покрытымъ сплошь рѣзьбой въ видѣ ажурныхъ, каменныхъ кружевъ. Трудно передать легкое, воздушное очертаніе этой превосходной постройки, которая такъ и манитъ прохожаго взойти по поднимающейся сзади нея лѣстницѣ на склонъ горы, гдѣ тихо шумятъ сосны...

Когда впослѣдствіи я замѣчалъ у задумавшихся китайцевъ удивительно грустный, свойственный имъ взглядъ — взглядъ умнаго, много передумавшаго и перестрадавшаго народа, я всегда вспоминалъ эти легкія воздушныя, изящныя ворота, ведущія къ вѣчности, вспоминалъ широкія лѣстницы со львами по бокамъ и тихія темныя сосны на вершинѣ холмовъ...

Японія.

Пятая всемірная выставка.

Осака, гдѣ была устроена пятая по очереди японская выставка, считается однимъ изъ самыхъ промышленныхъ городовъ Японіи. Она обладаетъ сухопутными и морскими путями сообщенія, соединяющими ее не только со всей страной, но и со всѣмъ свѣтомъ, такъ какъ городъ расположенъ надъ Средиземнымъ Японскимъ моремъ, въ устьяхъ рѣки Содагавы, вытекающей изъ извѣстнаго горнаго озера Бива. Построенный на островахъ городъ прорѣзанъ множествомъ каналовъ съ красивыми желѣзными и каменными мостами. Улицы довольно узкія, не мощеныя, но шоссированныя, какъ повсемѣстно въ Японіи.

Несмотря на это, пыль отсутствуетъ, благодаря чистотѣ улицъ и частой ихъ поливкѣ. Возы употребляются японцами рѣдко, поклажу и людей перевозятъ обыкновенно ручными телѣжками; тамъ же, гдѣ подвозъ грузовъ большой и постоянный, японцы строятъ сейчасъ же желѣзныя дороги. Въ горахъ клади перевозятся на вьючныхъ лошадяхъ и буйволахъ.

Согласно переписи 1898 года, въ Осакѣ насчитывается 921.000 жителей, торговые ея обороты достигаютъ до 500.000.000 іенъ ежегодно.

Городъ состоитъ изъ обычныхъ японскихъ домовъ въ одинъ или два этажа; въ виду этого, хотя онъ и тѣсно застроенъ, занимаетъ громадное пространство. Когда я со стѣнъ древней крѣпости О-широ окинулъ взглядомъ городъ, онъ представился мнѣ въ видѣ моря крышъ съ развѣвающимися многоцвѣтными флагами поверхъ и сотнями заводскихъ трубъ кругомъ. Смотря на эти трубы, сквозь дымъ коихъ съ трудомъ мерцала на горизонтѣ свѣтло-голубая полоса моря, я воочію убѣдился, что Японія опровергла всѣ экономическія теоріи и въ неполныя 50 лѣтъ сдѣлала съ баснословной легкостью скачекъ отъ естественнаго хозяйства и феодализма къ капитализму. Такъ какъ я былъ уже немного знакомъ съ практическимъ и разсудительнымъ характеромъ японцевъ, то слышанное въ Европѣ мнѣніе, что Японія все дѣлаетъ единственно „изъ подражанія“ Европѣ, показалось мнѣ очень смѣшнымъ.

Подъ вліяніемъ какихъ причинъ и въ какихъ размѣрахъ совершился этотъ переворотъ? Эти вопросы преслѣдуютъ каждаго путешественника по Японіи и, неразгаданные, по моему мнѣнію, пока никѣмъ, еще болѣе усилили мой интересъ къ японской выставкѣ.

Чтобы перебраться изъ небольшой второклассной гостиницы „Нипонъ-Ракитама“ на выставку, я принужденъ былъ переѣхать черезъ весь городъ.

Сравненіе второклассной гостиницы съ нашими первоклассными было бы для послѣднихъ до такой степени нелестное, что я предпочитаю объ этомъ не распространяться. Къ слову я только напомню, что въ Японіи всѣ ежедневно купаются и что потому даже загрязнившіеся при работѣ люди не производятъ впечатлѣнія неряшливыхъ. Вездѣ царитъ образцовый поря-

Японія. Г. Осака. Площадь передъ выставкой.

докъ и чистота; даже въ бѣдныхъ переулкахъ, гдѣ тѣснота и работа сильно затрудняютъ народонаселенію соблюденіе чистоты, я не замѣтилъ отвратительной европейской грязи, наростающей въ теченіе цѣлыхъ годовъ слоями. Здѣсь метла и вода безпрестанно въ ходу и не разъ въ день, какъ у насъ, по завѣту предковъ. Коль скоро мужчина, женщина или ребенокъ улучатъ свободную минуту, берутъ метлу и выметаютъ соръ, моютъ, вытираютъ, чистятъ свои дома и ихъ обстановку. Японцы отъ природы не выносятъ грязи и сору. Далѣе напомню, что процентъ грамотныхъ въ Японіи чутъ ли не самый высокій во всемъ мірѣ. Я положительно въ мое путешествіе не встрѣтилъ ни одного японца, ни японки, не умѣющихъ читать, хотя я умышленно спрашивалъ не разъ рабочихъ и бѣдняковъ о томъ. Даже простой „рикша“, трудящійся тяжело весь день ради куска хлѣба въ образѣ лошади, въ свободную минуту вынимаетъ книгу или газету и читаетъ.

Простой народъ (не говоря уже объ образованныхъ классахъ) чрезвычайно вѣжливъ и милъ въ обращеніи; толпа ведетъ себя всегда весьма прилично –сдержанно. Я видѣлъ ее въ сильномъ возбужденіи во время проѣзда императора. Тысячная толпа стояла смирно, тѣсно, въ образцовомъ порядкѣ. Никакого энтузіазма она не обнаруживала, между тѣмъ многіе терпѣливо ждали съ 9 часовъ утра до 1 часу дня подъ жгучими лучами солнца, лишь бы увидѣть любимаго монарха. Я нарочно наблюдалъ стоящихъ: это были все по преимуществу старики, дѣти, крестьяне, женщины изъ народа... Когда сѣдой, важный, пріятной наружности микадо проѣзжалъ мимо нихъ съ любезной улыбкой, единственно тихій шопотъ, на подобье глубокаго вздоха, пролетѣлъ надъ сонмищемъ людей.

Японская полиція всегда вѣжлива, услужлива и внимательна, она набирается исключительно изъ дворянскаго сословія, „самураевъ“, и служба въ полиціи ничуть не считается позорной. Полицейскій, къ которому я, случалось, обращался съ вопросомъ, не только старался отвѣтить мнѣ возможно точно, но зачастую провожалъ меня цѣлый кварталъ, чтобы направить меня, куда слѣдуетъ. Желѣзнодорожные служащіе, контролеры, кассиры, кондуктора не напускаютъ на себя важности, вѣжливо отвѣчаютъ на вопросы, даютъ краткія, точныя и умныя указанія и разъ замѣчаютъ что пассажиръ въ затрудненіи, спѣшатъ ему съ помощью. Они поступаютъ такъ не только съ иностранцемъ, но и со своими собратьями, бѣдными пассажирами 3-го класса. Японскій прохожій, спрошенный о чемъ нибудь, никогда не отвѣтитъ невѣжливо, даже если онъ торопится; онъ постарается дать самый вѣжливый и точный отвѣтъ, часто даже напишетъ на бумагѣ адресъ или начертитъ планъ улицы.

Японія—это удивительная страна, гдѣ поѣзда не опаздываютъ, хотя желѣзнодорожное движеніе чрезвычайно оживлено. Страна, гдѣ письма не теряются, отправленныя вещи приходятъ во время и въ цѣлости, страна, гдѣ прислуга обязательнѣйшая и учтивѣйшая въ мірѣ, гдѣ никто не требуетъ „на чай“, тамъ-же, гдѣ не бывало иностранцевъ, даже совсѣмъ не знаютъ этого унизительнаго обычая. Мнѣ часто возвращали надбавки съ вопросомъ: что это значитъ?—видимо въ предположеніи, что я ошибся. Въ портовыхъ городахъ и въ мѣстахъ, посѣщаемыхъ туристами, дѣло обстоитъ иначе, но вездѣ существуютъ таксы, слѣдовательно отвѣтственность за порчу нравовъ цѣликомъ падаетъ на „глобтретеровъ“.

Въ такихъ мѣстахъ „рикша“ уже уподобился немного нашему извозчику, только еще не ругается и не бьетъ кнутомъ недостаточно тароватаго пассажира; онъ только вѣжливо будетъ доказывать, вопреки таксѣ, что ему слѣдуетъ больше. Мнѣ не случалось наблюдать въ Японіи уличной драки межъ туземцами, и хотя я видѣлъ ссоры, но безъ ругательствъ и грубостей. Японецъ пытается вывести себя и другихъ изъ затруднительнаго положенія прежде всего улыбкой. Ихъ упрекаютъ въ хитрости, жадности и самолюбіи... По моему, они очень разсудительны, бережливы и расчетливы. Во всемъ же знаютъ мѣру, такъ какъ черта эта отличаетъ не только японское искусство, но и японскій темпераментъ. Понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, о справедливости и вѣрность своему долгу, насколько я могъ замѣтить, среди японцевъ гораздо выше, чѣмъ среди европейцевъ. Что же касается упрека въ самолюбіи, то сознаюсь, что до сихъ поръ я не нашелъ въ прошлой и современной исторіи примѣра не только великодушнаго и благороднаго по отношенію къ иноземцамъ народа, но я не нашелъ тамъ даже просто *справедливаго народа.* До сихъ поръ среди всѣхъ народовъ есть только отдѣльныя возвышенныя и истинно благородныя личности.

Возвращаюсь къ выставкѣ.

Итакъ, я взялъ гостиничнаго „рикшу“ и за 25 сенъ (копѣекъ) поѣхалъ въ другой конецъ города за 4 версты. День былъ солнечный, и длинная, узкая улица, по которой я ѣхалъ, представляла чудесный видъ: тысячи разноцвѣтныхъ фонарей и флаговъ, преимущественно красныхъ, низко нависали надъ ней съ балконовъ и крышъ. Подъ этимъ радужнымъ колышущимся сводомъ, двигалась толпа людей, бѣжали легкіе рикши, мелькали

большіе, свѣтлые зонтики, пестрыя платья дѣтей и дѣвушекъ, и вездѣ улыбались веселыя лица, посматривая съ любопытствомъ на проѣзжающихъ иностранцевъ. Выставки магазиновъ, совершенно открытыя на подобіе нашихъ лабазовъ, производятъ подъ лучами южнаго ослѣпительнаго солнца чарующее впечатлѣніе; въ нихъ выставлены почти всѣ продаваемые въ лавкѣ товары яркихъ свѣтлыхъ цвѣтовъ и бросаютъ свои свѣтлыя отраженія на веселую, смѣющуюся уличную толпу. Низенькіе городскіе домики не скрадываютъ неба, и оно свободнымъ необъятнымъ куполомъ покрываетъ городъ и землю.

По мѣрѣ приближенія къ выставкѣ уличная толпа возрастала. Площадь передъ выставкой чернѣла отъ народа. На площади стояли большія тріумфальныя ворота, убранныя доверху зелеными сосновыми вѣтками, на которыхъ красиво желтѣли японскіе узоры и императорскій іероглифъ. Толпа непрерывно двигалась чрезъ входы и выходы, гдѣ контролеры отбирали билеты. Полиція стоитъ кое-гдѣ, почти незамѣтная, нѣтъ суеты, порядокъ вездѣ образцовый. Никто не спѣшитъ, не толкается, не давитъ другихъ, и эта атмосфера спокойствія и увѣренности очень пріятно дѣйствуетъ на иностранца, не знающаго ни языка, ни обычаевъ. Я отпустилъ „рикшу“ и пошелъ съ толпой.

Выставка не поражаетъ размѣрами; она, какъ вся Японія, небольшая, но очень милая.

Продолговатая ея площадь украшена посредшѣ газономъ и цвѣтами; среди газона устроенъ фонтанъ, гдѣ вечеромъ сквозь электрическій свѣтъ льются тонкіе водопады. Вдали, на невысокомъ естественномъ возвышеніи среди зелени бѣлѣетъ Дворецъ Искусства, а

передъ нимъ громадная статуя Кваннонъ—богини Милосердія съ играющими у ея ногъ дѣтьми. Это тоже фонтанъ и очень красивый, особенно въ эффектномъ электрическомъ освѣщеніи.

Всѣ выставочныя зданія бѣлыя, и на нихъ бѣлые японскіе флаги съ краснымъ „Восходящимъ Солнцемъ“. Въ первомъ зданіи направо отъ входа, помѣщался отдѣлъ земледѣлія, лѣсоводства и рыбной ловли, напротивъ—Дворецъ Промышленности. Я прежде всего направился туда. Мнѣ хотѣлось провѣрить слышанныя пасмѣшки надъ японской промышленностью.

— Что у нихъ есть, скажите на милость: картинки, лучинки, лубяные ящики, куклы, игрушки... чѣмъ имъ гордиться то?

Я не стану описывать разныхъ отдѣловъ; это было-бы и долго, и скучно и тщетно. Я скажу только, что самымъ достойнымъ вниманія и блестящимъ показался мнѣ ткацкій отдѣлъ. Ткани вообще отличались красотой, дешевизной, а шелковыя издѣлія прямо изумляли цвѣтами и отдѣлкой. Я не женщина, но чувствовалъ, что въ состояніи былъ-бы разориться на эти чудныя, узорчатыя, будто-бы изъ одного воздуха и красокъ сотканныя занавѣси. Японскія шелковыя ткани по своимъ несравненнымъ узорамъ и дешевизнѣ безусловно стоятъ внѣ конкуренціи.

Говорятъ, что китайскіе шелка прочнѣе и лучше.

Возможно, но я не видѣлъ въ то время еще китайскихъ тканей такой же красоты.

Не менѣе солидное впечатлѣніе производитъ гончарное производство: фарфоръ, фаянсъ, издѣлія изъ обыкновенной глины, маіолика, наконецъ великолѣпныя „клоазоне“ которыя, собственно говоря, составляютъ пере-

ходъ къ эмаліи и металламъ. Долго еще у японцевъ главнымъ предметомъ вывоза будетъ ихъ художественный вкусъ. Японію поэтому справедливо зовутъ „Италіей и Элладой Востока“. Надо надѣяться, что японцы сумѣютъ сберечь это свое сокровище отъ промышленной порчи, хотя на выставкѣ я замѣчалъ уже произведенія, и въ цвѣтахъ и въ формахъ подходящія къ европейской фабричной дешевкѣ. Кажется, что именно эти пропзведенія сбываются въ самой Японіи въ большомъ количествѣ и безусловно будутъ дурно вліять на художественную чуткость народа.

Я осмотрѣлъ прилежно знаменитыя японскія лаковыя издѣлія, которыми выставка изобиловала, но долженъ сознаться, что красота ихъ для меня непонятна, о прочности ихъ представленія не имѣю, поэтому вообще судить о нихъ не берусь.

Слабѣе всего экспонировано горное дѣло. Хотя образцовъ каменнаго угля, кокса, тесаныхъ и полированныхъ камней гранита и мрамора было много, но видно было, что металлами, составляющими основаніе современной промышленности, Японія не богата. Мѣсторожденій желѣзной руды, кромѣ извѣстныхъ ранѣе, найдено еще два на сѣверѣ Архипелага; качество руды хорошее, но желѣза въ странѣ мало, и оно ввозится въ огромномъ количествѣ.

Химическій отдѣлъ много лучше горно-заводскаго, и мнѣ кажется, что японцы, благодаря своей смѣтливости, аккуратности и ловкости сумѣютъ поставить его высоко.

Издѣлія бумажныя и кожаныя отличались тоже красотой и высокимъ качествомъ и возбуждали заслуженное удивленіе своей дешевизной. Въ этомъ отдѣле-

Японія. Г. Хакодате. Старая крѣпость, передѣланная въ докъ.

ніи часто можно замѣтить произведенія, которыя по своей формѣ и окраскѣ заслуживаютъ названіе произведеній искусства. Славятся также японскія издѣлія изъ тисненой кожи.

Изъ отдѣла промышленности я перешелъ въ смежный съ нимъ школьный отдѣлъ. Онъ отлично устроенъ и чрезвычайно богатъ. Впрочемъ, больше меня удивилъ проявленный къ нему интересъ толпы, чѣмъ хорошее его устройство. Я вспомнилъ, какъ мало посѣщались эти отдѣлы на другихъ международныхъ выставкахъ въ Европѣ, какую пустыню представлялъ онъ на Нижегородской русской выставкѣ, и въ какомъ они вообще бываютъ загонѣ. Чрезвычайно интересны были развѣшанныя по стѣнамъ карты, таблицы, діаграммы; болѣе важныя изъ нихъ снабжены были англійскими надписями. Весь этотъ отдѣлъ носилъ на себѣ воспитательный, домашній отпечатокъ. Все было видимо собрано съ большою любовью, распредѣлено въ логическія и законченныя коллекціи. Посѣтители не упускали случая воспользоваться наглядным урокомъ; вездѣ публика, особенно молодые люди, что-то записывала и срисовывала.

Отдѣлъ земледѣлія, лѣсоводства и рыбной ловли тоже хорошъ. Онъ былъ устроенъ по географическому методу, т. е. всѣ произведенія данной мѣстности были соединены въ однѣ группы, что затрудняло изученіе спеціалистамъ, но для публики представляло много удобствъ. Наплывъ посѣтителей въ этомъ зданіи ничуть не меньшій, чѣмъ въ школьномъ отдѣлѣ. Преимущественно встрѣчались здѣсь крестьяне, женщины съ дѣтьми на спинахъ, подростки и ученики. Сколько различныхъ сортовъ хлѣба, сколько породъ гороха, какой великолѣпный рисъ, предметъ справедливой гор-

дости японцевъ, такъ какъ онъ считается лучшимъ на рынкахъ всего міра.

Въ рыбопромышленномъ отдѣлѣ — модели судовъ, образцы снастей, рыбные консервы. Японцы рыбаки по преимуществу, мясо у нихъ не въ ходу; отсюда дороговизна рыбы и постоянный ея недостатокъ, несмотря на обильный уловъ ея въ японскихъ моряхъ и рѣкахъ.

Шелководство представлено очень обстоятельно. Во всемъ отдѣлѣ, по всякимъ частнымъ и общимъ вопросамъ вывѣшены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ статистическія таблицы, гербаріи, коллекціи полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ, грибовъ, паразитовъ и микроорганизмовъ, пернатыхъ и четвероногихъ друзей и враговъ земледѣльца, приложены краткія описанія ихъ жизни и борьбы съ ними.

Отдѣлъ машинъ бѣденъ. Еще хуже отдѣлъ домашнихъ животныхъ, которыхъ въ Японіи мало. Скотоводство тамъ только вводится.

Ради отдыха я отправился во „Дворецъ Искусства". Я и не буду пытаться передавать испытанныя тамъ мною ощущенія. Японская живопись пользуется вполнѣ заслуженной всемірной извѣстностью. Я видѣлъ тамъ вышивки цвѣтнымъ шелкомъ столь прелестныя, что казались мнѣ безцѣнными. Между тѣмъ оцѣнка самыхъ дорогихъ изъ нихъ, насколько мнѣ помнится, не превышала 5.000 іенъ. Особенно хороша была вышивка, изображающая спящаго льва, гдѣ нитки тонко подражали естественному расположенію шерсти и гривы.

На выставкѣ картинъ поразило меня обстоятельство, что японцы такіе отличные акварелисты и тонкіе знатоки линіи и цвѣтовъ, теряютъ вдругъ эти качества, разъ берутъ въ руки палитру, скипидаръ и масляныя

краски. Всѣ виданныя мною на выставкѣ картины японскихъ живописцевъ, писанныя масляными красками, не больше какъ рядъ грязныхъ, бездарныхъ ученическихъ работъ, которыхъ постыдился-бы въ Европѣ выставить даже начинающій живописецъ. Очень мизерно онѣ выглядятъ въ сравненіи съ ихъ акварельными произведеніями. Не говорю о такихъ могучихъ картинахъ, какъ видъ вулкана Фуджияма, выставленный на лѣстницѣ, но даже мелочи, въ 50 іенъ, какъ „Дѣвушка, глядящая въ задумчивости на паука“, убиваютъ, своей прелестью громадные, съ большимъ трудолюбіемъ выписанные, масляные холсты.

Поразительное разнообразіе содержанія въ вышивкахъ и акварелях и неуступающее имъ убожество въ масляной живописи!

Чудныя рыбы, животныя, цвѣты, изящныя „мусь-ме“, прелестные ребята, святые старики!.. Какіе рыцари на лошадяхъ! какіе вдохновенные проповѣдники! какіе пейзажи!.. И спрашивается, къ чему художники, способные создавать такія произведенія, умѣющіе при помощи акварели вызывать такіе эффекты, находятъ нужнымъ возиться въ вонючимъ масломъ и скипидаромъ?!

Я нѣсколько разъ посѣщалъ Дворецъ Искусства и всегда уходилъ оттуда послѣднимъ. Сторожъ картинной галлереи уже зналъ меня и всегда, позванивая своимъ колокольчикомъ, улыбался мнѣ дружелюбно, какъ бы извиняясь, что мѣшаетъ мнѣ любоваться дольше произведеніями искусства своихъ соотечественниковъ.

По истеченіи пяти дней, я принужденъ былъ оставить Осаку и ея выставку. Посѣщеніе мое было слишкомъ кратковременное для того, чтобы я могъ составить себѣ о производительности Японіи болѣе серьезное

мнѣніе, но то, что я увидѣлъ тамъ, заставляетъ меня думать, что Японія прежде всего обладаетъ громаднымъ внутреннимъ рынкомъ, все развивающимся и возрастающимъ, и составляющимъ по справедливости заслуженный предметъ особаго попеченія со стороны правительства и общества.

Японцы прекрасные хозяева, и все у нихъ очень разумно направлено, прежде всего, къ удовлетворенію нуждъ и удобствъ, къ охраненію здоровья и развитія просвѣщенія среди широкихъ народныхъ массъ. Эти массы не составляютъ въ Японіи забитаго всѣми подножія, они—цѣль любви и вниманія всѣхъ мыслящихъ японцевъ. Понятно, что Японія стремится къ удовлетворенію всѣхъ своихъ нуждъ собственными силами, и сообразно съ этимъ старается заводить фабрики и производить дома доставляемыя ей изъ Европы произведенія Японцы хорошо знаютъ, что экономическая зависимость начало зависимости политической. Отсюда происходитъ неимовѣрно быстрый ростъ японской промышленности. Но у Японіи мало металловъ, ей не достаетъ желѣза и нефти. Поэтому правящія сферы стремятся занять богатую желѣзомъ Корею, отсюда происходитъ, неосновательный впрочемъ, страхъ государственнаго банкротства, задолженности и усилія, во чтобы то ни стало, увеличить вывозъ. Покамѣстъ ввозъ превосходитъ вывозъ. По моему, это и есть признакъ возрастающаго народнаго богатства, но профессіональные финансисты держатся иного на этотъ счетъ мнѣнія. И, пожалуй-что, они правы до тѣхъ поръ, пока деньги управляютъ міромъ, но и имъ придетъ когда-нибудь конецъ.

Непріятное впечатлѣніе производитъ въ Японіи усиленно поддерживаемая въ народѣ воинственность.

Въ школахъ обучаютъ дѣтей ружейнымъ пріемамъ, маршировкѣ и пѣнію военныхъ гимновъ и даже дѣлаютъ пробныя почныя тревоги. Это безусловно дурно вліяетъ на народный характеръ, но и въ этомъ отношеніи японцы только прилежные, понятливые ученики Европы. Видъ марширующихъ съ ружьями на плечахъ ребятъ, среди чудесной японской природы, всегда дѣйствовалъ на меня удручающе.

Зачѣмъ, зачѣмъ, въ этомъ земномъ раю, созданномъ для любви, доброжелательства и мирныхъ наслажденій, необходимо думать о смерти и насилій?

Въ виду сильнаго чувства народнаго самосознанія, патріотизма и храбрости японцевъ нападеніе на Японію было бы нелегкой задачей даже для самой могущественной державы. Весь Архипелагъ поднялся-бы какъ одинъ человѣкъ.

Осака. 5-го апрѣля 1903 года.

Японскій Дронтгеймъ.

Хакодате—одинъ изъ живописнѣйшихъ городовъ, какіе я знаю. Спокойная, воздушная красота его рейда превышаетъ даже красоту прославленной Нагасакской бухты.

Расположенъ онъ на сѣверномъ склонѣ стараго вулкана Га-гю-дзенъ (Лежащій Быкъ), поднимающагося прямо изъ моря. Гора, покрытая до самой вершины лѣсомъ и кудрявымъ кустарникомъ, кажется издали сплошнымъ кускомъ малахита. Узкій, низменный перешеекъ соединяетъ ее съ гористымъ материкомъ Ессо. По обѣимъ сторонамъ перешейка двѣ синія бухты, точно двѣ родныя сестры, шумятъ, волнуются или спятъ спокойно въ лучахъ солнечнаго сіянія. Изъ нихъ только западная годна для гавани; восточная—мелка и плохо защищена отъ вѣтра. Городъ охватываетъ полукругомъ первую бухту, взбирается высоко на склоны Га-гю-дзена, заполняетъ весь перешеекъ и заходитъ на другой берегъ, къ подошвамъ блѣдно-зеленыхъ горъ, изъ-за которыхъ далеко на сѣверо-западѣ поднимаются острый, розовый конусъ Кома-га-даки и темный гребень его полуразрушеннаго кратера.

Городъ Хакодате существуетъ всего пятьдесятъ лѣтъ; раньше это была незначительная рыбачья деревушка. Теперь въ немъ числится около 100.000 жителей, есть

Японія. Г. Хакодате зимою.

гимназія, коммерческое училище, морское училище, шесть восьмиклассныхъ городскихъ школъ, одна женская гимназія, четыре частныя школы и двѣ миссіонерскія. Изъ Хакодате проводятъ въ портъ Отару желѣзную дорогу, которая будетъ представлять какъ бы продолженіе большой сѣверной магистрали Токіо Сендай—Ломори и несомнѣнно сильно возвыситъ торговое значеніе Хакодате, здѣсь строятъ корабельные доки и разыскиваютъ небезуспѣшно каменный уголь. Здѣсь есть губернское управленіе, морское управленіе, окружной и апелляціонный суды, русское и англійское консульства,—вообще это въ настоящее время уже крупный торговый и административный центръ, снабженный телеграфами, телефонами, конками, электрическимъ освѣщеніемъ и... прекраснымъ водопроводомъ.

Несмотря на молодость, есть у города даже своя историческая драма. Когда въ 1868 году на югѣ Японіи войска Шьогуна были разбиты, молодой, только-что вернувшійся изъ Голландіи, адмиралъ Ино-мото ушелъ съ флотомъ на Ессо, взялъ города Хакодате и Фукуяма (Матсумай) и объявилъ на островѣ и прилежащемъ ему архипелагѣ республику. Но войска микадо подъ предводительствомъ графа Ки-ро-да высадились со стороны моря на считавшіеся до того неприступными утесы Га-гю-дзена, втащили пушки на крутую его вершину и съ того мѣста, гдѣ скрыта теперь незамѣтная крѣпость, разгромили береговыя укрѣпленія Хакодате. Ино-мото заперся въ замкѣ Широ на сѣверо-востокѣ отъ города и послѣ рѣшительнаго сраженія при Ки-кіо-но уже готовился съ 80-ю своими знатнѣйшими сторонниками совершить „харакири“, когда посланникъ микадо предложилъ ему полное и почетное помилованіе. Въ послѣд-

ствіи Ино-мото и нѣкоторые его сподвижники достигли высокихъ почестей; онъ самъ былъ послапникомъ въ Россіи и вышелъ въ отставку въ чинѣ полнаго адмирала; его ближайшій товарищъ О-токи санъ былъ посланникомъ въ Кореѣ во время японо-китайской войны и состоялъ членомъ государственнаго совѣта. Такъ были побѣждены послѣдніе враги микадо не столько желѣзомъ, сколько великодушіемъ и благородствомъ!

Но политическая пѣсенка Хакодате далеко не спѣта, только измѣнилось теперь ея содержаніе. Главный припѣвъ ея въ настоящее время, это —*рыба*. Извѣстно, что дружба и вражда народовъ зарождается нынѣ въ купеческихъ конторахъ, что главные военные корабли это не тѣ, которые носятъ пушки и броню, но тѣ, что развозятъ ситецъ, пшеницу, шелкъ, чай, опій, хлопокъ. Хакодате является центральной биржей и важнѣйшимъ складочнымъ мѣстомъ для японской рыбопромышленности; рыба же занимаетъ второе мѣсто послѣ риса въ ряду пищевыхъ продуктовъ Японіи. Ежедневно десятки тысячъ малыхъ и большихъ судовъ снуютъ у береговъ Японіи въ поискахъ этой пищи. Тутъ можно встрѣтить самые разнообразные пріемы, начиная отъ первобытнаго бамбуковаго дротика или костянаго крючка и кончая самыми усовершенствованными рыболовными снастями. И такъ было испоконъ вѣку, начиная отъ микадо Джима, приведшаго на кораблях народъ свой съ острова Кю-сю. Понятно, въ виду этого, что рыбныя богатства южной Японіи истощились. По мѣрѣ подвиганія японской колонизаціонной волны къ сѣверу бѣжали отъ нея не только айны, но и рыба. По словамъ хакодатскаго консула М. М. Геденштроха, несомнѣннаго знатока японскаго рыбнаго дѣла, въ Японіи пѣтъ крупной, хорошей

рыбы. Красная рыба, ловившаяся еще недавно у береговъ Ессо, исчезла; остались только сельдь и сардинка, но есть указанія, что добыча ихъ тоже стоитъ у своего предѣла. Для добычи 1.000.000 коку (9.500.000 пудовъ) сельдей, пойманныхъ въ этомъ году, потребовалось около 120.000 рабочихъ, между тѣмъ какъ десять лѣтъ тому назадъ то же количество рыбы успѣвали налавливать 40.000 рыбаковъ. Милліонъ коку представляетъ ту цифру, около которой колеблется уловъ сельдей въ Хоккайдо (Ессо) съ 1886 года, причемъ въ эти семнадцать лѣтъ только четыре раза было добыто немного больше этого количества. Самый крупный уловъ имѣлъ мѣсто въ 1897 году и равнялся 1.254.000 коку.

Спросъ на рыбу все возрастаетъ не только благодаря естественному умноженію населенія, но и благодаря введенію съ недавнихъ поръ селедочнаго тука въ удобреніе рисовыхъ полей и въ питаніе тутоваго дерева. Спросъ на этотъ тукъ все усиливается. Кажется, что благодаря ему удается японцамъ выращивать тѣ превосходные сорта риса, которымъ нѣтъ равныхъ въ мірѣ; къ тому же употребленіе его обезпечиваетъ сборъ жатвы въ нѣсколько разъ обильнѣе, чѣмъ при другихъ удобреніяхъ, такъ какъ онъ даетъ не только большее количество зеренъ въ колосѣ, но и самый колосъ дѣлаетъ неосыпчатымъ, крѣпкимъ, устойчивымъ противъ вѣтра и всякихъ ударовъ.

Неудивительно, что японцы въ поискахъ драгоцѣннаго продукта устремились далеко на сѣверъ за предѣлы своей родины, на Сахалинъ и въ Камчатку. Бывали тамъ они и раньше; есть указанія, что Камчатку посѣщали они за много времени до завоеванія ея казаками, южный же Сахалинъ они уступили русскимъ

относительно недавно. Но въ послѣднее время потребность ихъ въ камчатскихъ и сахалинскихъ уловахъ особенно усилилась и будетъ несомнѣнно возрастать.

Торговые обороты города Хакодате находятся въ тѣснѣйшей связи съ добычей русской рыбы, такъ какъ здѣсь снаряжаются рыболовныя судна, отправляющіяся въ русскія воды, и здѣсь они по осени сдаютъ свой уловъ. Эти обороты быстро возрастаютъ: въ 1897 году они составляли сумму въ 1.688.000 іенъ [1]), въ 1901 году они достигли уже 4.751.000 іенъ [2]), причемъ русскій ввозъ, который, за вычетомъ 250.000 іенъ стоимости русскаго керосина, состоитъ исключительно изъ соленой и сушеной рыбы, достигаетъ въ 1900 году 2.575.000 іенъ, а въ 1901 г.—1.905.000 іенъ [3]) и равняется и въ первомъ, и во второмъ году 0,9 всего хакодатскаго ввоза, несмотря на общее паденіе его съ 2.985.000 іенъ 1900 года на 2.324.000 іенъ 1901 года.

Итакъ, красная рыба почти не добывается въ предѣлахъ Японіи, а потребляетъ она ее на полтора милліона рублей ежегодно, считая по хакодатской цѣнѣ минимумъ 1 рубль за пудъ; спросъ на селедочный тукъ изъ года въ годъ растетъ, между тѣмъ какъ добыча его у японскихъ береговъ врядъ ли можетъ быть увеличена. Ясно, что Японія сильно заинтересована въ возможно свободномъ и обильномъ приливѣ къ ней русской рыбы. Съ другой стороны, зарождающаяся русская колонизація

[1]) Іена = 98 коп.

[2]) Cabinet Imperial. Bureau de la statistique générale. Résumé statistique de l'Empire du Japon. 17 année. Tokio. 36 année de Meiji. 1903 a., pag. 43.

[3]) Comparative Table of exports and imports port of Hakodate to November 1900—1901.

крайняго Востока тоже пристраивается пока исключительно къ рыбопромышленности, и для нея крайне важно удержаніе вѣрнаго и обширнаго японскаго рынка.

Вотъ основы для складывающихся нынѣ новыхъ русско-японскихъ отношеній. Невидимые лучи, соединяющіе Токіо съ Петербургомъ, должны раньше или позже переломиться въ Хакодате. Важно, конечно, чтобы они переломились правильно въ смыслѣ прочнаго, миролюбиваго сожительства двухъ народовъ.

Хакодате, 23-го мая 1903 г.

Двѣ поѣздки.

I. Volcano-Bay.

Изъ Хакодате уходитъ ежедневно въ 10 ч. вечера пароходъ въ Муороранъ, другой южный портъ того же острова Хоккайдо (Ессо). Большія суда останавливаются довольно далеко отъ набережной Хакодате, и видъ на городъ съ палубы прекрасенъ. Многочисленные городскіе огни, разсыпанные по крутымъ покатостямъ высокаго мыса, кажутся въ темнотѣ роемъ свѣтляковъ, сверкающихъ въ лѣсной чащѣ. Отъ этого роя поминутно отдѣляются маленькіе огоньки и бѣгутъ по чуть-чуть лоснящейся поверхности моря, между темными силуэтами спящихъ на якорѣ кораблей.

Когда эти огоньки нопадаютъ въ полосы свѣта бросаемаго кое-гдѣ судами, видно, что это фонари „сампановъ“, везущихъ пассажировъ и грузы. Стоящій на ихъ кормѣ фонарь снабженъ зеленымъ стекломъ съ наружной и краснымъ съ внутренней стороны, отъ чего свѣтъ трепещетъ и мѣняется при поворотахъ лодки, какъ двукрылая цвѣтная бабочка въ полетѣ. Въ этихъ блѣдныхъ ало-изумрудныхъ переливахъ мелькаютъ бронзовые члены лодочниковъ, движутся рукоятки веселъ, бѣлѣютъ края парусовъ, чернѣющихъ на сумеречномъ фонѣ неба, словно громадныя, остроконечныя крылья

Японія. Островъ Хоккайдо (Ecco). Муороранъ. Угольная станція.

летучихъ мышей. Вотъ одинъ сампанъ причалилъ къ нашему пароходу. Вздутый парусъ разомъ повисъ; внизу и у насъ на палубѣ вдругъ заговорили люди, загрохотала лебедка, загремѣли цѣпи, раздался призывной матросскій свистокъ. Большіе прямоугольные тюки, подхваченныя лапами лебедки заколыхались въ воздухѣ и поплыли вдоль бортовъ корабля, слабо освѣщенныхъ рядомъ круглыхъ каютныхъ оконъ. По лѣстницѣ въ то время поднималась цѣлая процессія темныхъ человѣческихъ фигуръ. Каждая несла узелокъ, зонтикъ и большое бумажное яйцо, освѣщенное внутри слабымъ огонькомъ свѣчи. На палубѣ свѣчи тушились, яйца складывались, а пассажиры, снявъ деревянные, громко постукивающіе сандаліи, безшумно исчезали въ свѣтлыхъ глубокихъ люкахъ судна.

На вахтѣ пробило десять; немедленно зазюзюкалъ повелительный свистокъ капитана; изъ носового люка выскочили матросы, блеснули сигнальные фонари, взлетѣвшіе на вершину мачты съ быстротой и плавностью ракетъ. Машина дрогнула, загремѣлъ якорный воротъ, судно чуть заколыхалось, и темная туча густого дыма заструилась изъ его темной трубы. Подняли трапъ. Съ верхней площадки зазвучали слова краткой, энергичной команды. Машина громко загудѣла, завизжалъ воротъ, поднимая тяжелый якорь. Пароходъ сталъ мѣрно вздрагивать и подвигаться впередъ.

На востокѣ повыше облака, къ которому мы направляемся, всплываетъ серпъ молодого мѣсяца. Облако сползаетъ все ниже и смѣшивается съ волнами, съ береговыми утесами, съ черной Хакодатской горой. Мы плывемъ въ глубокомъ мракѣ. Пароходъ наклонился и дрожитъ все сильнѣе. Мы огибаемъ высокій скалистый

мысъ и описываемъ крутую дугу. Ту-же дугу слѣдомъ за нами описываетъ и черная полоса дыма въ воздухѣ и бѣлая, фосфорическая борозда пѣны на поверхности моря.

Я не могъ глазъ оторвать отъ взбаламученныхъ струй этой пѣны. Это была не мутная пѣна сѣверныхъ морей. О, нѣтъ. Она жила. Въ каждой ся каплѣ горѣли голубыя искры свѣта, переливались, потухали и опять вспыхивали, плавали и кружились, точно блестки инея, подхваченные вѣтромъ въ зимній погожій день играютъ въ солнечныхъ лучахъ. Потомъ, искры опускались внизъ, падали туда голубымъ дождемъ водопадомъ, раскрывая мимолетнымъ свѣтомъ темныя лазоревыя бездны.

Тамъ, среди удивленныхъ рыбъ и водорослей путь нашего парохода вѣрно казался искорчатой ненастной тучей, пугающей морское населеніе непонятнымъ шумомъ и огнями, такъ какъ тамъ царствуютъ законы тьмы и сна.

Береговъ уже не видно. Красивыя окрестности Хакодате скрыты темнотою. На горизонтѣ мерцаютъ только цвѣтные фонари маяковъ. Городскіе огни исчезли, застѣненные высокой, сливающейся съ облаками горой: ихъ осталось всего нѣсколько десятковъ,—блѣдный рядъ, вытянувшійся низко надъ водой. Наконецъ, исчезли и тѣ за исполинской скалой. Въ темнотѣ блестятъ только сторожевые огни, предупреждающіе мореплавателей о опасныхъ мѣстахъ и скалистыхъ быкахъ, подводныхъ отросткахъ и корняхъ громаднаго утеса.

Мы миновали маякъ на мысу Тобекъ, щурящій и открывающій свой свѣтлый глазъ съ утомительнымъ однообразіемъ. Мы въ самомъ зѣвѣ залива. Луна нашла

гдѣ-то скважину въ облакахъ и бросила пятно дрожащей серебристой и чешуйчатой дорожки на дальнія воды. Порывистый вѣтеръ задулъ намъ въ лицо. Громадный пароходъ сталъ покачиваться. Волны съ шумомъ ударяютъ въ его бока. Мы все поворачиваемъ влѣво, въ обходъ Хакодатской скалы. Тусклый лунный свѣтъ погасъ. Не видно ни зги. Въ густой темнотѣ чувствуется лишь вѣяніе чего-то могучаго и движеніе, исполненное величественной царственной силы. Погода чуть-чуть „свѣжа“ по выраженію моряковъ, а нашъ пароходъ между тѣмъ скользитъ по длиннымъ покатистымъ волнамъ, точно рыбачья лодка, и свистятъ отъ вѣтра его корабельныя снасти.

Съ пароходнаго носа я долго всматривался въ окружающую насъ темноту. Я уже собрался было уйти въ мою каюту, какъ вдругъ меня поразилъ внезапный странный блескъ. Точно низко на краю горизонта пролетѣла блѣдная молнія. Такъ сверкаетъ уходящая гроза. Но при вторичной вспышкѣ я убѣдился, что это не могла быть молнія; она пролетала какъ будто ниже горизонта. Такъ, можетъ быть, подумалъ я,—это вулканъ Осозеранъ съ той стороны пролива открылъ свою клокочущую пасть!? Или же это прожекторъ броненосца скользитъ по водѣ, отыскивая контрабандистовъ и враговъ? Нѣтъ, это ни то, ни другое!..

Долго и тщетно я пытался угадать причину равномѣрныхъ и тихихъ, величавыхъ зарницъ. Японскій матросъ стоялъ на вахтѣ неподвижно и не отвѣчалъ на мои вопросы, будто меня не видѣлъ и не слыхалъ. Некого было больше спросить. Палуба совершенно опустѣла, всѣ спали. Загадка между тѣмъ меня манила и держала у качающаго все сильнѣе борта. Наконецъ

болѣе сильный блескъ на мгновеніе указалъ мнѣ необъятную, изломанную волнами морскую гладь. Тогда я понялъ, что это свѣтится и фосфоризуетъ колыхающаяся грудь океана. Мы находились лицомъ къ лицу съ безпредѣльнымъ пространствомъ Пацифика.

* * *

Трудно повѣрить, что послѣ столь темной ночи можетъ наступить такой ослѣпительно свѣтлый солнечный и голубой день, какъ тотъ, который привѣтствовалъ насъ на слѣдующее утро. Судно бросило якорь въ прелестной гавани Муорорана. Впереди блестѣлъ гладкій, какъ зеркало, заливъ; кругомъ подымались зеленыя горы и темныя скалы.

Недалеко на крутомъ берегу вытянулся въ нѣсколько рядовъ городъ, свѣтло-сѣрый,—какъ обыденный японскій „киримонъ“, съ веселыми пятнами разбросанныхъ тамъ и сямъ садовъ, красныхъ флаговъ и цвѣточныхъ клумбъ. Съ восточной стороны, по узкому скалистому карнизу у самаго морскаго залива бѣжала струя бѣловатаго дыма: это поѣздъ уходилъ въ глубь острова Ессо въ городъ Саппоро. Вскорѣ подошли лодки и перевезли насъ на пристань. Время было раннее, и на набережной я не нашелъ ни носильщиковъ, ни „рикшей“. Какой то мальчуганъ послѣ краткихъ и тщетныхъ попытокъ объясниться, подхватилъ мой чемоданъ и понесъ его его куда-то, увѣряя, что идетъ прямо въ гостиницу „Мару-ичи“, гдѣ я условился встрѣтиться съ мистеромъ Б.—Конечно, онъ воспользовался моей безпомощностью и привелъ меня не въ „Мару-ичи“, а свою гостиницу, тоже какую то Мару, но съ другимъ хвостикомъ. Япон-

Японія. Крестьяне.

ская вывѣска ея ничего мнѣ не разъяснила. На мой вопросъ, здѣсь ли Мару-ичи, вся гостиничная прислуга согласно повторила на распѣвъ:—„Хе! Мару-Мару“.

Ошибка объяснилась только долго спустя, когда я успѣлъ убѣдиться, что и въ этой гостиницѣ недурно. Мнѣ отвели хорошенькую, чистенькую комнатку въ верхнемъ этажѣ съ видомъ на море, съ красивой картиной, изображающей играющихъ рыбъ, и съ какимъ то великолѣпно выписаннымъ философскимъ изреченіемъ, подвѣшеннымъ надъ раздвижными дверьми въ рѣзной рамкѣ. Мебели тамъ не было, но зато посерединѣ комнаты стояла мѣдная жаровня, искусно гравированная, которую хорошенькая, чистенькая „мусь-ме“ немедленно наполнила горячими углями; другая „мусь-ме“ принесла подносъ съ чаемъ и пирожнымъ, стала на колѣни, отвѣсила передо мной земной поклонъ и подала напитокъ; третья „мусь-ме“ принялась ставить крошечныя фарфоровыя чашки на изящныя бронзовыя блюдечки; четвертая „мусь-ме“ принесла два гостиничные „кимоны“, одинъ лѣтній, шелковый, другой тоже шелковый, но ватный. Пятая „мусь-ме“... не помню уже, что сдѣлала пятая „мусь-ме“, кажется, она раздвинула бумажныя стѣны комнаты и впустила въ нее много воздуха, солнца и морского блеска. Понятно, что меня еще у входа въ гостиницу лишили сапогъ, но я уже пожилъ въ Японіи нѣкоторое время и привыкъ въ комнатахъ гулять въ чулкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ смысла стучать сапожищами и портить здѣшнія чудныя лѣстницы, лакированныя, какъ наши письменные столы, или пачкать чистенькія рисовыя циновки комнатъ, мягкія точно коверъ. Труднѣе было обходиться безъ стульевъ, я такъ и не научился этой премудрости и въ этотъ

разъ тоже страдалъ, какъ и раньше. Я поочереди становился на колѣни, садился по турецки, по татарски, наконецъ, ложился по римски около моего завтрака, но не помогли ни исторія, ни этнографія: чувство обиды не покидало меня.

Пришлось взяться за англійско-японскій словарь, и начался удивительный разговоръ съ метръ-д'отелемъ. Сбѣжались всѣ гостиничныя „мусь-ме", собралась вся прислуга, и долго судили и рядили совмѣстно о томъ, что еще надобно этому варвару, получившему, повидимому, все нужное порядочному человѣку. Наконецъ, управляющій гостиницы распорядился, и ко мнѣ съ торжественнымъ видомъ привели молодаго японца, объясняющагося довольно хорошо по англійски; я получилъ немедленно все, чего мнѣ недоставало: столъ, стулъ, пару яицъ въ смятку, кусокъ бѣлаго хлѣба (европейскаго), немного масла, порцію бифштекса и чашку чая китайскаго. Горькій японскій чай слѣдуетъ пить только послѣ обѣда. Все это подали мнѣ съ веселой улыбкой, съ милой обязательной привѣтливостью.

Два часа спустя пріѣхалъ мистеръ Б., а на слѣдующій день рано поутру мы уже плыли по лазоревому „Volcano Bay" къ таинственнымъ, бородатымъ айнамъ.

Изъ за зеленыхъ ближайшихъ береговъ, изъ за отдаленныхъ тумановъ выступили многочисленныя остроконечныя вершины погасшихъ и дѣйствующихъ огнедышащихъ горъ, окружающихъ заливъ.

Кію-Муороранъ (старый Муороранъ) былъ первой деревушкой, гдѣ мы остановились. Сидитъ она на берегу моря, притаившись въ узкомъ оврагѣ, густо заросшемъ кудрявымъ лѣсомъ какъ пахъ айна.

Въ Кію-Муороранъ мы провели два дня, въ продол-

женіи которыхъ дождь лилъ непрерывно. Я производилъ антропологическія измѣренія туземцевъ, а мистеръ Б. игралъ на скрипкѣ, училъ своихъ крестьянъ пѣть псалмы и придумывалъ веселыя шутки, главнымъ образомъ направленныя противъ меня и достойныя соотечественника Диккенса.

Третьяго дня, послѣ того какъ дождь прекратился, намъ подали лошадей, и мы отправились дальше.

Широкая, вполнѣ торная дорога сначала поднялась на гору, образующую высокій лѣсистый мысъ. Орѣхи, дубы, клены, грабы, темныя туи и сосны, свѣтлыя ивы, обвитые плющемъ и вьющейся розой, обмытые дождемъ, чистые и свѣжіе переплелись въ густую чащу, нависавшую мѣстами надъ дорогой, точно причудливый сводъ. По ту сторону дороги они наклонились безпечно надъ глубокой пропастью, въ которой спряталась оставленная нами деревушка, и на днѣ которой плылъ ручеекъ. По обѣимъ сторонамъ мыса виднѣлось далеко голубое зеркало „Volcano Bay“.

Затѣмъ съ перевала мы спустились къ болотистымъ, залитымъ водой полямъ, гдѣ крестьяне въ остроконечныхъ шляпахъ, величиною въ зонтикъ, насаждали разсаду риса. Съ того мѣста дорога все уже бѣжала среди воздѣланныхъ полей, мимо густой чащи черемухи, исполинскихъ злаковъ и зонтичныхъ, среди рощицъ дикаго щавеля и сахалинской гречихи, выростающихъ выше всадника. Среди сочной придорожной зелени горѣли красные тюльпаны съ разорванными, пламенными вѣнчиками, мелькали круглые, чашевидные цвѣты алаго терновника, бѣлѣли какъ снѣгъ грозди бѣлыхъ розъ, подымались высоко чудныя жемчужно-сѣрыя кисти спирей... Мѣстами низко у земли кудрявились роскошныя коралло-

выя, еще не оцвѣтшія камеліи. А вдали все мелькало голубое море, за которымъ поднималась высоко розовая верхушка вулкана „Усо“, и высилась синяя громада потухшаго уже „Ширебетсу“, и тянулась дальше голубая цѣпь горъ, постепенно сливающихся съ небомъ.

Мы отдохнули въ хорошенькомъ чистомъ городкѣ „Момбетсу“ и двинулись дальше. За городомъ мы увидѣли цѣлый рядъ заводскихъ трубъ; толпа рабочихъ, одѣтыхъ въ голубыя блузы, направлялась съ дороги именно къ нимъ.

Телеграфная проволока сопровождала насъ постоянно. По дорогѣ попадались намъ обширныя, хорошо построенныя школьныя зданія, откуда раздавалось жужжаніе дѣтскихъ голосовъ; прохожіе встрѣчали насъ дружелюбными улыбками, женщины въ сѣрыхъ платьяхъ, съ цвѣтными „оби“, обхватывающими талью и съ пухлыми ребятами на спинахъ, поспѣшно давали намъ дорогу, и затѣмъ терпѣливо ожидали, пока уляжется поднятая нами пыль. Полицейскій въ бѣломъ мундирѣ съ короткой саблей въ рукахъ мимоходомъ осмотрѣлъ насъ внимательнымъ, но не назойливымъ взглядомъ. Знакомые мистера Б., увидѣвъ его издали, радостно махали ему шляпами.

А поля разстилались кругомъ необъятныя, все лучше воздѣланныя и все болѣе разнообразныя. Длинные низкіе ряды темно-зеленаго индиго, старательно пропаханные, прополотые и окопанные, тянулись ровно, какъ огородныя грядки; густой, высокій ленъ уже пестрѣлъ голубенькими бутонами цвѣтовъ, пшеница желтѣла, а ячмень, мѣстами все еще зеленый, мѣстами совершенно уже зрѣлый, пошевеливалъ длинными усами и шумѣлъ важно въ порывахъ вѣтра, требуя скорѣй жатвы. По-

лосы полей, собранныя точно ковры, сшитые изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, взбирались на покатости и выше на вершины холмовъ, гдѣ въ голубомъ воздухѣ виднѣлись стройныя фигуры женщинъ и дѣтей, полющихъ сорныя травы, или мелькала желтая зонтичная шляпа идущаго за плугомъ крестьянина. Ярко-желтыя нивы цвѣтущаго рапса, вставленныя въ это море волнующейся зелени, до боли рѣзали глаза своими солнечными переливами. Казалось, что тамъ горитъ настоящій золотой пожаръ, въ заревѣ котораго красиво подымались стройные пни меланхолическаго „кирина“ съ большими, мягкими, точно обожженными листьями. Деревья эти густо посажены вездѣ по межамъ Японіи, у жилыхъ домовъ и вдоль дороги. Ихъ бѣлая легкая древесина высоко цѣнится туземцами, какъ матеріалъ для выдѣлки сандалій и... арфъ.

Возлѣ маленькихъ, но чистыхъ избушекъ я вездѣ замѣчалъ сады плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ, маленькіе цвѣтники и огороды съ овощами. У каждой избы стоялъ колодецъ, накрытый крышей съ рогожей у приступочки, гдѣ вытаскиваютъ воду, во избѣжаніе грязи. Мосты повсюду были исправные или починялись вскорѣ послѣ поврежденія наводненіемъ. А наводненія здѣсь частыя и сильныя. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дождевая вода стекаетъ съ горъ стремительно, стоятъ деревянныя корыта, охраняющія дороги и покатости отъ размыва. Большихъ деревень мало, все больше одинокія фермы, двѣ-три хаты вмѣстѣ, не больше. Деревни стоятъ почти исключительно на взморьѣ, главнымъ образомъ рыбачьи села.

Деревня „Усо“ принадлежитъ именно къ такимъ поселкамъ, расположена она на берегу круглаго, какъ

прудъ, изумруднаго залива у подошвы темнаго вулкана „Усо“ съ остроконечной вершиной изъ розовой лавы. Огнедышащая гора добродушно покуривала въ то время „трубку“, пуская кольца бѣлаго дыма боковымъ кратеромъ, но жители посматривали на нее что то тревожно, такъ какъ нѣсколько дней тому назадъ, она принялась вдругъ гудѣть и выбрасывать камнями далеко на ихъ пивы...

Японія. Носильщикъ.

II. Сахалинъ.

Погода стояла хорошая, хотя и нѣсколько туманная. Спокойное море лѣниво изгибалось въ изсиня-жемчужной волнѣ. Мы миновали проливъ. На востокѣ змѣилась сизая полоса острова Хоккайдо (Ессо), на югозападѣ виднѣлся блѣдный островъ Ошири. На сѣверѣ разстилалось передъ нами безпредѣльное открытое море, стальное у горизонта и голубое поближе къ намъ. Нашъ маленькій, сильно нагруженный пароходикъ съ трудомъ дышалъ, пыхтѣлъ съ напряженіемъ, точно объѣвшаяся рыба, переваливался съ бока на бокъ, бороздя бездну. На пароходѣ одни японцы. Маленькая каютъ-компанія полна японскихъ приказчиковъ. У нихъ пиво, вино, водка, но пьютъ они умѣренно, а больше читаютъ. Всѣ они читаютъ. Читастъ даже нашъ „бой“, веселый со всклокоченными волосами пароходный лакей, съ бѣлой салфеткой въ рукахъ, точь въ точь какъ на большихъ пароходахъ. Салфетка очень чиста и свѣжа, такъ какъ „бой“ ее не пускаетъ въ дѣло, вытирая посуду, мебель, руки и носъ бумагой, которую онъ потомъ не безъ юмора пускаетъ съ буйнымъ вѣтромъ. Судно съ самаго утра чисто вымыто и выскоблено. На палубѣ у мачты сидитъ на привязи плѣнникъ—бурый соколъ съ желтыми глазами, рядомъ въ жестянкахъ, наполненныхъ водой, плаваютъ красныя, косматыя япон-

скія рыбки, золотые карпики, сѣрые угри и еще какіе то странные морскіе жители, корявые и перистые, съ пурпурной продольной полосой. На носу судна, подъ прикрытіемъ широкой лопасти якоря пріютились горшки съ цвѣтущими японскими ирисами. Это дань японскихъ матросовъ любимой имп природѣ. Пройдетъ ли съ вахты матросъ, или же кочегаръ выйдетъ на минуту изъ машиннаго ада освѣжиться чистымъ воздухомъ, каждый изъ нихъ наклонится обязательно надъ цвѣткомъ, заглянетъ къ рыбкамъ или поиграетъ съ соколомъ. Храбрая птица сейчасъ разѣваетъ грозно клювъ, повертываетъ къ обидчику когти и матросъ уходитъ восхищенный и ободренный птичьимъ достоинствомъ:

— Хотъ и въ плѣну, но съ длиннымъ носомъ (гордый)! -говорятъ они одобрительно, показывая на плѣнника.

Мы все плывемъ вдоль зубчатыхъ горныхъ кряжей, покрытыхъ сверху до низу кудрявымъ лѣсомъ.

Самъ берегъ круто падаетъ въ море. Нигдѣ не видно ни деревень, ни дорогъ. Страна недавно только тронута колонизаціей и кажется безлюдной. Но гдѣ только у прибрежныхъ скалъ есть широкій приморскій карнизъ, тамъ сейчасъ на пескѣ и камняхъ виднѣются сѣрые лубяные японскіе домики, рыбачій челнокъ качается на волнахъ, или лодка плыветъ по зыби подъ бѣлыми парусами. Гдѣ же берегъ менѣе крутъ, или гдѣ по его складкамъ можно догадаться, что тамъ бѣжитъ скрытый ручеекъ, или застаивается озерко прѣсной воды, тамъ навѣрно гдѣ-либо подымаются зеленыя ступени нагорныхъ японскихъ полей.

Вотъ мы обогнули высокій базальтовый мысъ Мотта съ характерными вертикальными столбами. На темныхъ

верхушкахъ горъ лежатъ пятна бѣлаго снѣга. Берегъ дикій, скалистый, полонъ ямъ и выдолбленныхъ волнами пещеръ.

Рѣжемъ наискось крупный заливъ. Туманная полоса земли за нами еще виднѣется, впереди же на жемчужномъ зеркалѣ моря покоится низко голубая нить противоположнаго берега. По мѣрѣ приближенія къ ней, она подымается и превращается въ ленту свѣтлыхъ утесовъ съ огненными полосами и сѣрыми клубами дыма. Сначала я подумалъ, что это лѣсной пожаръ, дѣло обычное въ недалекой Манчжуріи и Сибири. Значитъ, и здѣсь тоже самое! но вскорѣ я убѣдился, что это только солнце играетъ на голыхъ утесахъ, закатываясь за тучи.

Пароходъ все дышитъ и съ усильемъ спѣшитъ къ темному мысу, который выдвинулся далеко въ воздушный и водный просвѣтъ. Корявый утесистый берегъ, казалось, весь сосредоточился въ этомъ каменномъ выступѣ. Онъ горитъ, какъ рубинъ, въ лучахъ заходящаго солнца, которое, погружаясь въ воду, стало похоже на солнце японскаго флага. Мысъ оканчивается двумя выступами. Впереди одного изъ нихъ подымается изъ пучины вертикальный утесъ, похожій на вставшаго на дыбы медвѣдя. Волны пѣнятся и вздымаются у его основанія. На мысу виднѣется красный маякъ и небольшой храмъ.

Этотъ мысъ — это знаменитый „Камуй-санъ“, къ сѣверу отъ котораго недавно еще не смѣли плавать японскія женщины. О немъ и посейчасъ еще поютъ въ Хакодате пѣсни, и хакодатскія гейши изображаютъ въ сложной пляскѣ тоску жены, мужъ которой задержанъ рыбной ловлей за Камуи-саномъ.

«Разъ не могу быть вмѣстѣ съ тобою,
Подойду хоть немного поближе,

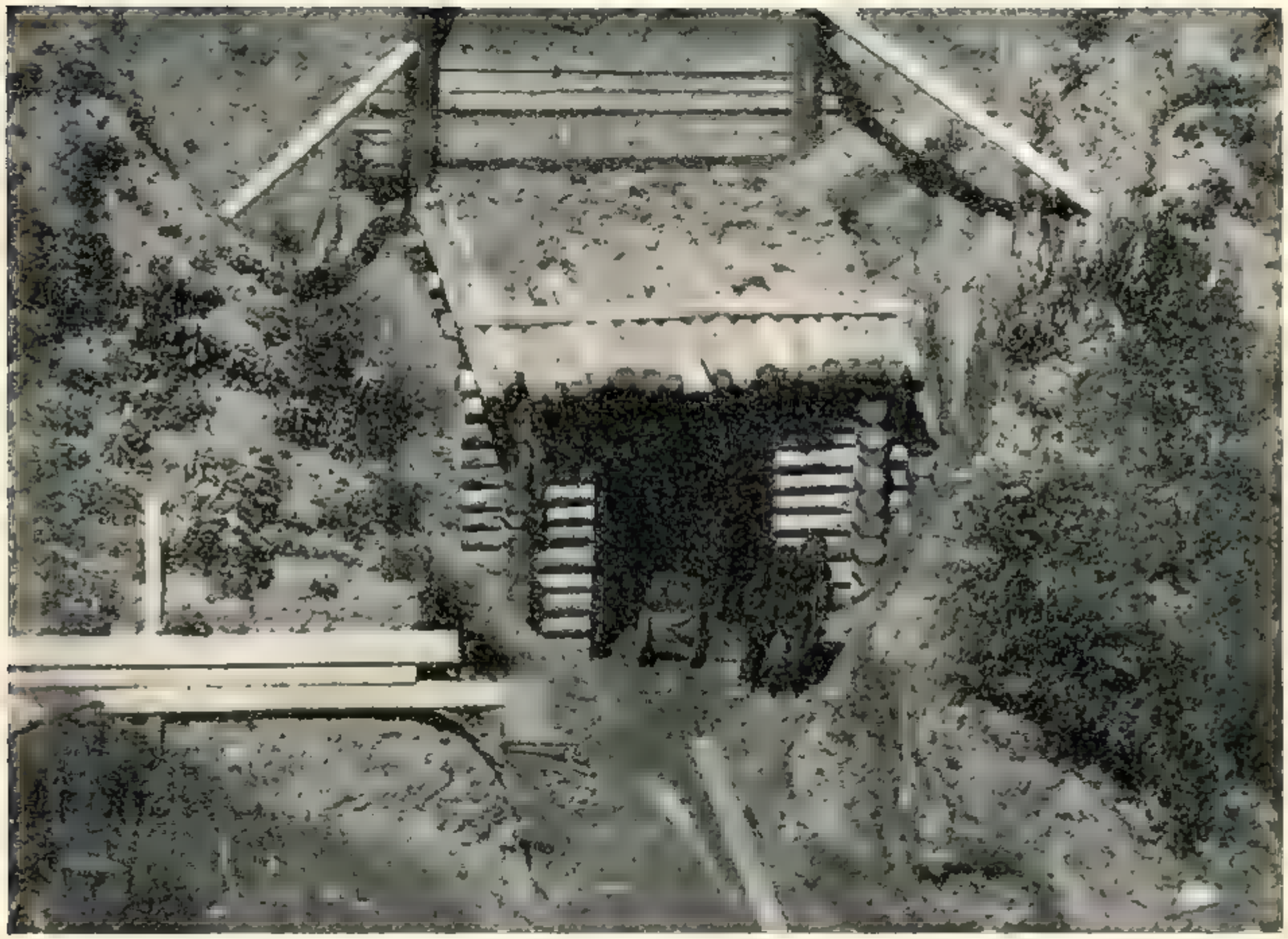
Стану у самой волны
У подножья Камуи-сана...»

Отсюда мы направились уже прямо въ открытое море. Вдали рыбачье судно мчится стремглавъ на всѣхъ парусахъ. Сѣрое сѣверное небо сливается впереди него съ сѣрой водой, и трудно различить, плыветъ ли это уходящій отъ земли корабль по водѣ или несется по воздуху, точно ложно-туманная картина. Плылъ онъ уже во мракѣ наступающей ночи, тогда какъ мы купались еще въ мѣдныхъ лучахъ заката. Чѣмъ то сказочнымъ вѣяло въ тотъ часъ вечерней тишины отъ непомѣрно выросшихъ, крѣпко вздутыхъ бѣлыхъ парусовъ. Такимъ являлся вѣрно морякамъ сказочный Воздушный Голландецъ,—конечно, до изобрѣтенія пароходовъ.

Вскорѣ и его и насъ покрылъ густой мракъ ночной...

На пароходѣ зажгли огни. Я заглянулъ въ однообразно гудящее машинное отдѣленіе.

Это былъ глубокій колодецъ, окруженный небольшими балкончиками, соединенными желѣзной лѣстницей безъ перилъ. На его днѣ блестѣли крышки цилиндровъ и холодильниковъ, а ниже, подъ рѣдкой рѣшеткой, стуча двигались шатуны и ворота вала. Полунагіе кочегары сидѣли на полу и, помавая повязанными бѣлыми платками головами, напѣвали унылыя народныя пѣсенки. Отъ времени до времени одинъ изъ нихъ открывалъ дверцу топки и бросалъ въ печь лопату мелко крошеннаго угля или кочергой разгребалъ равномѣрно огонь. Тогда красное зарево наполняло весь чугунный колодецъ машины, въ кровь окрашивая бронзовыя лица людей и стальные движущіеся поршни машинъ; наконецъ, въ видѣ огненнаго столба вырывалось оно наружу въ открытый люкъ.



Шахты.

На палубѣ не было никого, кромѣ рулевого и помощника капитана на командирскомъ мостикѣ. Изъ матросской каюты на носу доносился сдержанный смѣхъ, а у самаго выхода изъ нея два японца затѣяли игру въ карты. Карты были имъ подъ стать—крошечныя и изящныя. Въ каютъ-компаніи мои приказчики все читали, усѣвшись плотно кругомъ небольшого стола. Двое играли въ шахматы, отличающіеся отъ нашихъ только тѣмъ, что доска раздѣлена не на 64, а на 81 полей, да еще тѣмъ, что нѣкоторыя фигуры ходятъ нѣсколько иначе, и допускается ставить себѣ забранныхъ у партнера плѣнниковъ. Всѣ костяшки бѣлыя, косо срѣзанныя въ одну сторону и снабженныя надписями своихъ названій; разнятся же партнеры лишь тѣмъ, что ставятъ наклоны своихъ бирокъ въ противоположныя стороны.

Мое появленіе отвлекло вниманіе японцевъ отъ книгъ и игры, и мало-по-малу завязалась у насъ бесѣда о всякой всячинѣ, о старыхъ временахъ, о старыхъ обычаяхъ. Каждый изъ присутствующихъ объяснялся кое-какъ по-англійски, остальныя же затрудненія устранялъ знающій по-русски переводчикъ. Я тутъ же узналъ, что лучшіе клинки выдѣлываются въ Бизенъ, что старинный хорошій клинокъ стоитъ полторы и до двухъ тысячъ іенъ, что называли ихъ „котъ-моо“, и что теперь ихъ больше уже не выдѣлываютъ.

— Такую саблю мастеръ ковалъ лѣтъ десять, гордился ею и вкладывалъ въ нее всю свою душу... Теперь сабли другія, тяжелыя, неудобныя... Теперь нужно огнестрѣльное оружіе!—говорили мнѣ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ молодые японцы.

Эти разсужденія о стальныхъ сабляхъ, о знаменитыхъ фехтовальщикахъ, о ихъ способности и искусствѣ сильно напоминали мнѣ пана Гервазья, Мацька Розгу и другихъ героевъ нашего „Пана Тадеуша“.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ были сыновьями „самураевъ“—японскихъ дворянъ, носившихъ двѣ сабли: одну длинную на врага, другую короткую для себя, на случай, когда приходится умереть во избѣжаніе позора.

«Менѣе давитъ подчасъ десять тысячъ горъ,
Чѣмъ повелѣніе властелина!..
И за одинъ тоненькій волосокъ жизнь
Отдаешь въ расплату...»

поется въ старинной самурайской балладѣ. Молодые люди горячо защищали „харакири“.

— Есть событія, послѣ которыхъ нельзя жить!..

— Если бы вы, поляки, въ свое время рѣшили или побѣдить или сдѣлать „харакири“—всѣ, весь народъ — вы бы теперь не плавали... подъ чужимъ флагомъ!..— тонко замѣтилъ Хиросава, стройный, изящный контролеръ парохода.

Мы прекратили непріятный разговоръ, и юноши запѣли хоромъ извѣстную пѣсенку о японскомъ сердцѣ:

«Шики шима но
Ямато гокоро во,
Хито това бо,
Аса хини ніоо
Яма закура хана».

«Если ты спросишь тихонько
Про тайну японскаго сердца,
Укажу тебѣ нѣжныя грозди
Вишень, цвѣтущихъ въ солнечномъ блескѣ.
Онѣ ясны, воздушны, свободны—
Таково и японское сердце...»

Естественнымъ порядкомъ вещей разговоръ перешелъ на любовь, и молодые люди наперерывъ писали въ моей записной книжкѣ любовные стихи:

«Засыпаетъ ночь весенняя,
Но не спитъ моя любовь...
Вечеръ ведетъ за собою
Ночь спокойную и темную,—
Незамѣтно потухаетъ лампада,
А сердце все стремится къ тебѣ...
О какъ сладко звенитъ серебряное «канзати» въ твоихъ волосахъ,
Когда стукнетъ вдругъ на бѣгу твоя деревянная обувь...»

писалъ Хиросава.

— Эти стихи не мои, а знаменитаго поэта!—прибавилъ онъ скромно.

— Подожди, я тебѣ напишу получше... Тоже чужіе, но хорошіе!—сказалъ молодой самурай Такимура:

«На конѣ вспотѣвшемъ
И въ желѣзной бронѣ
Промчалась весна!
Когда я вернулся, лишь вѣтеръ холодный
Сдувалъ пыль съ лица...
А когда я пьяный виномъ напивался,
Не мудрецъ мнѣ снился,
А въ сонномъ видѣніи все ко мнѣ являлась
Тиха, лучезарна дѣва—красота...»

Разговоръ постепенно сосредоточился на Японіи. Когда я началъ хвалить красоту ихъ отечества, лица юношей выражали то радость и гордость, то болѣзненную тревогу.

— Да, пусть была бы лучше гадкая, такая... никуда негодная, замѣтилъ, наконецъ, одинъ.

— Вы, европейцы, только и дѣлаете, что всюду ходите и высматриваете!—добавилъ другой.

— И твое отечество вѣроятно было сладкое и красивое! -съ нѣжнымъ упрекомъ сказалъ Хиросава.

Довѣрчивое, свѣтлое настроеніе исчезло, разговоръ прекратился. Я оставилъ каюту, полную табачнаго дыма и ушелъ погулять на палубу.

Нашъ черный пароходикъ спѣшилъ напрямикъ къ туманному сѣверу, разсѣкая съ однообразнымъ шумомъ и мѣрнымъ дрожаніемъ черныя, тихія воды.

Въ каютѣ японцы пѣли тонкимъ дискантомъ:

«Кимига іоне чиіони-и-чиіоня
Сезаре иши но иваото нарите
Кокено мусумаде...»

«Да стоитъ домъ Твой, Владыко, вѣчно,
Пока малый камешекъ не вырастетъ
Въ большую, покрытую мохомъ скалу...»

На слѣдующее утро меня разбудилъ голосъ:

— Вставайте, вставайте. Виденъ нашъ Сѣверный Фуджіяма.

Я поспѣшно одѣлся и вышелъ на палубу.

Прямо съ моря поднимался величественный изумрудный конусъ вулкана съ бѣлыми пятнами снѣга на верхушкѣ и сѣрымъ селеніемъ у подошвы, у самой синей воды. Это былъ островъ Ршьри—послѣдній пилонъ Зеленой Японіи. Соя—конечный мысъ Хоккайдо (Ессо) чуть обозначился туманно вдали. Вскорѣ мы миновали и его, а такъ какъ вѣтеръ усилился и былъ попутный, то мы подняли паруса. Земля исчезла во мглѣ.

Темное море волновалось все сильнѣе, повѣяло такимъ холодомъ, что я принужденъ былъ одѣться въ

фланель и пальто. Судно сильно качалось и скользило по бурнымъ волнамъ до того быстро, ударяло дномъ и боками о пѣнистые гребни до того сильно, что брызги взлетали на палубу. Иногда водные бугры поднимались выше палубы, и тогда солнечный свѣтъ, просвѣчивая сквозь ихъ заостренныя верхушки, превращалъ подвижныя гряды волнъ въ расплавленный опалъ и изумрудъ.

Но посрединѣ Лаперузова пролива, гдѣ сталкиваются вѣтры и теченіе востока и запада, море до такой степени бурлило, и шумъ волнъ сталъ до того невыносимъ, что я уже не былъ въ состояніи въ достаточной степени оцѣнивать величіе зрѣлища и восхищаться имъ. Къ тому же необходимо было крѣпко держаться за перила и смотрѣть въ оба, чтобы вѣтеръ или волны не унесли самого или... шляпы. Во время прогулки мое вниманіе, сознаюсь, болѣе поглощало наблюденіе за качающейся подъ ногами палубой, чѣмъ игра моря. Въ довершеніе всего началъ моросить дождикъ и уже не переставалъ ни на минуту.

Мы плыли, окруженные сѣрымъ туманомъ. Единственное за это время развлеченіе доставила намъ стая дельфиновъ, которые, прыгая, кувыркаясь и обгоняя другъ друга, стремились почему-то непремѣнно опередить и пасъ. Подъ вечеръ обозначился на востокѣ дикій, однообразно обрывистый берегъ Сахалина.

Настала ночь темная, хоть выколи глазъ. Утихшее къ вечеру море плавно шумѣло подъ пеленой тумана.

Японцы снова стремились устроить музыкально-литературный вечеръ, но сердце мое уже билось безпокойно и жаждало одиночества. Я думалъ о предстоящей встрѣчѣ, ради которой я и предпринялъ это длин-

ное путешествіе. Долго ночью я стоялъ на носу корабля и смотрѣлъ въ блѣдные водовороты, клокочащіе подъ пароходнымъ килемъ. Тоска безграничная, какъ это ночное море, овладѣвала мною.

На слѣдующій день опять встало сѣрое утро, и сѣрый проснулся день; былъ дождь и туманъ. Но по временамъ сквозь облака просвѣчивало блѣдное солнце и бросало на стальныя волны красивые серебристые блестки. На востокѣ поднимался угрюмо все тотъ же скалистый и неприступный, точно крѣпостной валъ, берегъ Сахалина. Ни выемки въ немъ, ни бухты, ни малѣйшей пристани и нигдѣ ни слѣда жилья. Иногда чайка прилетала оттуда и молча кружилась надъ нашимъ пароходомъ; иногда вереница черныхъ утокъ проносилась низко надъ водой отъ моря къ острову. И больше ничего. Изсѣченное вѣтромъ и дождемъ море и берега, окутанные туманомъ да наше одинокое судно вотъ все подъ низко нависшимъ румянымъ небомъ. Опять къ ночи вѣтеръ и волны немного затихли, словно придавленные опустившеюся низко мглою. Только по временамъ отдѣльная брызга поднималась высоко и съ шумомъ окатывала корму парохода. Японцы рано легли спать, чтобы набрать силъ для работы, ожидающей ихъ съ приходомъ въ Александровскъ. Заснулъ наконецъ и я. Разбудила меня тишина и неподвижность судна. Мы уже не двигались, машина не шумѣла, не дышали котлы, но случалось и раньше, что мы останавливались въ туманъ въ открытомъ морѣ дрейфовать. Вдругъ до моего слуха долетѣлъ грохотъ отданнаго якоря. Я выглянулъ поспѣшно въ запотѣвшее окошко, но ничего не увидѣлъ; тогда я наскоро одѣлся и поспѣшилъ къ дверямъ. Недалеко сквозь сѣтку дождя темнѣлъ ска-

листый мысъ, впереди котораго поднимались другъ за другомъ три черные утеса,—подавшіеся впередъ, точно три молящихся монаха;—это и были извѣстные „Три Сахалинскіе брата“.

Сколько печальныхъ вопрошающихъ взглядовъ приняли вы, безжалостные камни, впервые послѣ родины... послѣ длиннаго морского переѣзда?!

За крутымъ мысомъ въ однообразно сѣромъ туманѣ, далеко на взморьѣ, среди бушующихъ волнъ торчала большая сѣрая постройка, обнесенная рѣшеткой, платформа на мощныхъ многочисленныхъ сваяхъ. Длинный помостъ соединялъ ее съ берегомъ, по которому вправо на откосъ поднимался деревянный водопроводъ на длинныхъ тонкихъ лѣсахъ, похожихъ на комариныя норки, налѣво неясно посвѣчивалъ сквозь мглу городокъ. Дождь все падалъ; я понялъ, что въ такую погоду пароходъ не скоро дождется казеннаго катера и разрѣшенія съѣхать пассажирамъ на берегъ, и я легъ опять одѣтый на кровать, но уснуть я, конечно, не могъ. Я считалъ прилежно всѣ склянки, бьющія на вахтѣ, и лихорадка мало по мало овладѣвала мною. Наконецъ, я услышалъ явственно характерное пыхтѣніе парового катера, и вслѣдъ за тѣмъ раздались звуки русской рѣчи. Я бросился порывисто къ дверямъ, на палубѣ стояли два человѣка въ форменныхъ фуражкахъ съ кокардами.

— Скажите, пожалуйста, здѣсь ли еще Адамъ С.?

— Да, онъ еще здѣсь, вы, безъ сомнѣнія, его братъ; я докторъ С.!— назвалъ себя одинъ изъ нихъ.

— Полицеймейстеръ Т.!—сказалъ другой, протягивая мнѣ руку.

— Васъ ждутъ здѣсь съ нетерпѣніемъ.

— Вы, господа, возьмете меня съ собою?

— Съ удовольствіемъ, но прежде мы должны исполнить формальности по отношенію къ японцамъ.

Докторъ разсматривалъ внимательно корабельныя бумаги, полицеймейстеръ поглядывалъ на палубу и тюки товаровъ.

Четверть часа спустя я сидѣлъ уже въ катерѣ. Пыхтя и прыгая невѣроятно, помчался онъ съ волны на волну, между тѣмъ какъ спутники разспрашивали меня про новости русскія и заграничныя. Не знаю, что я имъ отвѣчалъ, но, кажется, многаго отъ меня не узнали. Съ пристани докторъ извѣстилъ по телефону брата о моемъ пріѣздѣ. Полицеймейстеръ пока любезно предложилъ мнѣ временно остановиться у него. Мы вышли за рѣшетчатыя ворота пристани, у которыхъ стоялъ стражникъ въ мундирѣ, и первымъ зрѣлищемъ, на которомъ остановились мои глаза, была толпа бритыхъ каторжниковъ въ цѣпяхъ. Они катили по рельсамъ вагонъ, нагруженный лѣсомъ; закованныя ихъ ноги глубоко вязли въ грязи. Кругомъ стоялъ конвой съ заряженными ружьями и примкнутыми штыками. Каторжники угрюмо, изподлобья смотрѣли на меня, стараясь, вѣроятно, угадать по вѣжливости полицеймейстера, по лицу доктора, что я имъ несу: новыя-ли страданія или возможность новыхъ преступленій. Въ квартирѣ новаго полицеймейстера я нашелъ все, что мнѣ было нужно для моего туалета, но не успѣлъ еще переодѣться, какъ братъ и сестра стояли передо мною. Брата я видѣлъ въ послѣдній разъ черезъ окошечко повозки, которая увозила меня, казалось, далеко и навсегда. Онъ бѣжалъ, спотыкаясь и запыхавшись по улицѣ, пока, наконецъ, мы

Островъ Сахалинъ. Заковываніе арестантовъ.

не завернули за уголъ, и онъ надолго исчезъ изъ моихъ глазъ. Съ сестрой мы не видѣлись съ дѣтства. Буря разбросала насъ въ разные концы міра...

— Бѣдные, бѣдные!—повторялъ я, обнимая ихъ.

— Молчи!

Полицеймейстеръ смотрѣлъ на насъ съ сочувствіемъ и любопытствомъ.

Охота за китами у береговъ Кореи.

Янтарный разсвѣтъ уже озарилъ заливъ, круглый и тихій, какъ озеро. Но звѣзды еще не померкли: на югѣ все еще горѣлъ величественный Оріонъ, на сѣверѣ Большая Медвѣдица хвостомъ почти касалась моря, а Венера, розовая отъ лучей приближающейся зари, сіяла, какъ рубинъ, на блѣдномъ горизонтѣ.

Мы покинули громадный пароходъ, представлявшій собой большую кухню для варки китовъ и переѣхали на паровомъ катерѣ на собственно-китоловное судно. Оно было норвежскаго издѣлія, имѣло длины 96 футовъ, при ширинѣ въ 18 всего футовъ, и обладало большой крѣпостью и поворотливостью. Скорость его не особенно большая, всего 11 узловъ въ часъ, но для судовъ этого рода не столько важна скорость, сколько сила и исправность паровой машины, работающей съ измѣнчивой скоростью, часто останавливаемой и поворачиваемой въ задній ходъ.

Часъ спустя послѣ выхода изъ гавани, мы были уже въ открытомъ морѣ и плыли къ востоку, гдѣ изъ блѣдно-голубыхъ волнъ въ золотомъ сіяніи медленно поднимался край восходящаго солнца. Еще мгновеніе, и громадный красный шаръ, какъ-бы подбитый снизу, быстро взлетѣлъ выше горизонта, вспыхнулъ ярко и бросилъ струю золотыхъ искръ на величественно колыхающіяся волны.

Кругомъ носились бѣлыя чайки съ остроконечными крыльями. Къ оставленнымъ нами берегамъ высоко и плавно летѣла черная морская ворона съ тонкимъ клювомъ.

Направо отъ насъ, въ нѣсколькихъ миляхъ плылъ другой китобой, принадлежащій той-же компаніи; на горизонтѣ бѣлѣли легкія облачка дыма японскихъ китолововъ, продрейфовавшихъ ночь въ открытомъ морѣ и раньше насъ начавшихъ охоту.

Скоро мы очутились на томъ мѣстѣ, гдѣ вчера былъ нами пойманъ большой полосатый китъ.

— Струя,—спокойно проговорилъ боцманъ, толстый, неуклюжій, балтійскій латышъ.

— Гдѣ?

Покамѣстъ мы разыскивали струю въ подзорную трубу, китъ исчезъ; невооруженнымъ же глазомъ никто изъ насъ не могъ помѣряться съ зоркимъ морякомъ.

Пароходъ убавилъ ходъ. Стая утокъ поднялась съ волнъ и рядышкомъ направилась къ гористому берегу Кореи, дремлющей въ розовой мглѣ. Вспорхнула стая мелкихъ птичекъ, по которымъ китоловы узнаютъ пастбища китовъ. Какъ всегда бываетъ въ экваторельныхъ широтахъ, солнце быстро поднималось надъ горизонтомъ, и его лучи все ярче золотили волны. Дозорный матросъ проворно поднялся на мачту „въ воронье гнѣздо“, стрѣлокъ подошелъ къ стоящей на носу корабля, заряженной гарпуномъ пушкѣ и облокотился на ней.

Мы круто измѣнили направленіе, и вѣтеръ дулъ намъ сбоку.

— Полный! — командуетъ рулевой машинисту въ рупоръ.

Судно начинаетъ содрогаться, словно въ припадкѣ лихорадки. Волны качаютъ имъ сильно, заливая палубу пѣной. Мы мчимся наискось имъ къ замѣченнымъ вдали китамъ.

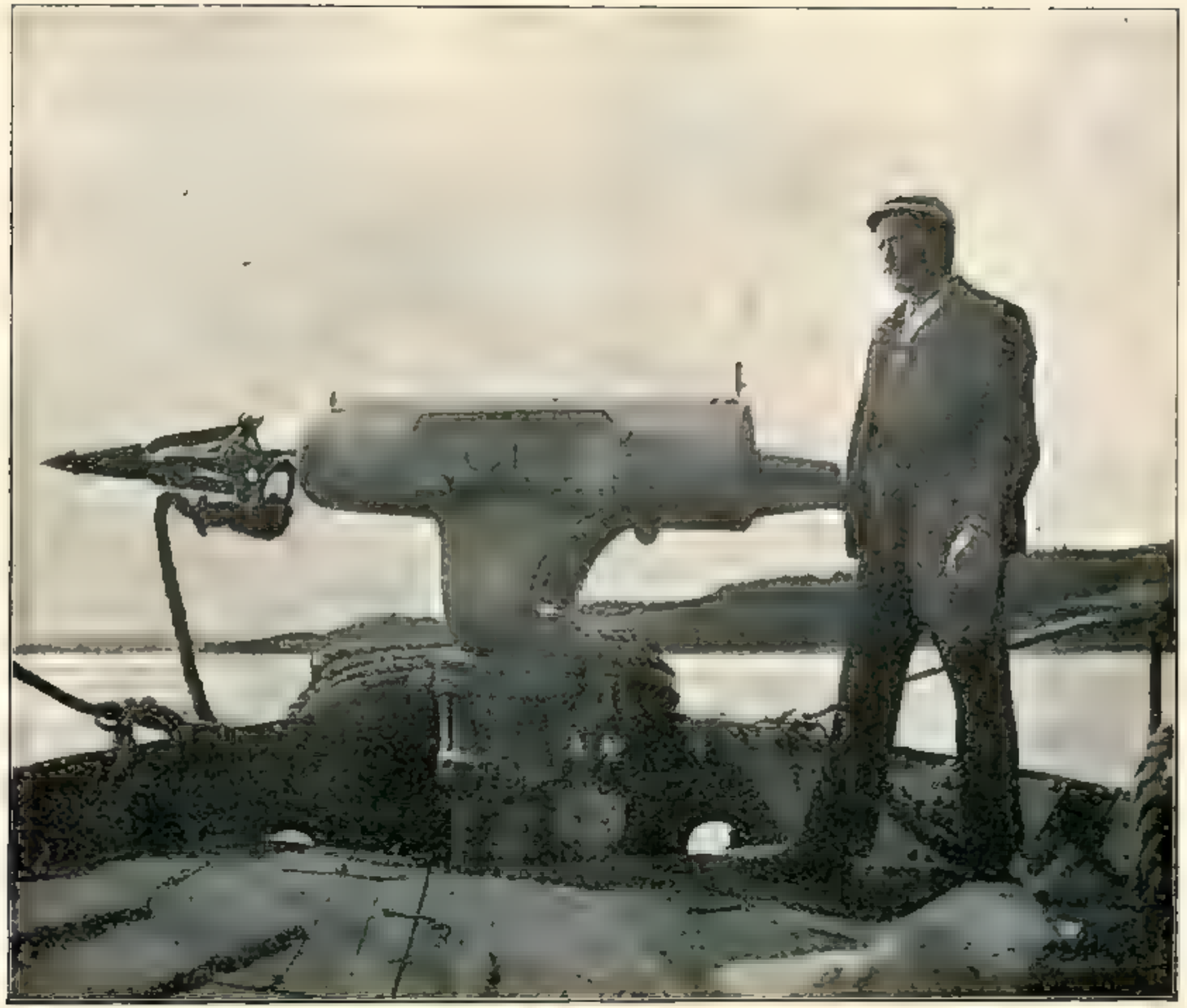
Изъ катящихся сердито буруновъ опять брызнула струя, похожая въ необъятномъ просторѣ океана на облако бѣлой пыли или пара. Въ этотъ разъ она совсѣмъ близко. Вдругъ громадная волна заливаетъ носъ парохода, окатываетъ стрѣлка, пушку и смываетъ съ пушечнаго щита свернутый въ бухту канатъ гарпуна. Вызванные матросы бѣгутъ среди струй воды и пѣны по сильно колышущейся палубѣ и приводятъ въ порядокъ канатъ. Стрѣлокъ небрежно отряхиваетъ воду со своей шерстяной куртки и шапки.

— Экая волна! — говоритъ съ досадой боцманъ, трудно будетъ сегодня стрѣлять.

Плывемъ, не измѣняя направленія, поднимаемся съ гребня на гребень, преслѣдуемъ струю, удаляющуюся отъ насъ все дальше и дальше. Вотъ она совсѣмъ исчезла, не видно ея нигдѣ. Всѣ мы съ напряженіемъ всматриваемся въ синій горизонтъ, колыхающійся, точно брошенная по вѣтру ткань. Вездѣ бѣлѣютъ гребни волнъ. Вѣтеръ срываетъ сѣдую пѣну и взметаетъ ее высоко на воздухъ въ видѣ столбовъ бѣло-молочной пыли. Нетрудно ошибиться и принять эту пыль за фонтаны китовъ.

— Не будетъ сегодня толку, —ворчитъ боцманъ.

Киты гдѣ-то попрятались, не видно ихъ больше. Машина еле движется. Пароходъ съ высунутымъ впередъ остріемъ гарпуны кружится, словно орелъ въ облакахъ, ныряетъ среди разбушевавшихся волнъ. Минуты проходятъ долго, какъ часы.



Заряженная гарпуномъ китоловная пушка.

— Берегись, направо!—раздается голосъ съ „вороньяго гнѣзда.“

— Сзади, близко!—повторяетъ громче тотъ же голосъ.

Рулевой почти прилегъ на палубѣ, поворачивая судно подъ ударами волнъ. Вѣтеръ гудитъ, пѣна хлещетъ выше бортовъ. Пароходъ, точно волчекъ, поворачивается на мѣстѣ.

— Полнѣй!—гремитъ команда машинисту.

Пароходъ весь дрожитъ отъ напряженнаго бѣга.

. . . . . .

Мы безпокойно слѣдимъ за движеніемъ трехъ громадныхъ млекопитающихся, поочередно выплывающихъ на поверхность и бросающихъ высоко свои могучіе фонтаны.

Ихъ коричневыя спины блестятъ на солнцѣ, сливаясь съ изгибами волнъ.

На дно! говоритъ кисло капитанъ, когда громадныя тѣла, очертивъ въ воздухѣ дугу, мелькнули раздвоенными хвостами въ воздухѣ и исчезли въ пучинѣ.

— Еще одинъ будетъ! предостерегаетъ боцманъ.— Нильсонъ, смотри!—обращается онъ къ стрѣлку.

Тотъ давно уже насторожился, ногой отстегнулъ застежку пушки и правой рукой схватилъ ея деревянную рукоятку. Громадный столбъ распыленной воды поднялся вдругъ передъ самымъ носомъ парохода, и сейчасъ-же всплыла темная, блестящая спина кита, величиной въ маленькую песчаную отмель.

Стрѣлокъ наклонился надъ пушкой и ждалъ. Китъ, по его мнѣнію, находился слишкомъ далеко. Стрѣлять слѣдуетъ не дальше 20 саженей. Еще нѣсколько сильныхъ поворотовъ винта, и судно догонитъ кита. Но животное замѣтило насъ и нырнуло съ фырканіемъ, похожимъ на шумъ катящейся волны.

— Стопъ машина!—вскричалъ сердито боцманъ.

— Пожалуйте, господа, въ каюту завтракать. У насъ теперь много времени. Онъ нескоро вынырнетъ!—приглашалъ насъ любезно капитанъ.

Послѣ завтрака продолжается тоже самое. Пароходъ кружится по бушующимъ волнамъ; пѣна и вода заливаютъ его носъ и палубу. Вѣтеръ бьетъ въ борты. Боцманъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы въ этомъ головокружительномъ хаосѣ не потерять курсъ и плыть за китомъ. На горизонтѣ видно ихъ много; тамъ и сямъ поднимаются ихъ бѣлые фонтаны, словно небольшіе бѣлые гейзеры. Признано, что лучше всего преслѣдовать постоянно одно и то же стадо. Кормчій боцманъ зорко слѣдитъ за животными, играющими среди взволнованнаго моря. По временамъ они исчезаютъ, тогда пароходъ убавляетъ ходъ и, описывая дугу, высматриваетъ гдѣ они появятся снова. Иногда кормчій угадываетъ подводное движеніе китовъ по направленію ихъ погружающихся спинъ, по порядку, въ которомъ они плывутъ другъ за другомъ или по тому, какъ они выбрасываютъ воду. Тогда судно мчится стремглавъ къ предполагаемому мѣсту появленія добычи. Но киты способны развивать громадную скорость, къ тому же они въ состояніи оставаться подъ водой даже полчаса, въ теченіе котораго они дѣлаютъ 10 морскихъ миль (17½ верстъ). Наконецъ, они часто измѣняютъ направленіе уже подъ водой. Отсюда происходитъ, что киты часто являются совсѣмъ не тамъ, гдѣ предполагаютъ самые опытные боцмана.

— Сегодня особенно трудно слѣдить за ними, ихъ спины положительно сливаются съ волнами!—оправдывался нашъ боцманъ.

Вѣтеръ крѣпчалъ, сталъ порывистъ и измѣнчивъ.

На небѣ показались пушистыя облака и образовали красивый туманный вѣеръ со спирально загнутыми концами.

— Будетъ тайфуна. Послѣзавтра, а то и завтра будетъ потѣха!—заявилъ капитанъ.

—'Успѣемъ-ли мы еще сегодня поймать что-нибудь?—спросилъ я неосторожно.

Капитанъ молча отвернулся.

— Моряковъ никогда не слѣдуетъ о томъ спрашивать,—предупредилъ меня мой любезный товарищъ.

Крупныя, тяжелыя волны все крѣпче били въ бока парохода, который вдругъ потерялъ свою быстроту и поворотливость. Соленая, водяная пыль, подхваченная вѣтромъ, взлетала даже на капитанскій мостикъ. Моя шапка, пальто и записная книжка покрылись густою росою, вѣтеръ не допускалъ выглянуть изъ-за парусинной падставки мостика, ослѣпляя и больно поражая глаза. Большой шумъ и движеніе въ концѣ концовъ слегка укачали меня. Мои товарищи, старые опытные моряки, только подсмѣивались надо мной. Я сошелъ въ каюту прплечь немного на диванъ. Спокойствіе и теплая шапка на головѣ пока самыя лучшія средства противъ морской болѣзни. Разбитый и утомленный, я пробовалъ вздремнуть. Прошлую ночь мнѣ не пришлось совсѣмъ спать; я всю ее провелъ за работой надъ фотографическими негативами, снятыми въ прошлую охоту. Несмотря однако на усталость, я спать не могъ: кругомъ все звенѣло и летало, какая-то форточка стучала поминутно, а изъ рупора надъ капитанской кроватью доносилось грустное однообразное пѣніе кочегаровъ, да отрывистая команда: — Полный!.. Стопъ!.. Тихій!..

Вскорѣ капитанъ и его гости спустились всѣ въ столовую и принялись закусывать съ приборовъ, прикрѣпленныхъ къ столу крючками.

Не успѣли, впрочемъ, мы поѣсть даже супу, какъ вдругъ пронзительный свистокъ вызвалъ всѣхъ на палубу.

— Китъ на виду!—грубо сказалъ боцманъ, и въ тотъ же мигъ море съ грохотомъ раскрылось, взлетѣлъ совсѣмъ близко могучій столбъ воды, и коричневая спина великана показалась въ водоворотѣ волнъ. Китъ, величиною въ изрядный утесъ, плылъ къ намъ наискось. Стрѣлокъ наклонился надъ пушкой и сталъ наводить на кита остріе гарпуна. Чудовище медленно описывало на водѣ дугу, направляясь вглубь. Вотъ мелькнули плавники громаднаго хвоста.

— Опоздалъ, болванъ!—пробурчалъ боцманъ. Одновременно загремѣлъ выстрѣлъ, и черная молнія каната развернулась надъ сіяющею поверхностью моря. Пороховой дымъ на мгновеніе закрылъ и зарядъ и его жертву. Стрѣлокъ вопросительно поднялъ вверхъ глаза.

— Въ воду!—отрывисто отвѣтилъ ему изъ „вороньяго гнѣзда“ дозорный.

Смущенный Нильсонъ засунулъ руки въ карманы и отошелъ немного въ сторону, но затѣмъ опомнился и поспѣшно вернулся къ своей пушкѣ. Матросы съ боцманомъ во главѣ уже бѣжали, чтобы поднять гарпунъ и снова зарядить орудіе.

— Осторожно, скоты!.. глаза мнѣ вышибете!—кричалъ сердито боцманъ на матросовъ, подбирающихъ гарпунъ.

— Зарядъ не взорвало въ гранатѣ у гарпуна, осторожно!—добавилъ капитанъ.

Захлестнули петлю на опасную гранату и потащили

опасливо вверхъ. Это было большое, чугунное, грушевидное остріе, содержащее два фунта пороху и динамитный пистонъ, соединенный проволокой съ крыльями гарпуна. Когда крылья эти, попавши въ кита, раздвинутся, дернутыя раненымъ животнымъ, проволока взрываетъ пистонъ, и зарядъ лопается во внутренностяхъ великана.

Волны заливали работающихъ матросовъ; тѣмъ не менѣе они зарядили пушку, сбухтовали канатъ, и моментъ спустя мы опять принялись прилежно разыскивать новую жертву въ морской пучинѣ. Испуганные гиганты скрылись. Мы долго кружились, пока снова замѣтили на горизонтѣ вспышки фонтановъ.

Въ погонѣ за ними прошла вторая половина дня. Солнце стало опускаться все ниже, и до заката осталось не болѣе часа. Люди, потерявшіе пылъ вслѣдствіе неудачъ, работали вяло. Стрѣлокъ, хотя и не отходилъ отъ оружія, но засунулъ руки въ карманъ и глядѣлъ небрежно куда-то въ сторону.

Только боцманъ съ неизмѣнившимся рвеніемъ крутилъ колесо руля, покрикивая въ трубу:

— Полный!.. Тихій!.. Стопъ!.. Назадъ!

Зато киты словно почуяли, что мы для нихъ менѣе опасны, допускали все ближе и все продолжительнѣе оставались на темнѣющей поверхности океана. Круглые диски ихъ спинъ казались еще больше въ косыхъ лучахъ заходящаго солнца. Особенно дерзко вела себя тройка коричневыхъ гигантовъ. Наконецъ, они вынырнули сбоку судна, столь близко, что плескъ ихъ фонтановъ и шумъ дыханія вдругъ всполошилъ и раззадорилъ весь нашъ экипажъ. Это и погубило смѣльчаковъ.

Охотничья лихорадка опять овладѣла нами, и началась бѣшеная погоня. Киты, ободренные быстро на-

ступающими сумерками, нѣкоторое время просто насмѣхались надъ нами.

Возможно, впрочемъ, что они принимали корпусъ нашего парохода за одного изъ своихъ товарищей, а шумъ нашей машины за его сопѣніе. Какъ бы то ни было, но рулевому удалось нѣсколько разъ настигнуть ихъ и пересѣчь имъ путь. Стрѣлокъ ни на мгновеніе не выпускалъ изъ рукъ рукоятку пушки.

Къ сожалѣнію, солнце коснулось уже горизонта, и быстро стала наступать ночь.

Наконецъ грянулъ выстрѣлъ.

— Ура, попалъ!

Ура, ура!..

Носъ корабля сильно накренился, прижатый въ водѣ. Канатъ неимовѣрно быстро, съ истинно „змѣинымъ“ шипѣніемъ скользилъ съ металлическаго барабана и уходилъ въ зеленую пучину.

Тамъ бился раненый великанъ. Всѣ столпились на носу и всматривались въ движущійся и дрожащій, точно тонкая нитка, канатъ. Хотя пароходъ шелъ заднимъ ходомъ, тѣмъ не менѣе онъ подвигался впередъ со скоростью 6 узловъ (11½ верстъ), увлекаемый раненымъ чудовищемъ.

— Уже взялъ 120 саженей!—замѣтилъ капитанъ.

— Затормозите немного канатъ!—приказалъ стрѣлокъ, попробовавшій ногой напряженіе каната.

И канатъ сталъ развертываться медленнѣе, но вскорѣ оказалась необходимость снова отпустить его, потому что толчки, идущіе со дна были еще слишкомъ сильны и грозили разрывомъ каната или поврежденіемъ судна. Наконецъ, послѣ продолжительнаго бѣга напряженіе каната ослабѣло и онъ самъ принялъ болѣе горизонтальное положеніе.

— Сейчасъ китъ всплыветъ!

Въ самомъ дѣлѣ, не прошло и пяти минутъ, какъ на разстояніи ¼ версты впереди насъ всколыхнулись волны, поднялся столбъ воды, окрашенный кровью, и затѣмъ появилась коричневая спина съ воткнутымъ въ нее желѣзомъ. Шлюпка съ двумя веселыциками уже плыла къ добычѣ. Посерединѣ ея стоялъ боцманъ съ длиннымъ копьемъ на плечѣ. Китъ замѣтилъ шлюпку и нырнулъ, но, обезсиленный раной, онъ скоро опять появился на поверхности, взмстая воду и кровь ударами хвоста. Море кругомъ окрасилось въ алый цвѣтъ. Шлюпка мигомъ припала къ умирающему великану, и длинное копье боцмана погрузилось въ его туловище, разыскивая сердце. Громадное, но смиренное животное бѣшено кидалось, избѣгая непопятной ему ужасной боли, открывало безсильно пасть и выбрасывало столбы воды. Очевидно, оно не понимало, гдѣ искать врага и что дѣлать, чтобы освободиться отъ него. Вѣдь достаточно было слабаго удара его хвоста, чтобы разбить и потопить шлюпку. Лодка прыгала кругомъ него, точно крошечный листочекъ, но не уходила, а ужасное, холодное жало копья то и дѣло погружалось во внутренность жертвы. Точно также терзаютъ кита иногда стаи акулъ-касатокъ, но отъ нихъ онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, уйти, даже оставивши имъ въ пасти кусокъ вырваннаго сала или перо плавника. Отъ этихъ же двуногихъ, новыхъ враговъ бѣдный великанъ тщетно пытался уйти; что-то держало его крѣпко, причиняя нестерпимую боль. Онъ предпочиталъ этой боли даже уколы копья, хотя чувствовалъ ихъ уже въ области сердца. Наконецъ, желѣзо попало въ самое сердце. Царь морей всталъ на дыбы и съ грохотомъ повалился въ

водоворотъ. Шлюпка быстро ушла отъ него обратно къ проходу.

Солнце погасло; свѣтлая заря чуть золотила поверхность разыгранныхъ волнъ, на которыхъ спокойно плавало теперь громадное продолговатое тѣло кита, сверкая бѣлымъ животомъ и остроконечными плавниками, величиною съ уши мамонта.

На палубѣ быстро и ворчливо вращалея канатный барабанъ, подтягивая добычу къ борту. Нужно торопиться, такъ какъ убитый китъ иногда тонетъ и погибаетъ для охотниковъ безвозвратно. Къ тому-же, волны въ непогоду при малѣйшей неловкости могутъ оборвать канатъ или ослабить гарпунъ, и тогда добыча тоже ускользаетъ изъ рукъ.

— Китъ только тогда нашъ, когда онъ въ котлѣ!— объяснилъ намъ капитанъ.—Даже подвязанный къ судну, онъ иногда срывается во время бури и идетъ ко дну.

— Вѣсъ кита равенъ вѣсу цѣлаго стада быковъ: 76.000 фунтовъ жира, да мяса и 10.000 фунтовъ костей. Это, господа, цѣлое имущество. Зимой, когда китовину можно доставить въ Японію въ свѣжемъ видѣ, мы выручаемъ изъ одного кита 2.000 руб. Лѣтомъ, когда необходимо перерабатывать китовъ, главнымъ образомъ, въ ворвань, вся выручка едва достигаетъ 1.200 руб. Въ такомъ случаѣ мясо и кости мы сушимъ и перемалываемъ на удобреніе. Это тоже недурно, но, конечно, не подлежитъ сравненію съ продажей свѣжей или соленой китовины. Свѣжее мясо мы сбываемъ японцамъ въ Нагасаки, какъ говядину, по 10—12 к. за фунтъ. Мы укладываемъ китовину небольшими кусками продажной величины въ корзинахъ и оставляемъ на открытомъ воздухѣ на палубѣ. Зимою дуютъ холодные вѣтра, и, въ теченіе двухъ

Японія. Окрестности храма Міяджима.

дней перехода въ Японію, мясо не подвергается порчѣ. Китовое мясо по вкусу похоже на свиное. На японскихъ рынкахъ оно раскупается на расхватъ. Дѣло было-бы очень выгодно, еслибъ всегда можно было угадать, гдѣ эти подлецы вынырнутъ. Между тѣмъ случается, что послѣ нѣсколькихъ дней охоты удается поймать едва одну штуку, а вѣдь издержки на содержаніе парохода, экипажа, а также обслуга плавающаго завода обходятся въ 1.000 слишкомъ рублей ежедневно!

— Случается иногда, наши китобои поймаютъ въ одинъ день трехъ или даже четырехъ китовъ или убьютъ одного синяго кита, который одинъ равняется четыремъ обыкновеннымъ китамъ и даетъ товару на 4.000 руб., но случаи эти рѣдки. Обыкновенно, можно разсчитывать ежедневно на одну-двѣ штуки средней величины не болѣе. Здѣшніе киты гораздо меньше сѣверныхъ, стоимость которыхъ достигаетъ 20.000 руб., но зато здѣшнихъ можно ловить непрерывно въ продолженіе всего года, съ незначительными промежутками лишь въ штормы или снѣжныя мятели...—разсказывалъ намъ баронъ К., одинъ изъ руководителей китоловной компаніи.

— Да развѣ здѣсь бываютъ снѣжныя мятели?

— О, сколько угодно. Зимой холода здѣсь не хуже сибирскихъ. Канаты до того сильно промерзаютъ, что не сползаютъ съ барабана. Ледяныя брызги захлестываютъ пароходъ и людей не хуже, какъ сегодня. Но что прикажете дѣлать? Тяжело, зато зимняя добыча цѣннѣе, такъ какъ выручка за нее больше.

Пока мы разговаривали, кита притащили къ пароходу и подвязали его цѣпями за хвостъ къ пароходному посу. Судно сильно накренилось подъ тяжестью добычи, и мы двинулись впередъ, по почернѣвшимъ шумящимъ волнамъ, къ исчезнувшему во мракѣ берегу.

Какимъ чудомъ капитанъ сумѣлъ найти дорогу среди ночи между подводными скалами и опасными островами, — это осталось для меня навсегда тайной. Тутъ вопросы рѣшались инстинктомъ природнаго моряка.

Стоя на капитанской площадкѣ, я всматривался въ клокочущія волны, которыя опять принялись бѣшено на насъ наступать, точно мстя за отнятое у нихъ дитя. Бѣлая туша этого дитяти была въ сущности до того громадной, что, поставленная отвѣсно на хвостъ, она безъ труда могла-бы заглянуть въ окно третьяго этажа столичнаго дома. Нашъ пароходъ походилъ на муравья работника, влекущаго равной ему величины червяка. Пароходная труба тяжело дышала, борясь съ вѣтромъ, волнами и тяжестью груза. Мы подвигались впередъ тихо и, ради сокращенія времени, бесѣдовали о китахъ.

Оказалось, что о жизни китовъ извѣстно очень мало. Вѣрно только, что питаются они исключительно моллюсками и представляютъ собой отличный аппаратъ для переработки этихъ мелкихъ созданій на цѣнные для человѣка жиръ, мясо и китовый усъ. Китовый усъ—это собственно фильтровочный приборъ въ видѣ щетки, находящійся въ пасти животнаго, черезъ который китъ пропускаетъ захваченную имъ воду, стиснувъ челюсти, и процѣживаетъ такимъ образомъ пойманные съ водой моллюски. Киты вовсе не выбрасываютъ воды ноздрями, какъ это думали раньше, и китовые фонтаны образуются вслѣдствіе выдыханія животными сжатаго воздуха, который подбиваетъ верхній слой воды иногда на 15 саженей вверхъ.

Громадное, смиренное млекопитающееся, преслѣдуемое людьми и акулами, совершенно беззащитно. Оно съ

трудомъ глотаетъ селедку и неспособно поймать что-либо, исключая моллюсковъ, чрезвычайно обильныхъ у Корейскихъ береговъ, а также далѣе къ сѣверу и на востокъ отъ Азіи. Неопредѣленность сроковъ беременности самокъ и ихъ родовъ, а также незнаніе китоловныхъ мѣстъ и слабое изученіе нравовъ и потребностей этихъ животныхъ мѣшаютъ пока установленію малѣйшихъ ограниченій варварской за ними охоты. Китоловы безъ видимой для себя пользы избиваютъ беременныхъ матокъ. Мнѣ самому довелось видѣть убитыхъ самокъ съ молокомъ въ грудяхъ или просто съ зародышами внутри.

Китъ животное очень чистоплотное, обладаетъ чистой, тонкой, нѣжной кожей безъ слѣдовъ грязи. Тѣло его представляетъ веретенообразный цилиндръ, законченный тонкимъ могучимъ хвостомъ.

Сознаюсь, что мнѣ было жалко этихъ крупныхъ молчаливыхъ созданій, вскормленныхъ грудью на подобіе насъ. Я предпочиталъ-бы, чтобы со временемъ человѣкъ не истреблялъ ихъ, но мирно пасъ на лазурныхъ водяныхъ лугахъ и пользовался ихъ молокомъ точно такъ, какъ пользуются молокомъ сухопутныхъ стадъ [1]).

Прошло больше двухъ часовъ, пока полоса гористаго берега зачернѣла на горизонтѣ. Но подробностей его нельзя было различить, потому что звѣзды скрылись въ тучахъ, и только блескъ фосфоризирующихъ волнъ не-

---

[1]) Всѣ китобойныя суда и пароходъ-заводъ, принадлежавшіе названному въ очеркѣ обществу, захвачены въ настоящее время въ качествѣ военной добычи японцами.

Спасся только одинъ китобой „Георгій“, который и находится теперь въ Шанхаѣ.

много разсѣвалъ ночную тьму. Этотъ страшный блескъ не давалъ намъ, впрочемъ, никакихъ указаній, гдѣ мы находимся.

Къ счастью, въ гавани насъ ждали, и лучи электрическаго рефлектора уже мерцали въ воздухѣ, точно крылья лучезарной мельницы, то стрѣляя высоко вверхъ, то ползая по морю... Въ полосахъ его таинственнаго, синеватаго свѣта выплывали вдругъ то отдаленные утесы, покрытые тощими кустарниками, то клокочущія пѣнистыя волны пролива, то тучи, нависшія надъ нимъ.

Маленькая красная звѣздочка рыбачьяго огонька проплыла мимо насъ, и вѣтеръ принесъ оттуда грустный напѣвъ корейскихъ рыбаковъ, захваченныхъ бурей и только теперь возвращающихся домой.

Уголокъ Японіи.

«Лесть пріятна, но истина
много лучше»...

19-го сентября 1903 г.

Да, не сладко намъ жилось въ Хоккайдо! Японцы считали нашу экспедицію за военную развѣдку, относились къ намъ враждебно и въ концѣ-концовъ заставили преждевременно прекратить работы.

Но... человѣку ненавистно выраженіе *никогда!*

Когда пароходъ тронулся и прелестная хакодатская бухта стала блѣднѣть и скрываться за изгибами береговыхъ скалъ, сердце дрогнуло у меня. Съ ненасытной алчностью сталъ я глотать въ послѣдній разъ видъ этихъ несравненныхъ блѣднозеленыхъ, высокихъ береговъ, свободной, широкой дугой раскинувшихся на лазури неба и воды.

Сколько разъ я созерцалъ ихъ и всегда безъ скуки!

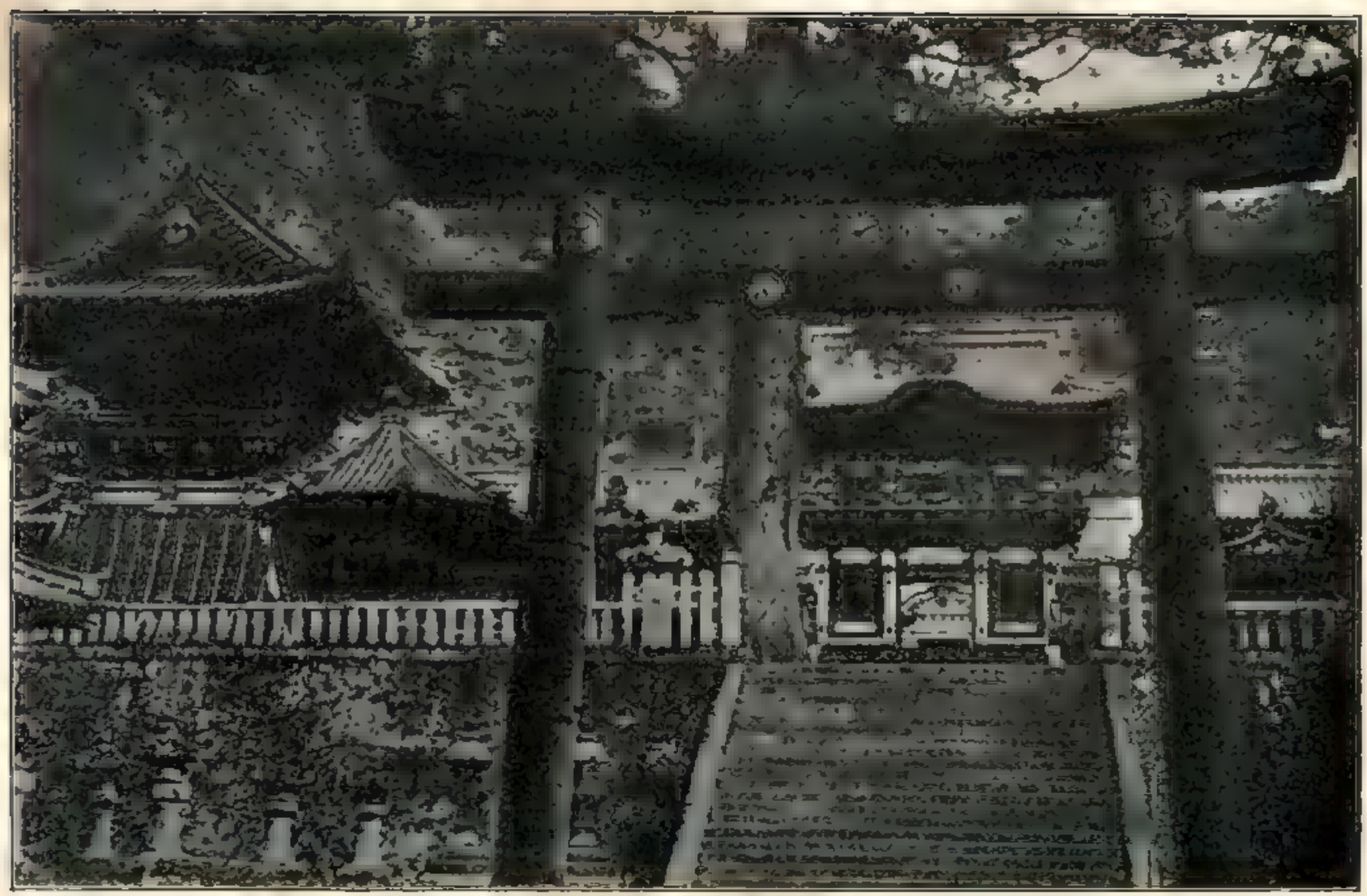
Городъ, разсыпанный по откосу скалы „Лежачаго Быка“, быстро между тѣмъ таялъ. Маленькіе японскіе домики уже казались не больше ласточкиныхъ гнѣздъ; сѣрыя ихъ кровли походили на игральныя карты, разбросанныя среди кудрявой зелени садовъ; красные и желтые флаги, развѣвавшіеся тамъ и сямъ на высокихъ шестахъ, походили на пестрыхъ бабочекъ... Лиловая дымка разстоянія все густѣла и сглаживала все. Спасти

и мачты стоящихъ у подошвы горы судовъ превратились въ тонкую паутину. Отчетливо выдѣлялась только на лѣвомъ краю горы бѣлая игла протестантской кирки и направо—свѣжій, великолѣпный кипарисовый срубъ новаго шинтоискаго храма. Я видѣлъ въ свое время его освященіе, когда жрецы въ желтыхъ и зеленыхъ хламидахъ водили вокругъ только-что врытыхъ столбовъ бѣлоодѣтыхъ дѣвушекъ съ цвѣтами въ рукахъ и узорчатыми, яркими „оби“ за спиной. Тогда былъ чудный майскій день; пестрая толпа стѣной окружала площадку; молодежь взбиралась даже на каменные памятники сосѣдняго кладбища и на крыши сосѣднихъ строеній. Гонги, бубны и „самюсены“ играли непрерывно. Струи флаговъ желтыхъ, голубыхъ, красныхъ, узорчатыхъ, вырѣзанныхъ въ видѣ рыбъ, змѣй, драконовъ, рѣяли вездѣ надъ опустѣлымъ по случаю праздника городомъ. А по обѣимъ сторонамъ зеленой, расцвѣченной горы два голубыхъ братскихъ залива, излучинами повернутыхъ къ себѣ, выбрасывали на пологіе берега кружева пѣны...

Теперь была осень, краски были блѣдны, день туманный, и городъ прощался со мной, какъ бы нашептывая въ грустномъ раздумьи.

— Что-то принесетъ мнѣ твое посѣщеніе, иностранецъ?! Не обидишь ли ты меня?!

Пароходъ круто поворачиваетъ. Двѣ дуги пѣнящихся волнъ бѣгутъ за нимъ, сталкиваются, вздымаются, бѣлѣютъ... Подхваченный ими по пути рыбачій челнокъ мечется въ водоворотахъ, точно орѣшинка; голый загорѣлый рыбакъ съ трудомъ удерживаетъ въ рукахъ рулевое весло; алый бакенъ (портовый знакъ), брошенный на синеву залива, точно огненный, одинокій цвѣ-



Японія. Ворота храма Іо-ма-манъ въ Никко.

токъ граната, то исчезаетъ среди волнъ, то всплываетъ высоко на ихъ бѣлые гребни...

Городъ уже исчезъ; въ глубинѣ выемки гористыхъ береговъ залива чуть видны свѣтлые домики деревушекъ, чернѣетъ длинный неуклюжій силуэтъ городской тюрьмы, и бѣлѣютъ кокетливыя строенія Юпакавы, хорошенькаго загороднаго купальнаго заведенія, куда ѣздятъ для совмѣстныхъ купаній веселыя гейши съ мѣстными „хадеша“ (дэнди).

Еще нѣсколько сотенъ оборотовъ винта, и ничего больше не видно, кромѣ изумрудно-перламутровой вогнутости далекихъ береговъ надъ перламутровой гладью моря. По угламъ этого полумѣсяца стоятъ двѣ горы: на востокѣ малахитовый массивъ скалы „Лежачаго Быка“, за уголъ котораго спрятался Хакодате, а на западѣ всплываетъ изъ-за горъ и синихъ тумановъ несравненный по своимъ линіямъ и тонамъ розовый конусъ вулкана Комагатаке.

Обѣ горы смотрятъ такъ мирно и живописно, и обѣ, тѣмъ не менѣе, скрываютъ внутри разрушеніе. Послѣднее изверженіе Комагатаке происходило не дальше какъ въ 1856 году; на сглаженной же вершинѣ „Лежачаго Быка“ опытный глазъ безъ труда замѣтитъ слѣды человѣческой руки. Одинокіе столбы телеграфа, выглядывающіе неосторожно тамъ и сямъ изъ-за карнизовъ скалъ, говорятъ внушительно, что тамъ есть люди, зорко наблюдающіе за входомъ въ гавань. Прямыя линіи на бокахъ утесовъ, это—карнизы дорогъ или края укрѣпленій... Впрочемъ, всякій знаетъ, что тамъ крѣпость, вооруженная дальнобойными орудіями, что весь заливъ защищенъ торпедами и что въ сущности другой вулканъ

дремлетъ тамъ на днѣ моря, заложенный руками человѣка.

Крѣпость построена на томъ самомъ мѣстѣ, откуда въ 1868 году пушки микадо бомбардировали городъ и крѣпость взбунтовавшагося дайміо Юномото, приверженца шьогуна Токугавы.

Теперь опять война виситъ надъ городомъ, и сердце жутко замираетъ, прислушиваясь къ глухимъ взрывамъ крѣпостныхъ пушекъ, упражняющихся въ стрѣльбѣ въ цѣль. Какъ-то не хочется вѣрить, чтобы этотъ очаровательный уголокъ могъ быть обагренъ человѣческой кровью, чтобы полчища дерущихся людей жгли эти изящные домики, надругались надъ миловидными женщинами съ цвѣтками въ волосахъ и разгоняли толпы дѣтей, прыгающихъ теперь, какъ козлята, по крутымъ спускамъ улицъ.

Судно наше выбѣжало на середину пролива, и длинныя, величавыя волны Тихаго Океана плавно закачали насъ. Сталъ моросить дождикъ, при слабомъ, но холодномъ вѣтрѣ.

Я ушелъ въ каюту. Вскорѣ заглянулъ ко мнѣ хромой американецъ, съ которымъ я познакомился въ Саппоро. Онъ прекрасно справлялся со своими костылями даже на скользкой отъ дождя, качающейся палубѣ. Три года провелъ онъ на Хоккайдо въ поискахъ нефти, но нашелъ ея слишкомъ мало, чтобы на ней основать „business“. Хотя присутствіе нефти на этомъ островѣ куда менѣе фантастично, чѣмъ присутствіе ея на Сахалинѣ, гдѣ, говорятъ, для утѣшенія предпринимателей наливаютъ въ буровыя скважины покупного керосина, тѣмъ не менѣе практичный американецъ помирился съ потерей и предоставилъ находку нефтяныхъ ключей случаю.

Дождь все усиливался. Берега Нипона, куда мы направлялись, совсѣмъ исчезли въ ненастномъ туманѣ, и я не увидѣлъ на прощаніе громаднаго, огнедышащаго „Озоре-сана“—„Горы ужаса“.

Въ Аомори четыре часа я провелъ въ гостиницѣ, въ обществѣ японца, два судна котораго были этимъ лѣтомъ въ числѣ другихъ хищническихъ шхунъ захвачены въ Охотскомъ морѣ военнымъ русскимъ кораблемъ и затѣмъ конфискованы. Онъ утверждалъ, что захватъ его судовъ несправедливъ, что онъ выправилъ себѣ всѣ надлежащія свидѣтельства и разрѣшенія. Родомъ онъ изъ Южной Японіи, изъ Кангъ, гдѣ у него были земля и домъ, гдѣ жили его родители и родственники. Самъ онъ поселился въ Хакодате съ женой и дѣтьми и занимался рыбопромышленностью въ широкихъ размѣрахъ на Хоккайдо и Сахалинѣ. Потерю свою онъ оцѣнивалъ въ 20.000 руб. (іенъ), но говорилъ о ней безъ горечи, какъ говорятъ о бѣдствіяхъ стихійныхъ—пожарѣ, наводненіи, градобитіи... Онъ высказывалъ по отношенію ко мнѣ много заботливой любезности, служилъ переводчикомъ, сдѣлалъ нѣсколько мелкихъ услугъ, хотя принималъ меня за русскаго...

Японцы въ общемъ знаютъ только политическія народности да ближайшихъ своихъ сосѣдей. Всѣ народы романскіе—итальянцы, испанцы, румыны, португальцы—разсматриваются ими какъ „французы разныхъ провинцій“. Шведовъ, датчанъ, швейцарцевъ они причисляютъ къ „нѣмцамъ“, всѣхъ славянъ—къ „русскимъ“. Но среди англо-саксовъ они отличаютъ англичанъ и американцевъ, а также знаютъ кое-что о голландцахъ, благодаря тому, что послѣдніе долгое время считались вассалами Японіи и допускались на этомъ

основаніи не въ примѣръ другимъ европейцамъ къ торговымъ сношеніямъ.

Встрѣчалъ я, впрочемъ, образованныхъ японцевъ, которые знали въ общихъ чертахъ исторію, не только исторію Европы, Россіи, но даже Польши. Одинъ вспомнилъ даже имя Костюшки, но вообще поляки не существуютъ въ представленіи широкихъ массъ этого народа, и у меня всегда было затрудненіе въ почтовыхъ конторахъ съ заказными письмами въ Варшаву, которыхъ тамъ не хотѣли принимать на томъ основаніи, что такой городъ не существуетъ. Только продолжительные поиски въ толстой книгѣ „почтоваго живота“ и открытіе тамъ города, прописаннаго „Warschau“, доставляли мнѣ возможность отстоять мой родной городъ. Много труднѣе было убѣдить аккуратныхъ японцевъ не передѣлывать „Poland“ на „Germany“, такъ какъ во всѣхъ этихъ спискахъ и таблицахъ на Дальнемъ Востокѣ нѣмцы заблаговременно уже приписали Польшу къ своей имперіи. Удивительно предусмотрительная нація!

Въ Аомори начинается сѣверная вѣтвь японскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Я усталъ, и, сознаюсь, мнѣ порядкомъ надоѣли всѣ столкновенія съ японцами сѣверныхъ провинцій, особенно возбужденныхъ грозой предполагаемой войны. О, здѣсь далеко не всѣ такъ учтивы и разсудительны, какъ рыбопромышленникъ изъ Кангъ! Поэтому я взялъ билетъ въ первомъ классѣ и спальное мѣсто. Вагоны японскіе небольшіе, но приличные, довольно удобные и содержатся опрятно. Нашъ вагонъ былъ раздѣленъ на двѣ половины: одна представляла салонъ, другая — спальню. Въ послѣдней кровати придѣланы были такъ, что днемъ ихъ нельзя было замѣтить; выдумка пре-

красная, такъ какъ висящіе въ Европѣ надъ головой ящики довольно-таки противны и образуютъ неистощимые кладези пыли. Вагонъ нашъ непосредственно примыкалъ къ вагону-ресторану, гдѣ за 30 коп. я получилъ вполнѣ удовлетворительный европейскій ужинъ съ пирожнымъ и фруктами. Въ первомъ классѣ въ Японіи ѣздятъ исключительно знать или лица изъ высшаго чиновнаго міра. Даже богатые купцы и промышленники рѣдко рѣшаются проникать туда, не столько изъ бережливости, сколько благодаря воззрѣніямъ, уцѣлѣвшимъ отъ тѣхъ относительно недавнихъ временъ, когда даже матеріалъ и форма платья были строго регулированы закономъ для разныхъ сословій и классовъ. Въ купэ я уже засталъ какого-то японца, который поспѣшно снималъ съ себя европейскій костюмъ, чтобы надѣть японское „кимоно“. Если бы оно у меня было, я самъ бы надѣлъ его. Внутри острова я все время его носилъ, такъ какъ одѣяніе это, очень простое, легкое, прохладное, великолѣпно отвѣчаетъ лѣтомъ здѣшнему влажному и жаркому климату. Хотя человѣкъ и чувствуетъ себя въ немъ какъ бы „не совсѣмъ одѣтымъ“, тѣмъ не менѣе видъ у него вполнѣ приличный. Сшитъ онъ изъ длинныхъ полосъ матеріи, которыхъ почти-что не коснулись ножницы. Концы обвисшихъ квадратныхъ рукавовъ представляютъ родъ мѣшковъ, замѣняющихъ прекрасно карманы. Я носилъ въ нихъ даже револьверъ. Въ этихъ рукавахъ японскія дамы носятъ платочки, флакончики, коробочки со сластями, гребешки, щеточки,—словомъ, полный будуаръ. У рукавовъ „кимоно“ еще то достоинство, что въ отверстія ихъ легко втянуть всю руку и погрѣть ее подмышками, если она озябла, или поцарапать зудящее тѣло или поймать на-

доѣдливое насѣкомое, которыхъ вообще много въ этой странѣ, благодатной для всего живущаго.

Простой народъ не носитъ ничего, исключая „кимоно“ и узенькаго „пояска стыдливости“. Женщины вмѣсто такого пояса обертываютъ кругомъ бедеръ кусокъ ткани. Богачи надѣваютъ на тѣло коротенькую рубашку и широкую юбку, сшитую посединѣ на подобіе шароваръ. Эти шаровары неизбѣжная часть торжественнаго одѣянія и замѣняютъ нашъ фракъ. Нѣкогда при императорскомъ дворѣ и у важныхъ „дайміо“ (князей) были въ модѣ необыкновенно длинные, волочащіеся по землѣ шаровары. Въ настоящее время увидѣть ихъ можно только въ театрѣ, въ историческихъ пьесахъ.

„Кимоно“ подпоясывается поясомъ, за который японцы затыкаютъ часы, записныя книжки, бумажники, портсигары и никогда ихъ не теряютъ. Женщины носятъ два пояса: одинъ — узкій для поддерживанія платья, другой — широкій, живописный, какъ украшеніе. Онъ образуетъ назади нѣчто въ родѣ большой кокарды и является предметомъ особенной заботливости и гордости японскихъ щеголихъ. Это и есть знаменитое „оби“.

Вмѣсто обуви японцы всѣхъ возрастовъ и положеній носятъ деревянныя сандаліи на высокихъ подставкахъ или соломенныя туфли. Одежда японцевъ по большей части темная и мало чѣмъ отличается у различныхъ слоевъ общества.

Но мой спутникъ носилъ уже полный европейскій костюмъ, европейскую обувь и бѣлье. Отправляясь спать, онъ впрочемъ сбросилъ все и надѣлъ исключительно свѣтлое спальное „кимоно“. Туалетъ свой производилъ онъ совершенно открыто у меня на глазахъ, такъ какъ въ Японіи совершенно иначе относятся къ наготѣ, чѣмъ у насъ въ Европѣ.

Помню, какъ-то въ Обама, осматривая народныя сѣрныя купальни, я вошелъ случайно въ женское отдѣленіе. Я очутился среди толпы молодыхъ „іо“ и „мусьмэ“, лишенныхъ даже фиговаго листочка; оказалось, что смутился больше всего я самъ; онѣ же, даже не моргнувши глазомъ, весело продолжали свой туалетъ. На берегу въ то же время полисменъ сердито гналъ прочь голыхъ, мускулистыхъ „джентльменовъ“, вышедшихъ изъ купальни поглазѣть на нашъ пароходъ. Я увѣренъ, что онъ дѣлалъ это лишь по требованію чопорныхъ англичанокъ, пріѣхавшихъ со мною.

Хотя я и очень усталъ, но долго не могъ уснуть. Поѣздъ качался, дрожалъ, подпрыгивалъ на поворотахъ, какъ сумасшедшій. Японцы ѣздятъ скоро, а рельсы у нихъ проложены по такимъ трущобамъ и закоулкамъ, какіе можно найти развѣ только въ Италіи или Швейцаріи.

Я съ радостью думалъ, что съ каждой верстой я все ближе и ближе къ родинѣ...

20-го сентября.

Сквозь опущенныя шторы прорвался изсѣра-зеленый блескъ дня и разбудилъ меня. Сѣрый онъ былъ отъ ненастья, зеленый отъ богатѣйшей растительности, покрывавшей мѣстности, по которымъ мы пролетали. Японія, несомнѣнно, -рай для большинства растеній: солнца здѣсь и влаги вволю. Отсюда, вѣрно, происходитъ легендарная слава японскихъ садовниковъ, которые обращаются съ растеніями совсѣмъ безцеремонно: деревья большія и малыя пересаживаютъ многократно, перевозятъ ихъ далеко, калѣчатъ, гнутъ, перекручива-

ютъ, какъ имъ только вздумается. Но въ этомъ живительномъ воздухѣ можно, мнѣ кажется, продѣлывать съ растеніемъ, что угодно, и оно не погибнетъ. Въ одной Японіи уцѣлѣли криптомеріи, которыя давно уже исчезли или выродились на всемъ земномъ шарѣ. Глядя на ихъ огромные, какъ утесы, стволы, легко представить себѣ, какими были стародавніе допотопные лѣса, въ которыхъ находили себѣ убѣжище разные пхтіозавры и палеоѳеры. Вѣдь въ чащѣ этихъ великановъ они казались не больше мышей!..

Ночью мы проѣхали сѣверную часть Ниппона, славящуюся своими пастбищами. Тамъ, да на Хоккайдо, воспитываются табуны лошадей и стада рогатаго скота для всей Японіи. Но луга эти не особенно обширны и много хуже европейскихъ и азіатскихъ степей. Тамъ имѣются большія пространства около Самбоги, Кома, Шимода, изъятыя правительствомъ изъ частнаго владѣнія для казеннаго коневодства.

Дорога идетъ больше по откосамъ горъ, проходитъ много туннелей. Изъ нихъ одинъ особенно длинный находится недалеко отъ „Ичи-но-хи“, при выѣздѣ изъ котораго открывается чудный видъ на гору „Шю-но-матсу-яма“, прославленную въ извѣстномъ пятистишіи японскаго поэта:

«Чигирики на
Катами ни содэ во
Шиборп тсу-тсу
Шюпоматсу-яма
Нами, консаи то ва...»

«Кто, вѣчно любить обѣщая,
Клянется любить до тѣхъ поръ,
Пока волны пѣнистыя моря
Не украсятъ вершинъ „Шю-но-матсу“,—
Тотъ клянется въ вѣчной любви...»

Я проѣзжалъ этотъ путь днемъ, когда ѣхалъ въ Хакодате, но охотно обозрѣлъ бы его еще разъ. Удивило меня тогда большое количество навѣсовъ на толстыхъ столбахъ и досчатыхъ длинныхъ сараевъ, построенныхъ надъ рельсами для защиты ихъ отъ снѣговыхъ заносовъ и обваловъ. Это много удобнѣе, цѣлесообразнѣе и дешевле сибирскихъ переносныхъ заборчиковъ.

Поѣздъ быстро мчался, минуя второстепенныя станціи. Когда я садился завтракать, кондукторъ прокричалъ „Сендай“. Это –большой городъ на полпути въ Токіо, главный городъ провинціи Рикузенъ, нѣкогда гнѣздо дайміо Дате-Мутсу-но-Ками, самыхъ могущественныхъ среди вельможъ сѣвера. Жители Сендая славятся какъ вѣрные, храбрые солдаты и исполнительные, неподкупные чиновники. Въ Сендаѣ есть много христіанъ, преимущественно православныхъ.

Когда поѣздъ тронулся дальше, я съ сожалѣніемъ глядѣлъ на уходящій отъ меня интересный городъ, въ окрестностяхъ котораго находится храмъ „Живой лисицы“, гдѣ я стремился побывать, но чего не могъ сдѣлать въ виду измѣнившихся обстоятельствъ.

Кругомъ простирались безконечныя рисовыя поля,— бурыя отъ полусозрѣвшихъ колосьевъ, желтыя, уже созрѣвшія, и совсѣмъ еще зеленыя. Каждую ниву окружалъ темный бордюръ бобовъ или другихъ растеній, насаженныхъ на узенькой ирригаціонной насыпи. Нынѣшній годъ считается урожайнымъ для риса. Мѣстами рисъ даже слегъ отъ густоты, тяжести колосьевъ и ливней. На худшихъ поляхъ изъ-подъ поросли злаковъ просвѣчивали серебристыя воды. Тамъ и сямъ вмѣсто бобовъ на межахъ полей высоко поднимались тяжелыя грозди „киби“—родъ проса, похожаго на „гаолянъ“.

Спрошенный японецъ объяснилъ, что это „черный рисъ“ („a black rice“). Многіе участки, недоступные для орошенія, засѣяны кукурузой, и все чаще и чаще мелькаютъ въ окнахъ поѣзда плантаціи молодой шелковицы. Мы въѣзжаемъ въ центръ шелковичнаго производства, въ округъ Фукушима. А вотъ и самый городъ Фукушима со старинным замкомъ семьи Итакура и вулканомъ Азума-Яма вдали. Послѣднее изверженіе вулкана происходило совсѣмъ еще недавно, въ 1893 году, когда взрывомъ убиты были слишкомъ 80 человѣкъ въ сосѣднихъ сѣрныхъ копяхъ и окрестности покрылись слоемъ пепла въ 5 футовъ толщиной. Непокорные когда-то дайміо давно стали смирными. Всѣ они живутъ теперь главнымъ образомъ въ Токіо и мирно отрѣзаютъ купоны отъ выкупныхъ свидѣтельствъ, полученныхъ взамѣнъ своихъ привилегій. Ихъ древніе города дымятся въ настоящее время не отъ боевыхъ, но отъ фабричныхъ огней. Число послѣднихъ быстро возрастаетъ, что, нужно сознаться, порядочно портитъ живописные виды Японіи.

Фукушима принадлежитъ къ такимъ закоптѣлымъ уже городамъ, которыхъ цѣлый рядъ вытянулся вдоль линіи желѣзной дороги до самаго Токіо. Это преимущественно шелкопрядильныя фабрики. Изъ городовъ, Акабане около Токіо показался мнѣ особенно фабричнымъ.

Поѣздъ все мчится, останавливаясь изрѣдка на болѣе крупныхъ станціяхъ. Дѣлается все жарче и душнѣе; замѣтно, что подвигаемся быстро на югъ. Растительность все разнообразнѣе и роскошнѣе. Среди рисовыхъ полей, у бѣлыхъ и сѣрыхъ домиковъ поселянъ толпятся цѣлыя рощи плодовыхъ деревьевъ: золотистыхъ „каки“, грушъ, сладкихъ орѣховъ, усѣянныхъ шипами, гранатъ, фигъ. Тамъ же виднѣются темныя туи, криптомеріи (суги),

японскій кипарисъ (баякушинъ) и ядовитый, но прекрасный тисъ родня нашихъ бѣловѣжскихъ тисовъ. Вездѣ вьется плющъ; на скалахъ густо растутъ большіе папоротники; болѣе крупные экземпляры я видѣлъ только въ Западномъ Закавказьѣ. Подъ конецъ окрестности представляютъ одинъ сплошной, заботливо воздѣланный садъ, гдѣ виноградники перемежаются съ шелковичными плантаціями и абрикосовыми рощами. Къ участкамъ какого-то лопуховиднаго съѣдобнаго растенія присоединились участки такого же лопуховиднаго лотоса, воздѣлываемаго изъ-за цвѣтовъ. Видѣлъ я также много грядъ съ арбузами, дынями, тыквами, огурцами, много крупной, горькой, любимой японцами, рѣдьки и ряды великолѣпнаго, рослаго лука. Въ усадьбахъ выше дворовыхъ стѣнъ поднимаютъ свои свѣтло-зеленые исполинскіе листья бананы, и все чаще являются кудрявыя темно-зеленыя короны невысокихъ пальмъ. А гдѣ на холмѣ чернѣетъ роща старыхъ корявыхъ сосенъ, тамъ обязательно стоитъ рядъ деревянныхъ „тори“ (воротъ) и въ концѣ окаймленной ими дорожки — храмъ съ рѣзнымъ навѣсомъ и изящно выгнутой крышей. Часто среди полей замѣчалъ я и крошечныя часовеньки „Инарисана“—„Господина Лисицы“, покровителя рисовыхъ полей и властелина умалишенныхъ. Только болѣе близкое знакомство съ жизнью японскихъ крестьянъ уяснило мнѣ распространеніе среди нихъ этого древняго культа и причину, почему этого „Господина“ такъ чтятъ и боятся. Дѣло въ томъ, что нервный, впечатлительный японскій народъ легко подвергается психическимъ болѣзнямъ, рисъ же является для него главнымъ средствомъ существованія, и онъ совершенно справедливо называетъ себя „народомъ (изъ страны) произ-

растанія риса". Отсюда такое сильное стремленіе японцевъ въ Корею и на Филипинскіе острова, хотя у нихъ есть на Хоккайдо много чудесныхъ земель съ климатомъ Центральной Европы. Но вѣдь извѣстно, что много легче перемѣнить мѣстожительство, чѣмъ измѣнить хозяйственные пріемы. Послѣднее требуетъ не только денегъ и времени, но и знаній, и не тѣхъ, которыя преподаютъ въ школѣ, а другихъ, которымъ обучаютъ съ малыхъ лѣтъ при совмѣстной работѣ родители и окружающіе. Бѣгутъ же русскіе крестьяне въ Сибирь вмѣсто того, чтобы улучшать земледѣльческую культуру въ Россіи! Не помогутъ тутъ никакія разсужденія и никакое насиліе: японскій крестьянинъ умѣетъ и желаетъ воздѣлывать только рисъ; ячмень, пшеницу, рожь онъ недавно только узналъ, боится ихъ и не привыкъ ими пользоваться, на нихъ нѣтъ почти сбыта на мѣстныхъ рынкахъ. Мѣста, годныя для воздѣлыванія риса, въ собственной Японіи теперь исчерпаны; культура ихъ доведена до крайнихъ предѣловъ; рисовыя поля въ Хоккайдо приходится отвоевывать у непролазныхъ болотъ съ большой затратой времени и капитала. Между тѣмъ населеніе множится, и хотя японцы вообще крайне неохотно покидаютъ свою родину, но и они мало-по-малу начинаютъ эмигрировать: въ Японіи имъ уже черезчуръ тѣсно. Отсюда понятно ихъ движеніе въ сосѣднюю Корею, близкую Японіи по климату и обладающую прекрасными мѣстами для воздѣлыванія риса. И не столько имъ нужна корейская земля, сколько корейскій рисъ и возможность покупать его всегда въ обмѣнъ на свои товары.

Вотъ источникъ корейскаго вопроса, изъ-за котораго рѣшается теперь участь многихъ живыхъ, но обреченныхъ на смерть!

Японія. Іокогама. Собирательницы раковинъ.

Есть, впрочемъ, у этого вопроса еще другая сторона.

— Кто завладѣетъ Кореей, тотъ прямо схватитъ насъ за глотку!..—говорятъ японцы.—Ни одно наше судно не сможетъ пройти тогда мимо полуострова безъ согласія его владыки, а вѣдь мы столько же почти живемъ на сушѣ, сколько и на морѣ!

Дѣйствительно, достаточно на разсвѣтѣ проѣхать на пароходѣ вдоль береговъ любой части Японіи и увидѣть эту массу бѣлыхъ парусовъ, эти сотни тысячъ судовъ и суденышекъ, отправляющихся въ море, чтобы убѣдиться, что японцы воистину почти земноводные, что возможность свободнаго судоходства и рыбной ловли для нихъ—вопросъ жизни и смерти.

Рыба, рисъ и морская торговля—вотъ главные экономическіе устои японской жизни.

Добавлю еще, что японцы страшно, до невѣроятности, боятся агрессивной политики Россіи.

— Возьмутъ русскіе Корею, доберутся и до Японіи,—твердятъ они упрямо и на всевозможныя доказательства неосновательности ихъ страха приводятъ исторію постояннаго роста Россіи, знакомую имъ до подробностей.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Пока есть губы, до тѣхъ поръ есть зубы!—отвѣчалъ при мнѣ на всѣ миролюбивыя доказательства хакодатскаго консула одинъ умный японецъ.

21-го сентября. Токіо.

Городъ громадный, съ такими широкими улицами, что ходить по нимъ слѣдовало бы скорѣе потомкамъ циклоповъ и океанидъ, а не малорослымъ японцамъ. Каналы, полные вонючей морской воды, кишмя-кишатъ

маленькими и большими судами... Не буду описывать города, такъ какъ намѣренъ вернуться сюда на праздникъ хризантемъ 3-го октября.

22-го сентября.
Дорога изъ Токіо въ Нагасаки.

Въ этотъ разъ я поѣхалъ во второмъ классѣ. Въ немъ больше жизни, характера и... Востока. Пробовалъ я ѣздить и въ третьемъ, но тамъ ужъ этого Востока черезчуръ много; къ тому же попадаются пьяные европейскіе матросы, съ которыми происходятъ часто у неподатливыхъ японцевъ столкновенія, отсюда замѣшательства, въ которыя можно попасть и мирному путешественнику. Что скрывать: не съ важными представителями Запада знакомится широкая публика Дальняго Востока!

Вагонъ былъ биткомъ набитъ. Мѣсто досталось мнѣ скверное, и ночь я провелъ дурно, подремывая въ уголкѣ. Но японцы всѣ спали прекрасно. Въ своихъ маленькихъ квартиркахъ они привыкли ловко пользоваться самымъ крошечнымъ пространствомъ; стульевъ они не знаютъ, ноги умѣютъ плотно поджимать подъ себя, словомъ, складываются безъ труда, точно перочинные ножики, съ пользой экономизируютъ всякій уголокъ. Напротивъ меня сидѣла японка съ ребенкомъ и нянькой. Не опуская почти ногъ со скамейки, они все совершали на узенькомъ желѣзнодорожномъ сидѣніи: ѣли, пили, спали, раздѣвались и одѣвались... Мальчикъ по крошечному промежутку умудрился даже устроить бѣга, бросался отъ няньки къ матери, разстегивалъ ей платье и, хотя ему было уже навѣрно четыре года, сосалъ материнскую

грудь, кусалъ и цѣловалъ ее, вызывая блаженную улыбку на лицѣ родительницы. Послѣднюю нячуть не стѣсняло присутствіе мужчинъ, хотя она была еще молода, красива и, судя по платью и манерамъ, принадлежала къ среднему сословію. Зубы у нея были не черненые, что тоже свидѣтельствовало о прикосновеніи къ болѣе современнымъ теченіямъ. Она слегка натягивала „кимоно“ на обнаженное тѣло только съ моей стороны. Мальченка тоже, повстрѣчавшись со мной глазами, переставалъ смѣяться и сурово сдвигалъ узенькія брови. Въ его дѣтскомъ взглядѣ я улавливалъ то же выраженіе, которое такъ часто замѣчалъ на себѣ въ глухихъ закоулкахъ Японіи и которое приблизительно означало: „Вотъ какъ!?. Этотъ варваръ безнаказанно и спокойно гуляетъ по святой японской землѣ!?. Свѣтопреставленіе!..“ Такъ надлежало, думаю, толковать этотъ взглядъ. Напомню, что *вся* Японія открыта для иностранцевъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ и что она многіе вѣка не допускала ихъ къ себѣ подъ угрозой смерти. Тогда всякій могъ безнаказанно убить иностранца, и даже это вмѣнялось ему въ обязанность. Страхъ бѣлыхъ, ненависть къ нимъ, воспитываемые въ продолженіе столѣтій, сдѣлали свое дѣло; они такъ глубоко проникли въ душу японцевъ, что отъ нихъ не въ силахъ отдѣлаться даже побывавшіе въ Европѣ образованные японцы; они борются съ ней, но она спитъ въ душѣ ихъ, въ видѣ *легкаго отвращенія и крайняго недовѣрія.* Пусть они сознаются въ этомъ, пусть будутъ откровенны, тѣмъ болѣе, что они сами, я знаю, страдаютъ отъ этого, сознавая, что это —крупная помѣха къ прочному сближенію. Будемъ надѣяться, что чувства эти современемъ исчезнутъ! Къ сожалѣнію, японцы куда больше дѣлаютъ

усилія, чтобы побороть это чувство, чѣмъ европейцы, чтобы побороть свою неосновательную гордыню. Самый плохой европеецъ считаетъ себя много выше самого утонченнаго японца, зоветъ его презрительно „макаки“, между тѣмъ онъ самъ въ сравненіи съ нимъ для безпристрастнаго наблюдателя часто не больше, какъ грубый и ограниченный варваръ. Японцы это понимаютъ.

Въ мелочахъ, въ житейскомъ обиходѣ, японцы съ европейцами безукоризненны; очень „polite“ (вѣжливы) и даже часто больше, чѣмъ со своими родичами. И въ тотъ разъ нашелся въ вагонѣ какой-то молодой японецъ, прекрасно говорившій по-англійски, который взялъ меня подъ свое покровительство. Онъ окончилъ въ Америкѣ горную инженерную школу и говорилъ, что „business“ его теперь въ Японіи—уголь. Онъ зналъ кое-что и о полякахъ, и я замѣтилъ, что онъ усиленно рекомендовалъ меня направо и налѣво какъ „не-русскаго“... Была въ этомъ несомнѣнно крупица страха передъ общественнымъ мнѣніемъ за дружбу съ „врагомъ отечества“, такъ какъ нѣсколько дней тому назадъ произошло какъ-разъ въ Сендаѣ большое патріотическое собраніе народный митингъ, подъ слѣдующимъ воззваніемъ, перепечатаннымъ, конечно, во всѣхъ газетахъ:

„Съ тѣхъ поръ, какъ мы обмѣняли съ Россіей Сахалинъ на Курильскіе острова, нѣтъ числа обманамъ и дерзости Россіи противъ Японской Имперіи.

„Когда послѣ войны 27 и 28 гг. Мейиджи Китайское правительство согласилось уступить намъ законно завоеванную землю, Россія посовѣтовала намъ вернуть Пекину Лаондунскій полуостровъ, ссылаясь на опасность для мира на Востокѣ (равновѣсія). Всемилостивѣйшій нашъ императоръ принялъ къ свѣдѣнію ея со-

вѣтъ; но она тотчасъ же заняла въ вѣчную аренду ту же землю, давъ, такимъ образомъ, поводъ волненіямъ на Востокѣ. Въ китайскій мятежъ въ 32 году всѣ государства согласно стремились возстановить спокойствіе, одна Россія старалась исключительно провести свои замыслы, заняла часть Манчжуріи и, такимъ образомъ, положила начало раздѣлу Китая. Она всегда дѣйствовала такъ, какъ-будто не было никого на свѣтѣ, кромѣ нея. По долгу справедливости нельзя больше переносить такихъ ея дѣйствій. Хотя она и обѣщала всѣмъ государствамъ очистить Манчжурію, но этого она не исполнила и теперь еще усиливаетъ тамъ свои сухопутныя и морскія силы. Она не отвѣчаетъ на прямые запросы наши, она увиливаетъ отъ нихъ и въ то же время предлагаетъ Пекину программы новыхъ соглашеній. Что за обманъ и что за неслыханная дерзость! Наша имперія не должна переносить больше такого положенія дѣлъ ради того же вѣчнаго восточнаго мира, ради чести и интересовъ нашей имперіи. Поэтому мы рѣшили созвать сѣверо-восточное собраніе союза „Тайро-Досикай“ и предлагаемъ слѣдующее постановленіе:

1) Недавніе поступки Россіи ничто иное, какъ молчаливое объявленіе войны. Если Японская Имперія уступитъ и въ этотъ разъ, то это будетъ крайне опасно для восточнаго равновѣсія и вредно для чести и интересовъ нашего государства. Правительство должно принять немедленно послѣднюю и рѣшительную мѣру;

2) Мы признаемъ дѣятельность союза „Тайро-Досикай“ своевременной и полезной и будемъ всѣми силами способствовать его развитію“.

Собраніе состоялось въ театрѣ „Сендайза“ 17-го сентября (1903 г.). Присутствовали на немъ депутаціи отъ

сѣверо-восточныхъ провинцій (Міяги, Фукушима, Ямагата, Акита, Иваде и Аомори), а также редакторы тамошнихъ газетъ. Всего собралось болѣе 3.000 участниковъ. Руководили собраніемъ члены союза „Тайро-Досикай“, который недавно образовался въ Токіо, сторонники партіи „Синпо-то“ принца Коной, который предводительствуетъ г. Окума. Сторонники партіи „Сейюуквай“ — маркиза Ито—воздержались отъ участія въ митингѣ. На собраніи говорились рѣчи приблизительно такого содержанія:

Г. *Сиратори*: Россія—злая страна, и если ее теперь не остановить, то она уничтожитъ насъ.

Г. *Мацуда-Рикини:* Миръ на Востокѣ зависитъ отъ Японіи. Мы ненавидимъ Россію, какъ врага восточнаго мира... Если отказаться теперь отъ борьбы съ ней, то зачѣмъ же держать намъ флотъ въ 250.000 тоннъ и 13 дивизій войскъ?

Г. *Сакурай*: Намъ необходимо защищать цѣлость Китая.

Г. *Номото* (очень страстно): Теперь не пора разговоровъ, пришло время дѣйствій! Почему правительство нерадиво затягиваетъ дѣло?!

Г. *Куронага:* Война съ Россіей!

Г. *Сато:* Не нужны намъ послѣднія рѣшенія, намъ нужно просто пресѣчь беззаконія Россіи.

Г. *Форій:* Если мы не уничтожимъ русскихъ, то они уничтожатъ насъ! Исторія учитъ, что вездѣ сѣверные народы притѣсняли южныхъ. Необходимо устроить оборону отъ сѣверянъ!.. Предпринять рѣшительныя мѣры насъ заставляетъ необходимость!

Г. *Савва-Райтаро:* Союзъ „Тайро-Досикай“ ничто иное, какъ продолженіе союза „Кокуминъ-Домейкай“ (клубъ принца Коной), слѣдовательно, онъ стремится

къ удержанію независимости Кореи, неприкосновенности Китая и укрѣпленію самостоятельнаго развитія Японіи. Послѣднія дѣйствія Россіи грозятъ цѣлости Кореи и Китая. Весь народъ японскій долженъ поспѣшить на защиту государства!

Г. *Кудо-Коканъ:* Послѣднюю мѣру (требуемъ)!

Въ концѣ засѣданія прочтена телеграмма принца Коной: „Поздравляю собраніе въ Сендаѣ (за то), что оно подняло свой громкій народный голосъ, и увѣренъ, что собраніе будетъ имѣть великія и благія послѣдствія въ рѣшеніи (этого) вопроса!..“

Такой же митингъ, только болѣе многочисленный, предполагаютъ сторонники войны устроить 6-го октября въ Токіо. Этотъ срокъ назначенъ Россіей для эвакуаціи Манчжуріи и считается здѣсь срокомъ объявленія предполагаемой войны.

23-го сентября.

Послѣ безсонной ночи подкрѣпило меня немного чудное, солнечное утро. Мы оставили уже за собою большіе города: Кіото, Осака и другіе... Въ Кобе пересадка. Я попалъ опять въ вагонъ, полный пассажировъ, но зато большой и свѣтлый. Одновременно со мною вошла въ него молодая, миловидная англичанка съ больнымъ отцомъ. Они заняли неудобную скамейку у дверей, но не захотѣли перейти на мое мѣсто. Мое обращеніе къ молодой дѣвушкѣ вызвало среди японцевъ большое любопытство и удивленіе. Они догадались о моемъ предложеніи, но оно, очевидно, смѣшило ихъ. Особенно удивлялся мой сосѣдъ, торговецъ шелкомъ изъ Осака, который только-что со мной познакомился

и все упражнялся въ знаніи англійскаго языка. Зналъ онъ всего нѣсколь кословъ и все повторялъ фразу: „do you speack english?“, которую выговаривалъ лучше другихъ. Онъ не замедлилъ спросить меня, чего я добивался у молодой женщины и знаю ли я ее.

Замѣчу, что японцамъ совершенно незнакома рыцарская вѣжливость по отношенію къ женщинамъ. Мнѣ казалось, что они даже любезнѣе съ мужчинами. Отправляясь на прогулку съ своей женой, японецъ всегда идетъ впереди, а японка, даже изъ высшихъ сословій, держится позади на шагъ или дальше; при встрѣчѣ на улицахъ всегда сворачиваетъ женщина; въ театрѣ она сидитъ позади; всегда и вездѣ занимаетъ худшія мѣста и никогда не принимаетъ участія въ пиршествахъ и обѣдахъ совмѣстно съ мужчинами. Даже дóма женщины ѣдятъ отдѣльно и послѣ того, какъ накормятъ и напоятъ свой „вѣнецъ творенія“. А между тѣмъ японки куда симпатичнѣе, тоньше и умнѣе большинства японцевъ. Одинъ заклятый недругъ японцевъ говорилъ даже, что человѣчество „ничего не потеряло бы отъ исчезновенія японцевъ, но много потеряло бы отъ исчезновенія японокъ!“

Японки довольно миловидны, и у всѣхъ ихъ много врожденнаго изящества и женственности. Онѣ нѣжны, спокойны, скромны и разсудительны. До замужества пользуются большою свободой, всюду ходятъ однѣ, завязываютъ знакомства, даже... романы, что, впрочемъ, не считается большимъ преступленемъ:

— У моей жены было до брака со мною двѣнадцать любовниковъ, но дѣтей прижила она только со мной!..— хладнокровно разсказывалъ одинъ японецъ въ разговорѣ о причинахъ безплодія браковъ.

По вступленіи въ бракъ поведеніе японокъ рѣзко измѣняется; японки—вѣрныя, самоотверженныя жены. Въ сущности японка, несмотря на наружное подчиненіе, управляетъ всѣмъ домомъ и нерѣдко держитъ въ повиновеніи супруга; у нея есть свое отдѣльное имущество, и юридически она почти независима. Она пользуется правомъ развода, хотя право это доступно для нея въ менѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ для мужчинъ. Все-таки она не такъ беззащитна передъ мужемъ, какъ, напр., француженка или полька. Но и здѣсь изъ-подъ гуманной и справедливой основы просвѣчиваетъ... странный Востокъ: за супружескую измѣну мужъ въ правѣ просто выгнать жену, онъ можетъ даже посадить ее въ тюрьму. Женщина же даже развода не можетъ требовать въ случаѣ явной и доказанной невѣрности мужа. Вообще у японцевъ понятіе о мужской невѣрности крайне неясно; многіе явно держатъ наложницъ и иногда въ томъ-же домѣ, гдѣ живутъ законныя жены. Мнѣ указывали въ Хакодате на именитаго купца, у котораго въ каждомъ почти городѣ, гдѣ онъ бывалъ по дѣламъ, имѣлись жены. Въ самомъ Хакодате, гдѣ онъ живетъ постоянно, у него ихъ нѣсколько.

— Ревнивая жена хуже отсутствія!—объяснялъ мнѣ весело японскій женолюбъ.

Такъ уже сложилась здѣсь жизнь, что японки, подобно многимъ европейскимъ женамъ, смотрятъ сквозь пальцы на шашни мужей съ гейшами, на ихъ экскурсіи во всякаго рода... „іошивара“. И только когда отношенія эти грозятъ подорвать благосостояніе семьи, пустить по міру ее и дѣтей, жена выступаетъ на защиту послѣднихъ и находитъ себѣ поддержку въ законѣ.

Отъ Кобе желѣзнодорожная линія идетъ самымъ кра-

емъ средиземнаго Японскаго моря, которое хотя и красиво, но не въ такой мѣрѣ, какъ это воспѣлъ Киплингъ. Въ ту сторону я проѣхалъ его на пароходѣ. Даже было тамъ у насъ маленькое приключеніе: въ самомъ узкомъ мѣстѣ ночью чуть не наскочилъ на насъ другой пароходъ. Мы сидѣли въ каютъ-кампаніи за чаемъ, какъ вдругъ— оглушительные гудки, звонки, тревожные свистки капитана, звонъ якорныхъ цѣпей, дрожаніе дернутаго назадъ парохода и затѣмъ жуткая тишина всполошили насъ. Конечно, всѣ мы выбѣжали на палубу. По утесамъ совсѣмъ близкихъ береговъ прыгало красное зарево цѣлаго ряда нефтяныхъ бочекъ-маяковъ, горящихъ у воды... Дымъ клубился надъ ними, и все это очень похоже было на пожаръ. Среди красныхъ отъ зарева водъ, въ рыжемъ просвѣтѣ мутнаго воздуха, тутъ же, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ насъ, колыхался черный носъ большаго парохода, и рядъ круглыхъ оконъ каютъ посматривалъ на насъ сбоку, мерцая. И тамъ тоже замѣтно было безпокойство; зеленые, красные и голубые огни какъ-то неувѣренно мелькали въ вышинѣ... Мѣсто было узкое, извилистое, и пароходы наскочили одинъ на другой неожиданно, на поворотѣ. Немного спустя, мы подняли якорь и пошли дальше, а виновникъ остался стоять до разсвѣта въ тѣни высокой горы. Пассажиры были чрезвычайно довольны опасностью, которая миновала и которой, по увѣренію капитана, „даже не было“... Но я остался на палубѣ и, глядя на темныя, бурлящія сбоку корабля струи, думалъ о далекой родинѣ... Теченіе здѣсь такъ стремительно, берега до того круты, и подводные камни до того остры, что никто изъ насъ не спасся бы здѣсь безусловно... Кто не захлебнулся бы сразу въ волнахъ,

того прибой разбилъ бы объ утесы. Нѣсколько недѣль спустя, я прочелъ въ газетахъ, что гдѣ-то недалеко отсюда погибъ подобнымъ же образомъ японскій пароходъ съ компаніей „гейшъ“, возвращавшихся изъ Осака, куда онѣ ѣздили участвовать въ большомъ религіозномъ ходѣ по поводу тысячелѣтія какого-то храма. Ихъ понадобилась тамъ цѣлая тысяча... Шестнадцать изъ нихъ и многіе пассажиры пошли ко дну, и даже тѣла несчастныхъ не были найдены.

Да, теченія въ этомъ морѣ стремительныя и утесы неприступные. Зато очень ужъ иногда живописные! Вотъ одинъ изъ нихъ, недалеко отъ Кобе, подымается прямо, какъ игла изъ лазури залива, и хорошенькій морской маякъ стоитъ на его вершинѣ, точно орлиное гнѣздо.

По одну сторону бѣгущаго поѣзда стелется все то-же жемчужное море, по другую рисовыя поля безъ конца. Должно-быть, дозрѣваетъ на нихъ уже второй посѣвъ, такъ какъ они болѣе зелены, чѣмъ видѣнные мною на сѣверѣ. Въ виду того, что селедочный тукъ, считающійся лучшимъ для воздѣлыванія риса, все дорожаетъ, японцы стараются замѣнить его другимъ удобреніемъ. Между прочимъ, они засѣваютъ на зиму рисовыя поля клеверомъ или горошкомъ и по веснѣ запахиваютъ ихъ на зеленый навозъ. Но удобреніе это далеко уступаетъ селедочному туку: и зерна получается меньше, и рисъ легко вылегаетъ отъ дождя. Такъ какъ значительная часть селедочнаго тука привозится съ Сахалина, то теперь слагаются на этой почвѣ и другія, болѣе мирныя отношенія японцевъ къ русскимъ, несомнѣнно выгодныя для обѣихъ сторонъ. Японія представляетъ громадный рынокъ для сбыта продуктовъ

русской рыбопромышленности, начинающей развиваться на берегахъ Восточнаго океана. Но Россія не привыкла считаться съ такими пустяками. Вѣдь когда-то она заперла входъ иностраннымъ и своимъ судамъ въ Бѣлое море и сибирскій Ледовитый океанъ, и убила навсегда благосостояніе и развитіе своихъ сѣверныхъ поморовъ! Японія съ своей стороны достаточно злопамятна, чтобы въ случаѣ кровной обиды не бойкотировать эту промышленность даже безъ всякаго приказанія со стороны правительства. Тогда молодая колонизація русскаго побережья Восточнаго океана зачахнетъ или останется впредъ такимъ-же хилымъ чиновничьимъ насажденіемъ, какимъ она была до сихъ поръ.

Пролетая теперь скорымъ поѣздомъ по этимъ выхоленнымъ японскимъ полямъ, по мѣстностямъ со слѣдами древней культуры, съ признаками зажиточности, мира, порядка и довольства, глядя на эти многочисленныя усадьбы, деревушки, города, на великолѣпныя, обсаженныя деревьями дороги, сразу отличая въ селахъ школы—всегда лучшія тамъ зданія, наблюдая за спутниками, степенными, чистыми, опрятно одѣтыми людьми, погруженными въ чтеніе газетъ, книгъ или тихіе разговоры,—я отъ души, во имя гуманности, желалъ Кореѣ, разъ она должна потерять самостоятельность, чтобы она попала подъ управленіе этого родственнаго ей по происхожденію, разумнаго, хозяйственнаго, отличающагося терпимостью народа... И зачѣмъ нужна Россіи Корея? Она, можетъ быть, нужна русскимъ чиновникамъ, но русскому народу много полезнѣе имѣть хорошія сосѣдскія и торговыя отношенія съ трудолюбивой, мирной и *богатой* Японіей [1]).

[1]) Конечно, о богатствѣ народа я сужу не по способности ту-

Виды открываются изъ оконъ одинъ лучше другого Я пробую снять нѣкоторые на ходу поѣзда. Фотографическій аппаратъ въ рукахъ иностранца всегда и вездѣ возбуждаетъ недовѣріе среди населенія. Въ Японіи оно сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо. Мои опыты производятъ большое впечатлѣніе. Сѣдовласый господинъ насупротивъ, съ заплетенной въ косичку бородой, смотритъ на меня очень недружелюбно. Только купецъ изъ Осака все продолжаетъ покровительствовать мнѣ и кончаетъ тѣмъ, что вручаетъ мнѣ адресъ своей лавки въ Нагасаки.

Море то появляется, то вдругъ изчезаетъ. Красныя, песчаниковыя горы, поросшія по склонамъ кривымъ соснякомъ, прыгаютъ кругомъ насъ. Поѣздъ то и дѣло пронизываетъ ихъ въ отверстія туннелей. А между горами по долинѣ стелются все тѣ же рисовыя поля съ приподнятыми, какъ у подноса, краями. Темная сочная растительность этихъ граней превращаетъ всю долину въ разнообразныя геометрическія фигуры. Ярко-красные осенніе цвѣты пламенѣютъ то тамъ, то сямъ, среди зелени. Смуглыя купы бамбука красиво темнѣютъ среди ясныхъ полей и солнечнаго воздуха. Ихъ тонкіе побѣги, ихъ нѣжная кудрявая листва дѣлаютъ ихъ похожими на вѣеръ тончайшихъ зеленыхъ кружевъ, воткнутыхъ въ шумящіе злаки долинъ. Среди корявыхъ темныхъ сосенъ, среди черныхъ кипарисовъ и туй вдругъ неожиданно сверкнетъ изразцовая крыша храма, выгнутая не хуже шляпки лихой городской щеголихи, или забѣлѣютъ вдругъ каменные, украшенные цвѣтами,

---

ристовъ той или другой націи давать щедро «на водку», но по всей совокупности предметовъ, производимыхъ и потребляемыхъ народомъ. Ходячее мнѣніе о бѣдности Японіи исходитъ, повидимому, отъ... туристовъ.

столбы совсѣмъ не грустныхъ японскихъ кладбищъ. По полотну ровной, свѣтлой дороги движется рядъ людей въ большихъ соломенныхъ, зонтикообразныхъ шляпахъ. Одни несутъ на спинѣ или на коромыслахъ тяжести, другіе идутъ налегкѣ, поддерживая надъ головою желтый зонтикъ изъ промасленной бумаги съ черными прутьями остова, уподобляющими зонтъ широкимъ плавникамъ большихъ морскихъ рыбъ. Дама подъ лиловымъ шелковымъ зонтикомъ ѣдетъ на воздушной „рикшѣ“. Въ головѣ у нея красный цвѣтокъ, а везущій ее „курума“, нагой, только съ повязкой на головѣ и кругомъ бедеръ, весь бронзовый, точно отлитый изъ мѣди, свободно и ровно бѣжитъ, отбивая мѣрный тактъ по полотну дороги.

Опять горы разступились, и зарѣяло передъ нами синее море, затуманенное и смѣшанное съ облачнымъ небомъ, съ пятнами темныхъ мысовъ и далекихъ, гористыхъ острововъ. Бѣлые паруса скользятъ по направленію къ нимъ и отъ нихъ. Вездѣ мирно трудятся люди. Среди полей подымаются одинокія головы поселянъ, полощихъ хлѣба. Они движутся такъ спокойно и осторожно, что сразу не отличишь ихъ отъ пугалъ на птицъ, густо разставленныхъ на поляхъ и одѣтыхъ въ такія же колпаковидныя колышущіяся шляпы. Они не надрываются, не мечутся, работаютъ тихо, но непрерывно...

Пассажировъ на станціяхъ множество, но нѣтъ суеты и замѣшательства. Бѣгаютъ исключительно носильщики въ красныхъ шапкахъ, разыскивая нуждающихся въ нихъ пассажировъ, да снуютъ продавцы съѣстнаго, напитковъ, папиросъ и газетъ.

— Бенто! Бенто! Ча!.. —твердятъ они монотонно.

Японія. Лавки въ Іокогамѣ.

За двѣ копѣйки можно купить хорошенькій чайничекъ съ чашечкой, полный горькаго японскаго чая. Къ этому чаю можно привыкнуть, но, къ сожалѣнію, японцы понятія не имѣютъ, что такое кипятокъ. Теплая и кипящая вода для нихъ одно и тоже, лишь бы настоялся чай. А такъ какъ теплая вода дешевле, потому что меньше требуетъ топлива, то они употребляютъ исключительно подогрѣтую воду. Не слѣдуетъ въ виду этого соблазняться красивой наружностью чайничковъ и пить эту, очень часто нездоровую, воду. Послѣдствія могутъ быть очень непріятны. Точно такой же чай даютъ и во всѣхъ японскихъ отеляхъ и чайныхъ домикахъ, развѣ что предусмотрительный путешественникъ заставитъ воду вскипятить при себѣ, благо тутъ же передъ нимъ первымъ дѣломъ ставятъ жаровню съ горящими углями.

Но съ напитками японскими можно бы еще помириться. Другое дѣло—ихъ пища. Къ послѣдней я никакъ не могъ привыкнуть и думаю, что поварскую японскую книгу сочиняло навѣрно одно изъ этихъ морскихъ чудовищъ, кусочки которыхъ обязательно включенъ въ меню всякаго японскаго обѣда или ужина. Нѣсколько разъ, чтобы провести опытъ до конца, я не бралъ съ собою въ дорогу провизіи и покупалъ продаваемыя на станціяхъ „бенто“. Выглядитъ оно чрезвычайно заманчиво: прекрасный, новенькій ящичекъ изъ тончайшаго луба перевязанъ растительнымъ волокномъ и застегнутъ колышкомъ. Прямо конфектная коробочка! Въ верхней перегородкѣ—бѣлый, прозрачный, превосходный рисъ. Недурно! Стоило бы только добавить хоть капельку соли или сахару, а то въ японскомъ приготовленіи этотъ великолѣпный рисъ очень смахиваетъ на

клейстеръ переплетчиковъ!.. Открываемъ второй ящикъ и радуемся за нашу покупку: мы вполнѣ вознаграждены за неудачу съ рисомъ. Коробочка полна какихъ-то вкуснѣйшихъ янтарныхъ фруктовъ, алыхъ и желтыхъ плодовъ, фіолетовыхъ маринадъ, расположенныхъ съ большимъ вкусомъ по чистому дну. Такъ все это красиво, что жаль трогать!.. И не совѣтую: эти прелести — ничто иное, какъ подкрашенный соленый и моченый лукъ, рѣпа, рѣдька, стручковый перецъ; они до того горьки, что слезы текутъ изъ глазъ у любопытныхъ, и, отвѣдавши ихъ, кряхтятъ даже сдержанные англичане... Есть еще тамъ рыба, соленая по-японски сухимъ засоломъ, безвкусная, какъ стружки; есть усы каракатицы и чьи-то плавники, есть пирожки изъ горховой муки, приторно-сладкіе и тягучіе... Все порядочная гадость! Бывалъ я и на званыхъ роскошныхъ японскихъ пирахъ -все то же, та же чудесно раскрашенная гадость!.. Вдобавокъ японцы все ѣдятъ холоднымъ или почти холоднымъ, одну рисовую водку пьютъ теплой. Все сразу подаютъ на подносѣ, по-китайски, въ маленькихъ лаковыхъ чашечкахъ и все заразъ ѣдятъ, поклевывая то тамъ, то сямъ своими столовыми палочками... Нѣтъ, не вѣрю, чтобы европеецъ могъ привыкнуть къ японской кухнѣ... Да такого я и не встрѣчалъ!

Къ счастью, со скорыми поѣздами всегда ходитъ теперь буфетъ. Вхожу и отыскиваю свободное мѣсто. Публики много. Въ отдаленіи вижу русскаго посланника, къ которому я (недавно) являлся въ Токіо, и мы обмѣниваемся поклонами. Онъ отправляется въ Портъ-Артуръ на свиданіе съ намѣстникомъ Алексѣевымъ. Баронъ Розенъ истинный сторонникъ мира, человѣкъ прямой и благородный, очень популяренъ въ Японіи.

Онъ все надѣется, что ему удастся остановить надвигающуюся грозу. Онъ придумываетъ все новыя комбинаціи, отодвигающія ужасныя событія, но у него есть сильные и вліятельные противники по ту сторону Желтаго моря, стремящіеся къ войнѣ. Японскія газеты полны сѣтованія на ихъ враждебныя козни. И, дѣйствительно, въ ихъ поведеніи часто много оскорбительного, вызывающаго, какъ напр. совершенно незаконное приказаніе *топить въ открытомъ морѣ* пойманные на хищическомъ промыслѣ японскія суда. Мой купецъ изъ Осака, который тоже сидитъ за однимъ изъ желѣзныхъ столиковъ въ узкой столовой, слѣдитъ подозрительно и недружелюбно за моими сношеніями съ русскимъ. Онъ задумчивъ. Можетъ быть, онъ теперь сожалѣетъ, что далъ мнѣ адресъ своей лавки? Наврядъ ли: скорѣе онъ прикидываетъ въ умѣ, сколько набавить на продаваемый мнѣ предположительно товаръ!

Ловкая японская прислуга всовываетъ мнѣ въ руки списокъ блюдъ съ расцѣнкой, чтобы такимъ образомъ облегчить мнѣ скуку ожиданія. Удивительная дешевизна: чашка бульона, жареная рыба, хлѣбъ, масло, бифштексъ, бутылка воды „Хирано“, сладкое, фрукты, чай—всего вволю за *60 копѣекъ*.

Сквозь широкія, хрустальныя окна столовой виденъ все тотъ же чудесный ландшафтъ по обѣимъ сторонамъ рельсовъ. Деревень—гибель, но не большія. Чаще всего два-три дома, рѣже строенія, соединяются въ небольшую улицу. Не то, что въ Хоккайдо! Не вижу тоже больше соломенныхъ крышъ,—все сѣрая черепица. На болѣе богатыхъ постройкахъ она съ глазурью и образуетъ по краямъ и гребню красивый бѣлый узоръ. Деревянныхъ построекъ тоже мало, все больше глино-

битныя. Замѣчаю среди полей одинокія строенія, какія-то крыши на столбахъ, которыхъ назначенія не могу угадать долгое время. Впослѣдствіи только я узналъ, что въ нихъ жгутъ солому, сушнякъ, соръ, сорныя травы на удобреніе. Въ селеніяхъ и усадьбахъ поразили меня красивыя каменныя житницы, высокія, съ вентиляторами и ассиметрично разставленными, неровными окнами. Кровли домовъ тоже иногда причудливо удлинены и завернуты сообразно хозяйственнымъ потребностямъ и направленію дождей. Вотъ гдѣ учились, вѣроятно, европейскіе сецессіонисты своимъ архитектурнымъ новинкамъ!

Солнце ярко свѣтитъ. Вода на рисовыхъ поляхъ сверкаетъ и сквозь сѣтку хлѣба мечетъ во всѣ стороны брызги огненныхъ искръ. Окрестности стали какія-то воздушныя. Даже грузныя нивы на откосахъ горъ кажутся повиснувшими въ лазури. Поѣздъ часто несется по карнизу крутаго обрыва. Внизу шумитъ рѣчка, и стелются волнующіяся нивы по край синяго моря. Кругомъ—деревни, деревни, мѣстечки, усадьбы... люди! По другую сторону поѣзда, часто выше его, тоже поднимаются ступенями все тѣ же поля, сады, гряды лука и рѣдьки, маленькіе пруды, полные лопастей лотоса... Иногда вся гора до самой вершины изсѣчена этими ступенями наводняемыхъ полей и кажется какой-то „лѣстницей Іакова“, упирающейся въ небо. Тамъ часто, въ зелени кустовъ и деревьевъ, прячется хорошенькій домикъ. Сквозь раздвинутыя стѣны его видны иногда сидящіе внутри съ поджатыми ногами мужчины у квадратнаго очага, прорубленнаго въ полу. Пузатый чайникъ виситъ на крючкѣ надъ огнемъ, а сбоку женщина на колѣняхъ ставитъ на низенькомъ столикѣ посуду.

Жарко. Низкая географическая широта даетъ себя сильно чувствовать. Все чаще и чаще въ садахъ кудрявятся перистыя пальмы, болѣе высокія и роскошныя, чѣмъ на сѣверъ отъ Токіо. Огромные свѣтлые листья банановъ поднимаются много выше кровель домовъ. Въ чащахъ надъ рѣчками преобладаетъ бамбукъ. На высотахъ—корявая японская сосна, а въ садахъ—все тѣ же туи, криптомеріи, гранатовое дерево, фикусъ, кленъ, кипарисъ и, конечно, вездѣ любимый населеніемъ полезный „киринъ“ съ бѣлою, легкою, звучною древесиной и широкими, мягкими листьями.

Прелестной японской ивы, украшенія рощъ Сѣверной и Центральной Японіи, а также краснолистныхъ тамошнихъ „суммаковъ“, дуба да ольхи -я вижу все меньше и меньше. Мало встрѣчается также,—по крайней мѣрѣ у полотна дороги, –плантацій шелковичнаго дерева и чайныхъ кустовъ. Въ архитектурѣ домовъ, въ группировкѣ растительности, чувствуется замѣтное вліяніе Китая. Конечно, всѣ эти строенія—тѣ же японскіе, чистенькіе, выстланные цыновками, домики-коробочки, свѣтлые, сквозные, легко просушиваемые, прекрасно примѣненные къ влажному, жаркому климату страны, гдѣ все легко и основательно плеснѣетъ, но въ архитектурѣ, въ украшеніяхъ, въ изгибахъ крышъ, въ рѣзьбѣ навѣсовъ и столбовъ,—уже нѣтъ той изящной простоты, закономѣрности, которая такъ восхищаетъ въ постройкахъ Сѣвера и Центра...

Опять большой городъ. Это—Фукуяма, столица провинціи Бинго, славящейся производствомъ толстыхъ, желтыхъ цыновокъ, употребляемыхъ на постилку половъ во всей Японіи. Плантаціи ситника, служащаго для ихъ выдѣлки, я давно замѣтилъ среди рисовыхъ полей. За

городомъ, на подъемѣ горы,—два старинныхъ замка здѣшнихъ дайміо. Бѣлые, многоэтажные, многокровельные, они напоминаютъ китайскія башни или пагоды.

Опять море уходитъ отъ насъ. Несемся среди горъ, по долинѣ, на днѣ которой вьется рѣчушка. Виды восхитительные, но трудно передать ихъ прелесть, такъ какъ вся она заключается въ неуловимыхъ отличіяхъ и оттѣнкахъ зелени. Вотъ мостикъ дугой надъ ручьемъ, по нему проходитъ вереница ребятишекъ. Вотъ водяная мельница стучитъ у небольшаго водопада,—рѣдкость въ этой странѣ, гдѣ совершенно не знаютъ вѣтряныхъ мельницъ. Рисъ не нуждается въ помолѣ. Не увидитъ также путешественникъ здѣсь нигдѣ дымовыхъ трубъ. Печей нѣтъ, дома согрѣваются зимой угольными грѣлками, а дымъ изъ кухонныхъ очаговъ уходитъ во время варки пищи сквозь дымовое отверстіе въ крышѣ. Зато часто на конькахъ кровли стоятъ бочки съ водой на случай пожара. Опять чудная зеленая куща нѣжнаго бамбука среди желтыхъ полей! Опять городокъ, брошенный на краю синяго залива! Пролетаемъ серединой его, чуть не касаясь стѣнъ и крышъ городскихъ строеній. На крышахъ поразвѣшано много полосъ цвѣтныхъ тканей. Въ Японіи вездѣ встрѣчаются на крышахъ небольшіе помосты съ лѣсами для раскрашиванія, отцвѣчиванія и просушки старыхъ и новыхъ тканей. Тамъ обыкновенно хозяйничаютъ женщины. Какъ-разъ одна изъ нихъ сходитъ внизъ; она остановилась на уровнѣ вагонныхъ оконъ. Протянутая ея ножка въ бѣломъ чулочкѣ чуть касается слѣдующей ступеньки, сильный рефлексъ бьетъ ей въ лицо отъ груды цвѣтныхъ матерій, которыя она прижимаетъ къ груди, а черные, продолговатые глаза смотрятъ задумчиво на пробѣгаю-

щій мимо поѣздъ. Позади нея—пропасть голубаго неба, такъ какъ тамъ оно сливается съ моремъ. Воздухъ до того чистъ, что отлично замѣтны крупныя булавки въ волосахъ японки. Край моря на большомъ протяженіи защищенъ здѣсь отъ волнъ высокою, крѣпкою, каменною стѣной, по верху которой пролегаетъ удобная, ровная дорога. Кое-гдѣ рядъ кривыхъ сосенъ окаймляетъ ее, и все это выглядитъ очень красиво въ просвѣтленномъ отблескомъ залива воздухѣ, особенно, когда мелькнетъ изящная фигурка японки подъ цвѣтнымъ зонтикомъ, съ яркою кокардой „оби“ на спинѣ.

Среди полей, на отнятомъ у моря побережьѣ, я замѣтилъ обширные сѣрые участки, раздѣленные на небольшіе плоскіе квадратные бассейны: здѣсь сгущаютъ выпариваніемъ морской разсолъ для выварки соли. Соль японская—прескверная, черная, горькая, и рыба, соленая въ ней, невкусна. Среди залива видны большіе и малые острова, похожіе на букеты зелени, брошенные на синеву моря. Кругомъ нихъ, точно бабочки, снуютъ бѣлые паруса.

Деревни, деревушки, одинокія усадьбы, часовенки, храмы, рыжіе конусы копенъ прошлогодней соломы, журавли колодцевъ для поливки огородовъ, крестьяне подъ зонтиками и безъ нихъ, въ шляпахъ, не уступающихъ размѣрами зонтамъ, постукивающіе сандаліями, колышущіяся своеобразно на ходу дѣвушки, „рикши“, беззвучно катящіе свои повозочки по плотно убитымъ дорогамъ, навьюченные буйволы, горы рисовыхъ кулей на желѣзнодорожныхъ товарныхъ платформахъ...

Поѣздъ медленно взбирается въ гору. Красныя складки возвышенностей уже закрыли хорошенькій городокъ Михара... Море увидимъ опять только около

Хирошима. Поѣздъ перебѣгаетъ постоянно съ одной стороны долины на другую, карабкается по карнизамъ отвѣсовъ, надъ обрывистымъ русломъ потока, клокочущаго съ шумомъ среди валуновъ. Солнце садится и исчезаетъ за вершинами горъ, оставляя за собою на небѣ золотое сіянье, тонкое, какъ старый японскій лакъ да насупротивъ розовый отблескъ на красныхъ горахъ. Низомъ стелются длинныя, влажныя тѣни. Надъ крестьянскими усадьбами носятся голубоватыя струи дыма, и кое-гдѣ мелькаютъ искры вечернихъ огней. Краткія южныя сумерки быстро переходятъ во мракъ. Надъ обрывистымъ краемъ горы блеснулъ узкій серпъ умирающаго мѣсяца. Глазъ уже не различаетъ бамбуковыхъ рощъ въ падяхъ горъ. Темная ночь закрываетъ окрестности передъ усталымъ взоромъ путешественника, съ сожалѣніемъ разстающагося съ этими очаровательными видами.

Гляжу въ темный квадратъ открытаго окна, гдѣ какъ-разъ напротивъ мерцаетъ далекая Полярная Звѣзда, и думаю о промелькнувшей передо мною странѣ и ея жителяхъ.

Страна сказочной красоты! Жители-же?!. Я уже такъ много говорилъ о качествахъ японцевъ, что теперь буду говорить объ ихъ недостаткахъ!

Японцы въ общемъ некрасивы. Цвѣтъ лица у нихъ непріятный, землистый; глаза узкіе и безъ выраженія; зубы кривые, рѣдкіе, торчащіе впередъ. Много среди нихъ больныхъ накожными болѣзнями, много золотушныхъ, малокровныхъ, покрытыхъ паршами, лишаями, экземой и вередами, много слѣпыхъ и страдающихъ глазами... Возможно, что это—результатъ прежней легкости японскихъ нравовъ или тѣхъ горячихъ

ежедневныхъ ваннъ, которыя японцы привыкли принимать и которыя къ тому же всѣ лица, живущія въ одномъ домѣ, принимаютъ въ одной и той же водѣ. То же самое происходитъ и въ японскихъ гостиницахъ и въ рабочихъ помѣщеніяхъ. Сберегаетъ это очень расходы на топливо, но... въ результатѣ въ чистой Японіи ничуть не меньше накожныхъ болѣзней, чѣмъ въ грязномъ Китаѣ.

Японцы выносливы и довольно крѣпки; мышцы у нихъ развиты недурно, но они далеко уступаютъ европейцамъ въ силѣ и въ способности къ быстрому и стремительному проявленію энергіи. Вообще, они производятъ впечатлѣніе расы изжившейся, старческой, требующей обязательно физіологическаго обновленія. Повидимому, они сами это чувствуютъ, такъ какъ ко мнѣ нѣсколько разъ обращались разныя лица съ вопросомъ, что, по моему мнѣнію, нужно для физическаго возрожденія народа. Въ школахъ преподается гимнастика, молодежь дѣлаетъ часто экскурсіи, играетъ въ англійскія игры на открытомъ воздухѣ. Правительство усиленно старается привить употребленіе стульевъ, такъ какъ врачи находятъ, что обычай японцевъ сидѣть,— скорѣе, стоять на колѣняхъ дома въ согнутой позѣ,— дурно вліяетъ на развитіе груди и сердца. Отсюда, говорятъ,—сильное расположеніе японцевъ къ ужасной болѣзни „бери-бери“.

Предполагаю все-таки, что болѣе глубокія и благотворныя измѣненія произведетъ перемѣна питанія, вынужденная замѣна дорогой рыбы болѣе дешевымъ мясомъ, яйцами, молокомъ. Важное, затѣмъ, значеніе сыграетъ въ обновленіи японцевъ общее исправленіе нравовъ, надъ которымъ сильно работаетъ въ настоящее

время молодая японская публицистика и вообще японская молодежь.

Нечего таить: веселая распущенность глубоко проникла въ обычаи японцевъ и разсматривается большинствомъ не какъ порокъ, но скорѣе какъ невинная шутка. Клубничные разговоры—любимая вещь во всѣхъ слояхъ общества. Неприличныя картинки, книжки, статуэтки доступны всѣмъ, дешевы и широко распространены, хотя нужно признать, что онѣ и въ сотой долѣ не заключаютъ въ себѣ того цинизма и утонченнаго разврата, какъ китайскія или европейскія издѣлія того же рода. Тѣмъ не менѣе, онѣ производятъ на воображеніе народа свое разрушительное дѣйствіе. У каждой почти японки среднихъ и низшихъ сословій, особенно въ уголкахъ, не затронутыхъ европейскимъ вліяніемъ, можно найти въ ея маленькомъ, изящномъ портфельчикѣ, за поясомъ, неприличную картинку „шюпга“ носимую въ защиту отъ „дурнаго глаза“. Недавно еще существовалъ обычай, что матери, тетушки, бабушки, вообще пожилыя родственницы, вкладывали потихоньку подрастающимъ дѣвушкамъ въ коробки съ новогодними подарками такія „шюнга“, чтобы побудить ихъ скорѣе выйти замужъ и поучить ожидающей ихъ участи. Такія картинки вкладывала жена мужу, уѣзжающему въ дальній путь или на войну,—это затѣмъ, чтобы онъ тосковалъ за ней,—и т. д. То, что у насъ, хотя и существуетъ, уже скрывается по позорнымъ закоулкамъ, въ Японіи существуетъ еще часто въ видѣ полупризнаннаго обычая и вызываетъ не стыдъ или отвращеніе но смѣхъ.

Надо полагать, что этотъ нравственный ракъ скоро исчезнетъ, такъ какъ японцы умѣютъ достигать намѣ-

ченныхъ цѣлей и страстно желаютъ возрожденія и свѣтлой, счастливой будущности для своей родины. А обновленіе безъ чистоты нравовъ невозможно! Умственныя и сердечныя качества японцевъ мнѣ мало удалось узнать.—Они обязательны, но только до извѣстнаго предѣла, дальше котораго они неохотно пускаютъ не только иностранца, но и своего сосѣда туземца.

Тайной, по всей вѣроятности, останется для меня, какимъ это образомъ дѣлается, что эти великолѣпные хозяева и финансисты, эти прозорливые и разумные государственные дѣятели, эти отличные инженеры, механики, архитекторы и моряки, несравненные исполнители разъ предначертанныхъ плановъ, кажутся порознь такими... тиходумами. Я объясняю это себѣ такъ, что умъ японскій въ каждый данный моментъ захватываетъ огромное пространство всякаго явленія и замѣчаетъ сразу большое количество подробностей, мѣшающихъ ему быстро разбираться. Это тотъ же недостатокъ перспективы, что и въ живописи. Повидимому, японцы сознаютъ это свойство своего ума и поэтому не любятъ ни быстрыхъ рѣшеній, ни скорыхъ обобщеній. Любятъ все обсудить загодя и затѣмъ уже систематично и упорно приводить рѣшеніе свое въ исполненіе. Достаточно наблюдать японскаго ремесленника или художника за работой, чтобы прійти къ вышесказанному заключенію. Языкъ японскій многословный, кружный, полонъ однозвучныхъ словъ, для поясненія которыхъ приходится постоянно прибѣгать къ оговоркамъ или китайскимъ іероглифамъ. А вѣдь извѣстно, что китайскіе іероглифы представляютъ собою кандалы для человѣческой мысли. Всякій японецъ теряетъ по крайней мѣрѣ 5—6 лѣтъ въ своей юности на изученіе 3.000 необходимыхъ ему зна-

ковъ. Это—такой большой налогъ на память, что она развивается необходимо въ ущербъ другимъ способностямъ; не слѣдуетъ поэтому удивляться, что японцы... тиходумы. Знаютъ это вожди японскаго народа и рады бы помочь горю, мечтаютъ даже ввести латинскій алфавитъ. Но въ странѣ, такой просвѣщенной, гдѣ всѣ грамотны, гдѣ книги и газеты —насущный хлѣбъ, такая реформа крайне трудна, требуетъ большого напряженія умственныхъ народныхъ силъ и ведетъ къ крупнымъ матеріальнымъ убыткамъ. Неизвѣстно, произойдетъ ли она даже когда-нибудь, такъ какъ противъ нея теперь нелѣпая японская подозрительность и просыпающееся національное самомнѣніе.

„Если *они* будутъ все читать, *они* будутъ все знать“,—говорятъ одни. Они, это —европейцы.

„Хотя и трудно, но пусть учатся европейцы, разъ хотятъ насъ изучать“,—говорятъ другіе. Но не настолько уже интересны сокровища японской словесности, чтобы ради нихъ преодолѣвать цѣлый лѣсъ нелѣпыхъ знаковъ. Все, что у нихъ тамъ есть лучшаго, давно было у китайцевъ и переведено уже европейцами.

Въ общемъ японцы произвели на меня впечатлѣніе тѣхъ иногда высоко-талантливыхъ живописцевъ, которые кажутся тупицами, благодаря тому, что душа ихъ умѣетъ выражаться только въ краскахъ да линіяхъ. У японцевъ не было въ прошломъ даже такихъ мыслителей, какъ Конфуцій и Ляотсе, которыхъ взгляды, какъ-ни-какъ, охватывали широкіе горизонты; у нихъ не было религіозныхъ реформаторовъ и вообще мечтателей... Какъ природные живописцы, они дали человѣчеству только нѣсколько дѣйствительно крупныхъ *акварелистовъ*, дали міру образцы особаго рода живописи, новыя сочетанія красокъ и линій...

Въ словесности они высшаго совершенства достигли въ наиболѣе пластичной и колоритной его вѣтви—въ театрѣ. Театръ ихъ крайне своеобразенъ и великолѣпенъ; я все свободное время проводилъ въ японскихъ театрахъ и отдыхалъ въ нихъ душою, наслаждаясь высокимъ и мастерскимъ ихъ творчествомъ.

Хотя японцы набожнѣе китайцевъ, но они мало религіозны; буддизмъ они приняли у китайцевъ въ одной изъ самыхъ языческихъ, испорченныхъ, тибетско-китайскихъ его формъ; христіанство среди нихъ не прививается; шинтоизмъ,—національная японская религія,—ничто иное, какъ собраніе легендъ о герояхъ и вождяхъ народа, очень напоминающихъ наивный политеизмъ первобытныхъ грековъ.

„Это—даже не религія“,—говорили мнѣ сами японцы.

Между тѣмъ я часто замѣчалъ японцевъ въ отеляхъ и собственныхъ ихъ домахъ, погруженныхъ въ глубокое раздумье.

— О чемъ думаютъ они? Скажите мнѣ?...—спросилъ я какъ-то интеллигентнаго, хорошо мнѣ знакомаго туземца.—Не думаютъ ли они о будущей жизни, о смерти?

— Это—черезчуръ грустный предметъ. Объ этомъ слѣдуетъ думать старикамъ.

— Такъ, можетъ-быть, размышляютъ они о началѣ вещей?

— Напрасная трата времени! Этого никто не узнаетъ!

— Такъ, можетъ-быть, они разбираются въ самихъ себѣ, въ своихъ чувствахъ?

Японецъ иронически улыбнулся.

— Скажу вамъ правду: они думаютъ о дѣлахъ!

Полагаю, что это не всегда вѣрно. Я припоминаю,

какъ-разъ черезъ нѣсколько дней по моемъ выѣздѣ изъ Никко тамъ утопился въ красивѣйшемъ изъ водопадовъ молодой токійскій студентъ, оставившій на стволѣ дерева слѣдующую надпись: „Здѣсь я понялъ, что ничего никогда не узнаю!.. Поэтому ухожу!“ Но этотъ юноша, оказывается, порядочно-таки глотнулъ европейской философіи.

Отъ природы душа японца склонна къ позитивизму; чувства ихъ нѣжны, изящны, но всегда подернуты легкимъ пушкомъ скептицизма.

Разсказывали мнѣ въ свое время путешествующіе по Европѣ японцы о скрытыхъ глубинахъ необыкновенно замкнутой японской природы. Сознаюсь, виноватъ, я этихъ глубинъ не сумѣлъ отыскать. За то нашлись такія лица, которыя послѣ долгаго пребыванія въ Японіи прямо отрицали ихъ.

„Тамъ нѣтъ ничего. Тамъ пустыня! Подозрительность убила въ Японіи дружбу, а развратъ убилъ любовь!“—говорили они.

Несомнѣнно, что это невѣрно, но сами японцы утверждали, что имъ совершенно чужда необходимость тѣснаго единенія, обоюднаго заглядыванія „на дно сердецъ“, что придаетъ столько прелести европейскимъ личнымъ связямъ. Они вѣжливы, услужливы, крайне пріятны въ общежитіи, но замкнуты.—„Я вамъ говорю, что они не показываютъ ничего!.. Въ этихъ крѣпко запертыхъ коробочкахъ нѣтъ ничего, кромѣ пустяковъ и необозримаго эгоизма!“—твердилъ все тотъ же недругъ японцевъ.

Это ужъ безусловно неправда. Подозрѣваю и я, что у большинства тамъ нѣтъ этихъ баснословныхъ сокровищъ, въ существованіи которыхъ старались меня увѣрить сами японцы. Но среди разнообразныхъ арти-

стическихъ бездѣлушекъ, засушенныхъ цвѣтовъ, стиховъ, замѣтокъ живописныхъ воспоминаній и живо изображенныхъ волненій, припрятаны тамъ у японцевъ двѣ драгоцѣнности высшаго сорта и отборнаго качества—страстная любовь къ родинѣ и наивная, трогательная вѣра въ науку, которая выведетъ современемъ эту безконечно ими любимую Японію изъ мутнаго, соннаго восточнаго водоворота на общечеловѣческіе, ясные и широкіе пути...

Пожалуй, что это—единственный извѣстный мнѣ предметъ, способный вызывать энтузіазмъ во всякомъ *безъ исключенія* японцѣ. А если у народа есть хотя одно божество, которое онъ любитъ больше жизни и денегъ, то у него есть неотъемлемые задатки для славнаго, геройскаго будущаго.

Обладаютъ къ тому же японцы крѣпкою, закаленною волей и презрѣніемъ опасностей. Они мужественны, любятъ доблесть, великодушіе, справедливость и ненавидятъ половинчатость и грубость. Былъ такой случай. Въ Хакодате пришелъ пароходъ Добровольнаго Флота, какъ всегда съ большимъ опозданіемъ. Капитанъ пожелалъ наверстать потерянное время и сталъ руганью понукать углегрузильщиковъ, вопреки совѣтамъ хакодатскаго консула. Но чѣмъ больше онъ ругалъ, тѣмъ тише работали рабочіе, и наконецъ они оставили работу. Пароходъ ушелъ, не догрузившись. А вѣдь все это были бѣдняки, живущіе на скудный поденный заработокъ. До сихъ поръ они не допустили завоевателя стать на ихъ территоріи. И они справедливо гордятся этимъ.

„Побѣда или... харакири!“ Такое рѣшеніе—хорошее дѣло. Когда одинъ изъ Чингисхидовъ послалъ свои полчища въ Японію, японцы уничтожили ихъ совсѣмъ

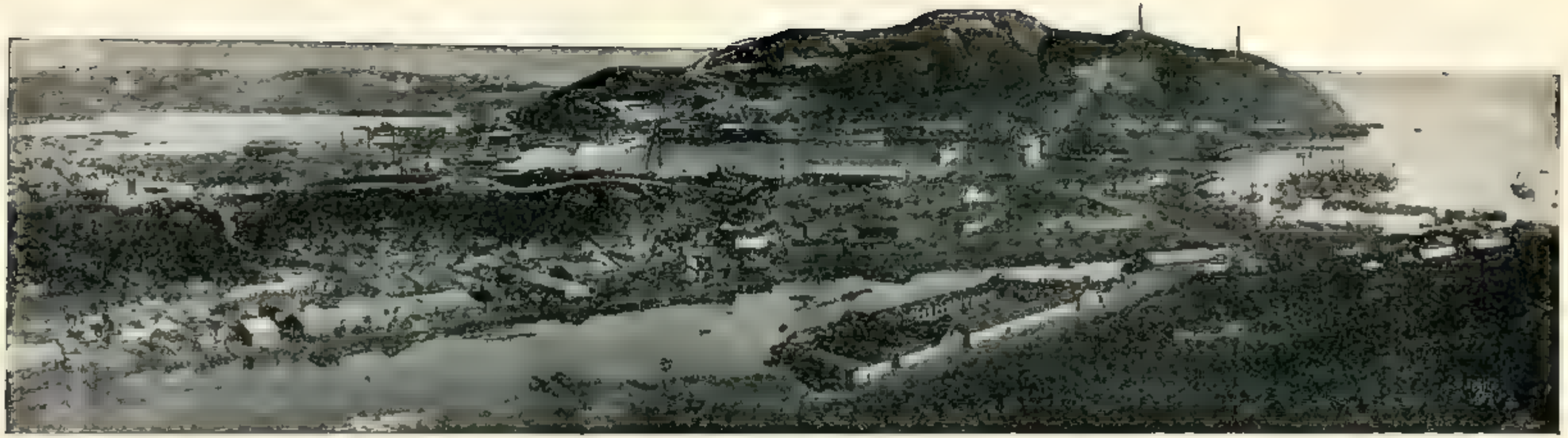
„Три только вернулись воина: мы ихъ оставили, чтобы они оповѣстили другихъ о своемъ пораженіи!..“— разсказывали мнѣ съ гордостью молодые японцы.

Но военная слава обоюдуостра, и одно ея жало вонзается всегда во внутренности побѣдителя.

Искренно желаю милому японскому народу, чтобы онъ избѣжалъ упомянутаго увѣчья, чтобы сохранилъ только столько воинственности, сколько нужно для защиты собственной независимости, и чтобы остальныя свои силы онъ направилъ по тѣмъ путямъ, гдѣ раньше или позже встрѣтятся всѣ хорошіе люди и по которымъ народы пойдутъ къ братству и общенію въ духѣ справедливости и совершенствованія. На этихъ путяхъ ждетъ Японію возвышенная роль руководительницы и защитницы Дальняго Востока. Дѣятельность ея и Европѣ будетъ косвенно полезна, такъ какъ она научитъ послѣднюю уважать людей другаго цвѣта и вида. Очень жаль, что большинство европейцевъ необходимо убѣждать въ этомъ ударомъ кулака!

Прощай, прекрасная Японія!.. Старайся поступать лучше насъ!..

Нагасаки, 30-го сентября 1903 г.



Портъ-Артуръ.

Китай.

Таку. Тянь-цзинь. Пекинъ. Шанхай.

Порядочно-таки покачало насъ 12-го ноября (н. ст.) при переѣздѣ изъ Портъ-Артура въ Чифу. Маленькій, грязный пароходикъ Манчжурской желѣзной дороги съ трудомъ справлялся съ волнами, кряхтѣлъ и стопалъ. Только въ самой бухтѣ волны ослабѣли. Вдали подымались красные, гористые берега, не такіе крутые, какъ корейскіе, но въ такой же мѣрѣ унылые и голые. Грязно-синее море колыхалось въ обширной, открытой вырѣзкѣ этихъ горъ. Впереди, на высокомъ обрывѣ, видпѣлись европейскія постройки; внизу среди темныхъ судовъ рѣзкимъ пятномъ выдѣлялся бѣлый корпусъ броненосца. Мимо шныряли „джонки“ съ большими бамбуковыми парусами, просвѣчивающими противъ солнца, проходили рыбачьи лодки съ тупыми носами. Волна нашего парохода сильно ихъ колыхала и затопляла ихъ низкіе борта; оборванные китайскіе рыбаки равнодушно глядѣли на насъ и на нашу суетню. Пароходъ бросилъ якорь въ ста саженяхъ отъ берега. Сейчасъ же обступило насъ полчище тяжелыхъ, тупоносыхъ „сампановъ“. Лодочники дерутся, орутъ, безпорядочно жмутся къ намъ. Узнаю, что сегодня еще уходитъ въ Тянь-цзинь англійскій пароходъ „Sheukeng“. Онъ стоитъ тутъ же

недалеко въ гавани. Перебираюсь туда немедленно съ вещами. Капитанъ—любезный и обстоятельный, пароходъ—чистенькій, изящный. Зато дорого: есть только первый классъ, и за полуторасуточный проѣздъ взимаютъ съ пассажира *тридцать пять* долларовъ. Но выбора у меня не было. Ждать другаго парохода въ такомъ пропащемъ мѣстѣ, какъ Чифу стоило бы много больше.

За билетомъ пришлось отправиться на берегъ, въ агентство. Контора была еще закрыта; мнѣ объяснили, что открываютъ ее *ровно* въ десять—ни минуты раньше, ни минуты позже. Отправляюсь позавтракать и побродить по городу. Въ лучшей здѣшней гостиницѣ „Beach Hotel"—грязно, неопрятно и неуютно, какъ въ кабакѣ. Что за разница, хотя бы съ такой второстепенной гостиницей, какъ „Даибутсу" въ Чемульпо. Но цѣны порядочныя; за скверный завтракъ съ меня спросили долларъ.

Послѣ завтрака отправляюсь въ китайскій городъ. Узкія, грязныя улицы буквально запружены толпами вонючихъ, горланящихъ людей. Относительно спокойно ведутъ себя только тѣ, что, мирно присѣвши у обжорныхъ лавокъ, ѣдятъ изъ маленькихъ чашекъ какую-то подозрительную смѣсь всѣхъ плодовъ земли и моря. Мимо проходятъ вереницы муловъ, буйволовъ,ословъ, людей, донельзя нагруженыхъ тюками и всякимъ добромъ. Они постоянно сталкиваются, кричатъ, ругаются. Кругомъ дикія, немытыя, нечесаныя, загорѣлыя рожи, но взгляды веселые и добродушные. Многіе, встрѣтившись со мной глазами, улыбаются мнѣ. Впрочемъ, вообще на меня обращаютъ мало вниманія: очевидно, приглядѣлись къ европейцамъ. И только когда я за-

брался подальше въ городъ, въ менѣе посѣщаемые пріѣзжими и предпринимателями кварталы, мое появленіе стало производить впечатлѣніе. Изъ узенькихъ воротъ, закрытыхъ со двора деревянными или кирпичными щитами, стали выскакивать дѣти, высовываться китаянки въ цвѣтныхъ, широкихъ, какъ двѣ юбки, рейтузахъ, съ маленькими, копытцеобразными ножками. У болѣе молодыхъ, сильно набѣленныхъ и нарумяненныхъ, алѣли посрединѣ губъ карминныя пятна, тѣмъ болѣе яркія, чѣмъ моложе и миловиднѣе была ихъ носительница. Въ высоко подобранныхъ и намотанныхъ искусно на какія-то дощечки прическахъ дрожали и колыхались искусственные цвѣты и дорогія воздушныя булавки изъ перышекъ голубой сойки. Извѣстно, что женщина должна походить на цвѣтокъ или бабочку! Однѣ простолюдинки не отличаются въ Чифу почти ничѣмъ отъ своихъ мужей, исключая прически, и такъ же тяжело работаютъ, какъ мужчины. Но у всѣхъ ноги изуродованы, и этому-то, я думаю, слѣдуетъ приписать, что китаянки не носятъ никогда такихъ тяжестей, какія я видѣлъ на головахъ и плечахъ великолѣпныхъ корейскихъ женъ.

Наконецъ, я забрелъ въ такія отдаленныя и до того ужасныя трущобы, что меня взяла оторопь. Ничего подобнаго я никогда не видѣлъ до сихъ поръ. Нищета неописуемая, грязь непролазная. Отъ запаха разлагающихся кучъ спирало дыханіе. Среди сугробовъ сора, у сѣрыхъ, облупившихся стѣнъ валялись трупы дохлыхъ собакъ и кошекъ. А среди всего этого бродили опарившія собаки и жалкія человѣческія фигуры. Здѣсь я уже не встрѣчалъ улыбокъ. Безпокойные, воспаленные взгляды провалившихся глазъ слѣдили за мной скорѣе

какъ за добычей. Полуодѣтые люди стали исподоволь ко мнѣ приближаться. Они вскрикивали что-то жалобно по временамъ и показывали на свои рты, но, хотя жалость и пробирала меня, я понималъ всю безразсудность появленія въ моихъ рукахъ кошелька въ этой обстановкѣ... Я тихо отступалъ по пустыннымъ переулкамъ, похожимъ на щели въ скалахъ. Нищіе все шли за мной, указывая на свои рты. Исчезли они только среди городской толпы, ловко подхвативши на лету брошенную имъ монету. Я обернулся и увидѣлъ неподалеку китайскаго полицейскаго съ толстой дубиной въ рукахъ.

Большинство пассажировъ на „Shenkeng'ѣ“ были англичане. Нѣсколько французовъ разъ только появились у табльдота и затѣмъ исчезли. Были и дамы. Одна молодая красивая лэди ѣхала *на недѣлю* изъ Шанхая погостить въ Пекинъ. Никто не сопровождалъ ее, но всѣ выказывали ей спокойную, англійскую предупредительность.

Другая была уже пожилая барыня, сопровождавшая, повидимому, сына въ его дѣловомъ путешествіи. Конечно, среди путешественниковъ нашелся и обязательный нынѣ „globe-trotter“, собиравшійся охотиться въ Кореѣ на фазановъ. Узнавши, что я ѣду оттуда, онъ принялся выспрашивать меня, не знаю ли я мѣстъ, особенно пригодныхъ для этой цѣли.

— Конечно, фазановъ больше въ горахъ, но вѣдь тамъ вѣрно уже выпалъ снѣгъ.

Англичанинъ пожалъ плечами съ печальнымъ изумленіемъ.

— Снѣгъ?! Теперь?! Въ такой южной странѣ?! Невѣроятно.

Чифу. Европейскій кварталъ.

Къ позднему обѣду всѣ мы, какъ полагается, должны были явиться въ визитныхъ костюмахъ, и молодая лэди вышла изящно одѣтая. Сознаюсь, что мнѣ понравился этотъ обычай. Пріятно на фонѣ чуждаго намъ Востока увидѣть изящную европейку, и самому пріятно тоже немного подтянуться послѣ кочеванія по аинскимъ и корейскимъ избамъ.

Вечерѣло. Огромное малиновое, какъ въ Японіи, солнце закатывалось за далекіе, гористые, туче-образные берега. Длинныя спиральныя облака на небѣ предсказывали тайфунъ.

Дѣйствительно, ночью насъ такъ качало, что мой сундукъ, путешествуя по каютѣ, попалъ ко мнѣ на постель и разбудилъ меня. Не скажу, чтобы я особенно этому обрадовался; правда, я спасъ отъ поврежденія сундукъ, но среди грохота набѣгавшихъ на насъ волнъ, среди водоворота качавшихся кругомъ стѣнъ и сотрясеній ежеминутно всплывавшаго и бившаго по воздуху пароходнаго винта, я уснуть уже не могъ. Къ счастью, все это продолжалось нѣсколько часовъ,—крыло бури едва коснулось насъ.

Когда я проснулся на слѣдующій день утромъ, солнце уже высоко поднялось, и наше судно весело мчалось по слабо волнующейся безпредѣльной глади моря, блестящей и желтой, какъ мантія самого богдыхана. Желтая муть кругомъ окрашивала море. Вскорѣ вдали обозначилась темная нить низкихъ береговъ. Подбитая снизу отблескомъ солнца, она, казалось, висѣла въ воздухѣ, разбитая на отдѣльныя точки и черточки. Мало-по-малу эти черточки увеличивались, темнѣли, наконецъ, образовали сплошной изсѣра-желтый, плоскій материкъ. На немъ тамъ и сямъ щетинились кучки

корабельныхъ мачтъ, черѣли и бѣлѣли угловатыя зданія складовъ да остатки земляныхъ китайскихъ укрѣпленій. На вершинахъ послѣднихъ развѣвались японскіе и французскіе флаги и виднѣлись часовые. Нѣмцы засѣли подальше, поудобнѣе, у полотна желѣзной дороги.

Вскорѣ прибѣжалъ маленькій пароходикъ и сообщилъ, что воды въ рѣкѣ мало и баръ пройти нельзя. Капитанъ объявилъ намъ, что онъ принужденъ разгружаться здѣсь и въ Тянь-цзинь надѣется попасть не раньше, какъ черезъ два дня. Онъ предложилъ намъ отправиться по желѣзной дорогѣ, платы, впрочемъ, не вернулъ. Не совсѣмъ это показалось мнѣ добросовѣстнымъ—взять за суточный переѣздъ 35 долларовъ, зная впередъ, что вода не позволитъ пойти дальше Таку, но дѣлать было нечего, такъ какъ каждому изъ протестующихъ предоставлялось право ждать, сколько угодно, на пароходѣ. Безусловно только весною и лѣтомъ стоитъ брать билеты прямо до Тянь-цзиня, да и стоитъ ли еще вообще, такъ какъ по желѣзной дорогѣ выгадывается нѣсколько часовъ времени, а неудобства пересадки совсѣмъ ничтожныя.

На желѣзнодорожной пристани крикъ, суетня, безпорядокъ. Полицейскихъ—что-то четыре человѣка. Все рослые, дюжіе молодцы въ черныхъ чалмахъ и черныхъ мундирахъ въ обтяжку, съ красными іероглифами на груди. У каждаго въ рукахъ толстая дубинка, но зачѣмъ они стояли на пристани, я положительно не знаю, такъ какъ они проявляли полное равнодушіе и къ безпорядку, и къ жалобамъ пассажировъ. Что за разница съ японскими полицейскими, которыхъ на такихъ пристаняхъ обыкновенно одинъ, максимумъ двое, зато каждый хотя немного знаетъ по-англійски и неусыпно

блюдетъ за строгимъ соблюденіемъ порядка. какъ Такъ въ Китаѣ понятія не имѣютъ о таксѣ, то путешественникъ все время подвергается разнымъ надувательствамъ и злоупотребленіямъ со стороны всѣхъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло... Носильщики, рикши, лодочники то и дѣло вырываютъ у него изъ рукъ багажъ, разбѣгаются въ разныя стороны безъ вниманія къ его мольбамъ или приказаніямъ, которыхъ они, конечно, не понимаютъ... Въ концѣ-концовъ требуютъ платы за все, хотя бы даже занесли вещи куда не слѣдуетъ; они дергаютъ туриста за платье, взмахиваютъ передъ его носомъ кулаками и неумолчно кричатъ: „money“. Каждый проситъ обязательно долларъ, даже за пройденную сотню шаговъ... Ни одинъ изъ нихъ самъ по себѣ не возьметъ двухъ узелковъ, какъ бы они ни были малы и какъ бы самъ онъ ни былъ силенъ. Я зналъ уже хорошо всѣ эти китайскіе пріемы, которые причинили мнѣ уже много непріятностей въ свое время въ Манчжуріи, и теперь я преспокойно ждалъ, пока они перестанутъ кричать, а тогда обратился къ прилично одѣтому китайцу съ вопросомъ, сколько имъ дѣйствительно за работу слѣдуетъ. Тотъ говорилъ по-англійски, но сообщилъ мнѣ только,—сколько его земляки съ меня *требуютъ*, сколько же имъ *слѣдуетъ*, этого онъ сообщить не пожелалъ. И такъ всегда: полная солидарность всѣхъ китайцевъ въ сношеніяхъ съ европейцами. И здѣсь я долженъ отмѣтить разницу въ поведеніи японцевъ, которые хотя и назначаютъ для иностранцевъ болѣе высокія цѣны, тѣмъ не менѣе не допускаютъ произвола и безграничнаго надувательства въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Послѣ продолжительнаго ожиданія поѣздъ наконецъ былъ доставленъ на станцію, и пассажиры стали уса-

живаться. Опять пришлось платить за нагрузку багажа въ вагонъ. Здѣсь не выдаютъ багажныхъ квитанцій. Каждый долженъ самъ смотрѣть за своими вещами, на которыхъ только наклеиваютъ по указанію собственника бумажки съ названіями станцій. Въ багажномъ вагонѣ толкотня страшная. Нужно сдать вещи багажному на попеченіе за мелкую плату. Говорятъ, что случаи пропажи крайне рѣдки. Я сдавалъ такъ три раза по пяти штукъ довольно мелкихъ вещей, и ни одна не затерялась.

Сорокъ пять англійскихъ миль, отдѣляющихъ Таку отъ Тянь-цзиня, поѣздъ проходитъ въ 1½ часа. Мѣстность ровная, болотистая, солонцеватая. Желѣзнодорожныя станціи охраняются войсками французскими, германскими и китайскими. Китайскіе солдаты смотрятъ очень браво; они, по большей части, стройны, высоки и ловки—молодецъ къ молодцу. Ближе къ морю мѣстность пустынная, но дальше деревушки, пашни и кладбища все учащаются. Много фанзъ сожженныхъ и разрушенныхъ. Со мной какъ-разъ ѣхалъ въ томъ же купэ участникъ злосчастной войны, выдержавшій въ Тянь-цзинѣ осаду. Онъ говорилъ, что весь путь отъ Таку вплоть до Пекина послѣ прохода европейскихъ войскъ былъ усѣянъ развалинами и убитыми. Тѣла мужчинъ, женщинъ, дѣтей густо валялись на поляхъ, а еще гуще плыли по Пэй-хо.

- И долго было здѣсь пусто и страшно, точно кто-то провелъ по странѣ кровавой рукой.

Вполнѣ вѣрю, что было и страшно и стыдно... и ничуть теперь не удивляюсь, что китайскіе кули стремятся обобрать меня дочиста. Они въ своемъ правѣ!

Въ Тянь-цзинь мы прибыли подъ-вечеръ. Я уже не

пытался достигнуть соглашенія съ кули и обратился прямо къ агенту гостиницы „D'Arc“, — китайцу съ большимъ фонаремъ съ соотвѣтственною надписью. Тотъ усадилъ меня въ полуоткрытый шарабанъ, куда присмирѣвшіе сразу носильщики уложили мои вещи. Мы медленно двинулись по улицамъ, расталкивая мулами снующую густую толпу съ ношами, узелками и обязательными фонарями. Эти сонмы огоньковъ, движущихся низко надъ землей и сочетающихся въ самыя причудливыя змѣйки, линіи и созвѣздія, придаютъ особый характеръ ночному виду городовъ Дальняго Востока. Не видно тѣхъ, кто несетъ фонари, и кажется, будто послѣдніе плывутъ по воздуху самостоятельно, повинуясь собственнымъ таинственнымъ законамъ. Изрѣдка только вынырнетъ изъ мрака рука, нога или лицо прохожаго, колесо пролетающей мимо „рикши“, морда мула—и опять тонетъ, точно въ брызгахъ пѣны въ пятнахъ мрака и свѣта, движущихся вмѣстѣ съ толпой.

По жалкому деревянному мосту безъ барьера, шириной едва въ двѣ съ половиною сажени, запруженному людьми и рикшами, мы перебрались на ту сторону Пэй-хо въ чистый и богатый европейскій сэтльментъ.

Поутру я поѣхалъ осматривать городъ. Китайская часть шумна, грязна, суетлива—ничѣмъ не отличается отъ другихъ китайскихъ городовъ, развѣ только англійскими надписями на многихъ вывѣскахъ да большимъ присутствіемъ иностранцевъ на улицахъ. Чаще всего мнѣ попадались японцы; и японскихъ лавокъ видѣлъ я въ китайскомъ городѣ больше, чѣмъ другихъ. Европейскій кварталъ представляетъ прекрасный, не совсѣмъ еще застроенный абрисъ города съ широкими улицами, обсаженными деревьями, съ ровной, шоссированной

мостовой. Дома—двухъэтажные, часто съ архитектурными затѣями. Впрочемъ, въ архитектурѣ господствуетъ некрасивый, казарменно-торговый стиль. Преобладаютъ склады, присутственныя мѣста, конторы, банки. Слѣды разрушенія исчезаютъ. Ратуша починена, развалины во многихъ мѣстахъ прибраны. Исчезъ только великолѣпный католическій соборъ на берегахъ Пэй-хо, разрушенный почти до основанія боксерами, да рядъ домовъ на набережной. На перекресткахъ улицъ въ сэтльментѣ наблюдаютъ за порядкомъ полицейскіе: стройные „сикки“ въ цвѣтныхъ чалмахъ, да наемная китайская полиція въ особыхъ мундирахъ. У всякаго европейскаго государства здѣсь своя почта, но существуетъ еще китайская почта таможеннаго управленія. Она прекрасно работаетъ подъ руководствомъ англичанъ, хотя внутрь Китая писемъ не отправляетъ; тамъ по старой памяти дѣйствуютъ еще торговыя почты купеческихъ союзовъ или богатыхъ отдѣльныхъ фирмъ.

Ежедневно уходитъ изъ Тянь-цзиня въ Пекинъ нѣсколько поѣздовъ, но самый удобный, это—скорый, идущій прямо изъ Инь-коу и Шанхай-гуаня. Онъ согласованъ съ поѣздомъ Манчжурской желѣзной дороги, и въ настоящее время, когда на р. Ляо-хэ построенъ временный желѣзнодорожный деревянный мостъ, можно проѣхать изъ Москвы въ Пекинъ всего лишь съ двумя пересадками: на Байкалѣ, да въ Дальнемъ.

На желѣзнодорожной станціи тотъ же китайскій безпорядокъ, шумъ и суета, хотя поѣздъ провожаетъ полиція чуть ли не всего міра: кромѣ китайскихъ полицейскихъ, я замѣтилъ обязательныхъ „сикковъ“, чистенькихъ японцевъ да еще германскихъ и французскихъ солдатъ. Повидимому, всѣ они привезли и караулили

Китай. Тьенъ-Щейнъ. Европейскій кварталъ.

свою почту. Среди пассажировъ я встрѣтилъ красавицу-англичанку съ „Shenkeng'a“. Соотечественники провожали ее, но дальше она ѣхала совершенно одна. Она мнѣ весело улыбнулась, а когда впослѣдствіи я отыскалъ ее, она казалась мнѣ нисколько не смущенной обстоятельствомъ, что находится беззащитною въ поѣздѣ, переполненномъ китайскою чернью и европейскими искателями приключеній. Думаю даже, что послѣдніе, пожалуй, больше пугали ее. По крайней мѣрѣ, когда спустя немного времени она пришла въ вагонъ-ресторанъ, куда я помѣстился по недостатку мѣста, я замѣтилъ на лицѣ ея признаки отвращенія и нетерпѣнія по отношенію къ очень ужъ за ней ухаживавшему спутнику-нѣмцу. Но это не дѣйствовало на послѣдняго. Зато пьяный американецъ вскочилъ при ея появленіи изъ-за стола и исчезъ безслѣдно. Французскіе офицеры значительно покручивали свои усики... Нѣмецъ все говорилъ, говорилъ, говорилъ... о томъ, какъ онъ въ двѣ недѣли объѣхалъ чуть ли не весь міръ и какую онъ объ этомъ напишетъ замѣчательную книгу. Но красавица, къ моему и общему удивленію, предпочла... мой плохой англійскій языкъ. Все-таки я былъ „старый товарищъ“ и очевидно... „послѣднее убѣжище“.

Переѣздъ изъ Тянь-цзиня въ Пекинъ длится 4½ часа. Было совершенно темно, когда мы остановились у пекинской стѣны. Я отыскалъ сейчасъ же агента рекомендованной мнѣ гостиницы „Du Nord“ и отправился вмѣстѣ съ нимъ получать свои вещи. Въ багажномъ вагонѣ давка, и всякій что-нибудь тащитъ. Какъ не утащили моихъ вещей, право не знаю. Сдѣлать это можно было совершенно безнаказанно. Опять носиль-

щики подхватили каждый по одному узелочку, но мой провожатый немедленно уменьшилъ ихъ число наполовину. Снабженные фонарями, мы двинулись вдоль рельсовъ и высочайшей городской стѣны къ воротамъ. Въ большомъ сводчатомъ ихъ пролетѣ, въ темной дали замелькали огни Пекина.

Но раньше, чѣмъ я проникъ туда, у меня произошелъ маленькій разговоръ съ какимъ-то господиномъ, неотступно слѣдовавшимъ за мной со станціи.

— Зачѣмъ вы къ *нимъ* идете? *Они* берутъ 7 долларъ, мы только *три*...—проговорилъ онъ на ломанномъ русскомъ языкѣ.

Я промолчалъ.

— Выброшенная монета!.. У насъ совсѣмъ не худой...

— Я не довѣряю нѣмецкимъ гостиницамъ!.. Я уже разъ обжегся!

— Да и тамъ нѣмецъ!

— Вотъ какъ?

Пока я соображалъ, что дѣлать, мои вещи оказались уложенными на одного „рикшу“, а на другаго настойчиво приглашалъ меня сѣсть провожатый. Незнакомецъ исчезъ.

Гостиница, дѣйствительно, оказалась нѣмецкой. Я сейчасъ узналъ это по несносно чадящимъ лампамъ, по небрежной, непривѣтливой прислугѣ, плохой ваннѣ, пыли и недостаточной чистотѣ спальнаго бѣлья и мебели,—по цѣлому ряду незначительныхъ, но тягостныхъ для усталаго путешественника мелочей, которыхъ вы не встрѣтите въ англійскихъ гостиницахъ и которыя въ сущности даютъ гостиницѣ очень незначительную „добавочную цѣнность“!

Въ Пекинѣ нѣмцы, повидимому, засѣли прочно:

нѣмецкіе солдаты, нѣмецкія казармы, нѣмецкія надписи, нѣмецкія лавки бросаются въ глаза. Русскихъ солдатъ не видно, солдатъ другихъ государствъ я замѣчалъ только на постахъ да у воротъ ихъ посольствъ. Одинъ англичанинъ, прожившій болѣе пятнадцати лѣтъ на Дальнемъ Востокѣ, взглянулъ какъ-то на имѣвшуюся у меня нѣмецкую карту съ „районами вліяній“ и значительно улыбнулся:

— О, да! Раздѣлъ Китая вопросъ времени. Германія возьметъ Пекинъ и Сѣверный Китай, Россія—Манчжурію и Монголію, Японія береговую полосу противъ Формозы... Но что это здѣсь? Тутъ около Кантона они, вижу, написали французовъ, между тѣмъ вѣдь тамъ издавна сидятъ англичане. О, понимаю!.. Они не смѣли написать себя, но они надѣются современемъ присвоить себѣ и это какъ территорію *спорную*... Ловко придумано! Собственно при такомъ раздѣлѣ Германія пріобрѣла бы въ сущности для своей торговли двѣ-трети Китая, такъ какъ ни для кого теперь не тайна, что Манчжурія, занятая и охраняемая русскими солдатами, превращается исподволь въ громадный германскій рынокъ. Англійскія и американскія факторіи, существовавшія въ Мукденѣ, Портъ-Артурѣ, Ючуанѣ до занятія ихъ русскими теперь исчезли тамъ, и ихъ замѣнили агентства германскія, которыя со своимъ девизомъ „billig, aber schlecht“ больше подходятъ къ требованіямъ восточнаго рынка. Нѣмцы къ тому же легче, чѣмъ англосаксы уживаются со славянскимъ „темпераментомъ“ и славянской взяткой! Въ Ханькоу тоже много нѣмцевъ, и торговля ихъ быстро растетъ. Справедливость впрочемъ требуетъ отмѣтить, что нѣмецкое „schlecht“ все-таки много превышаетъ славянскій „первый сортъ“ и что только срав-

неніе нѣмецкихъ издѣлій, обычаевъ, понятій съ англійскими доказываетъ безусловно низшее ихъ качество.

При настоящемъ положеніи дѣлъ расчлененіе Китая, дѣйствительно, желательно и удобно исключительно для Германіи. Она играетъ теперь здѣсь ту же роль, какую играла въ свое время при раздѣлѣ Польши. Для Россіи раздѣлъ Китая не только не нуженъ, но прямо вреденъ, — съ занятіемъ Манчжуріи она фактически овладѣла и Монголіей. Англія довольна тѣмъ, что у нея есть, и земельныхъ захватовъ, по крайней мѣрѣ на Дальнемъ Востокѣ, не жаждетъ. Франція еще не переварила Тонкина. Для Японіи же гибель Китая является страшнымъ ударомъ. Втайнѣ японскій народъ еще преклоняется передъ китайцами и мечтаетъ о союзѣ съ ними, объ огромной федераціи Востока, состоящей на первыхъ порахъ изъ Китая и Кореи съ Японіей во главѣ. Японія мечтаетъ о громадныхъ Соединенныхъ Штатахъ Азіи, устроенныхъ на американскій образецъ, просвѣщенныхъ, свободныхъ, счастливыхъ, которые создали бы необоримую преграду алчности и захватамъ „западныхъ варваровъ“. Мнѣ говорили, что существуетъ даже среди японской молодежи тайное общество, занимающееся пропагандой этой идеи, что члены его находятся въ постоянномъ тѣсномъ общеніи съ такими же обществами Молодаго Китая. Китайская молодежь обоего пола стремится въ университетъ въ Токіо, гдѣ ее радушно и охотно принимаютъ. Въ издающихся въ Японіи англійскихъ газетахъ я довольно часто встрѣчалъ отчеты объ японо-китайскихъ студенческихъ сходкахъ, проникнутыхъ патріотизмомъ и стремленіемъ сближенія...

Существуетъ даже легенда о томъ, что въ то время,

Китай. Пекинъ. Жрецъ Пак-чингъ Тонса.

когда японскія войска сражались вмѣстѣ съ европейцами противъ боксеровъ, японская революціонная молодежь пробовала оказать послѣднимъ помощь людьми и боевыми припасами, но высланный ею корабль потонулъ въ пути. Въ настоящее время даже многія лица изъ правящихъ японскихъ сферъ сознаютъ за ошибку свое участіе въ послѣдней европейско-китайской распрѣ.

Во всякомъ случаѣ, для совершенія теперь безнаказанно раздѣла Китая необходимо прежде врего ослабить и унизить Японію. Вотъ откуда истекаетъ та травля Японіи на Россію и обратно, которая заполняетъ въ настоящее время столбцы англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ, издающихся на Востокѣ! Это же вызываетъ въ Европѣ извѣстныя пламенныя рѣчи и еще болѣе извѣстныя символическія картины, изображающія европейскаго „ангела“, поражающаго свирѣпаго „желтаго дракона“.

И это нисчуть не ново... со временъ прусскихъ крестоносцевъ!

Попробуемъ теперь дать себѣ хотя поверхностный отчетъ о томъ, что происходитъ въ неоффиціальной китайской душѣ.

Про боксеровъ всѣ мы знаемъ. Они —не разбойники и не сумасшедшіе, а возставшіе съ оружіемъ въ рукахъ патріоты. То же самое—пресловутые хун-ху-цзе, которые тоже, что въ былое время малорусскіе гайдамаки или сербскіе гайдуки. На пути изъ Пекина въ Шанхай я встрѣтилъ на препротивномъ китайскомъ пароходѣ „Tai-shun“ трехъ австрійскихъ матросовъ. Одинъ изъ нихъ былъ изъ Моравіи и говорилъ по-польски, другой—хорватъ, понималъ по-польски, третій былъ нѣмецъ изъ

окрестностей Вѣны. Всѣ были молоды и красивы: моравцу едва минуло 20 лѣтъ.

— Двѣсти насъ австрійцевъ теперь въ Пекинѣ. Капитанъ нашъ—полякъ, изъ Львова, Радзиковскій, хорошій господинъ... И второй капитанъ—тоже полякъ, изъ Кракова, Богумилъ Новотный, и инженеръ, что дворецъ министру строитъ,—тоже полякъ, Ковнацкій... И солдатъ много поляковъ... Хорошіе товарищи... веселые!..

— Что же вы тамъ дѣлаете въ Пекинѣ?

— Да ничего не дѣлаемъ. Ѣдимъ, пьемъ, куримъ. По 20-ти долларовъ въ мѣсяцъ получаемъ, а старшіе такъ и по 60-тп... Ничего ровно не дѣлаемъ... Каждый второй день въ караулъ уходимъ... За все чинези платятъ... Ли-хунг-чангъ платитъ... А мы имъ за это еще по шеямъ, по шеямъ... Вотъ и все...

И для примѣра юноша разсказалъ, какъ дней тому сорокъ „чинези“ сдѣлали подкопъ подъ англійское посольство, какъ на подкопѣ провалилась стѣнка, по которой ходилъ часовой, благодаря чему все обнаружилось.

— Стали „чинези“ въ ямѣ кричать... Двадцать ихъ тамъ поймано... Упорные... Молчали, хотя ихъ заставляли говорить, приткнувши дула къ головамъ. Динамитъ нашли... Еще два дня, и всѣхъ бы взорвали на воздухъ... Отъ царскаго дворца шелъ подкопъ...

Я не успѣлъ провѣрить этого разсказа, но онъ дышалъ правдивостью. Юноша съ волненіемъ передавалъ, какъ ихъ вдругъ ночью подпялп со сна, какъ онъ схватилъ патронташъ и „гверъ“ и бросился за товарищами, какъ въ нихъ стрѣляли въ темной улицѣ, и какъ пуля пробила у него рукавъ.

— Богъ съ ними, съ „чинезами“... Еще убьютъ. Отецъ умеръ, мать осталась одна, просила „цесаря“, чтобы вернулъ меня,—вотъ и ѣду... Что тутъ въ Пекинѣ? Ничего нѣтъ!.. Ни музыки, ни дѣвчатъ... ни поплясать, ни погулять!.. Чинезки косыя и смердятъ. Не люблю я ихъ. Ходить одному небезопасно... Хоть китайцы и любятъ насъ, австрійцевъ, больше другихъ, потому что мы не отрѣзываемъ имъ напрасно косъ, какъ другіе... нѣмцы, французы, итальяны... Да вотъ мать осталась одна, „цесаря“ просила...

И все онъ возвращался къ своимъ, къ матери, къ родной странѣ и роднымъ людямъ, а я въ то время думалъ о двадцати пойманныхъ заговорщикахъ, стремившихся этимъ безразсуднымъ путемъ облегчить свои наболѣвшія сердца.

— Что же съ ними сдѣлаютъ?..

— Съ кѣмъ?..

— Да съ чинезами...

— Головы имъ отсѣкутъ...

Старшій нѣмецъ, которому хорватъ *по-итальянски* переводилъ нашъ разговоръ, подтвердилъ сказанное кивкомъ головы.

— Обо всемъ этомъ пропечатано и въ „Цайтунгѣ“, и въ „Новинахъ“,—увѣрялъ меня моравецъ.

Впрочемъ, все это было до того естественно, что сомнѣнія мои не были продолжительны. Впослѣдствіи я узналъ, что, дѣйствительно, въ газетахъ въ свое время печаталось объ этомъ. Я припомнилъ, какъ въ Мукденѣ, въ болѣе пустынныхъ закоулкахъ, скрытые непріятели бросали въ меня изъ-за стѣны шелухой, комками грязи, пескомъ и даже... намеками на большіе камни. Затѣмъ я припомнилъ себѣ, съ какою торопливостью въ томъ

же Пекинѣ бѣжали ко мнѣ со штыками на-перевѣсъ китайскіе часовые, когда я чуть приблизился къ воротамъ заповѣднаго Алаго города. Запретный порогъ былъ еще далеко, да я и не намѣревался переступить его, а они уже загодя кричали и угрожали мнѣ.

— Китайскіе солдаты... Не пускаютъ... китайскіе солдаты! — высказывалъ мнѣ на левантинско-англійскомъ жаргонѣ притворное сожалѣніе мой неумытый „рикша“.

Толпа тоже осталась очень довольна постигнувшимъ меня афронтомъ. Во всемъ проглядывало страстное желаніе получить хоть маленькій реваншъ съ „заморскаго дьявола“, надругавшагося такъ недавно еще надъ тою же національною святыней. Впрочемъ, тѣ же свирѣпые часовые минуту спустя предобродушно просили меня позволить имъ взглянуть въ мой бинокль и долго любовались имъ, взявъ ружья подъ-мышки. Ни одинъ изъ нихъ, навѣрно, ничего сквозь него не увидѣлъ, такъ какъ стекла были поставлены для близорукихъ, тѣмъ не менѣе, возвращая мнѣ его, всѣ они любезно подняли большой палецъ и сказали:

— „Хао!“ (хорошо).—Затѣмъ я припомнилъ, какъ на одномъ пароходѣ какой-то почтенный и хорошо одѣтый китаецъ отскочилъ отъ меня въ ужасѣ и побѣжалъ прочь, озираясь, когда я въ узкомъ мѣстѣ, желая его попросить посторониться, поднялъ слегка руку къ моей шапкѣ. Я вспомнилъ, какъ на пристани били по лицамъ китайскихъ простолюдиновъ,—такъ, ни съ того, ни съ сего, люди образованные, европейцы, которыхъ я до тѣхъ поръ считалъ за джентльменовъ.

Да не перечесть всего, что можно бы сказать по поводу поведенія бѣлыхъ представителей „цивилизаціи“, и по сравненію съ чѣмъ „наглость“ и „жестокость“ китайцевъ не больше, какъ ребяческій вздоръ.

Китай. Китайскіе офицеры.

Пекинъ,—грязный, пыльный и вонючій,—все-таки производитъ громадное впечатлѣніе. Смотря на его исполинскія стѣны, на храмы, дворцы, ворота и башни,—крупные, мощные, по-своему неподражаемо-оригинальные и красивые,—нельзя отдѣлаться отъ восторга и преклоненія передъ величавою собирательною силой и трудомъ, создавшимъ ихъ въ прошломъ... Эта сила все еще живетъ и кишитъ кругомъ, копошится въ муравьиномъ трудѣ и мелкихъ заботахъ, изъ которыхъ именно, какъ изъ частицъ, и создался этотъ утесъ. Когда смотришь на эти памятники китайскаго генія, то перестаешь удивляться, что Корея слѣпо подчинилась его вліянію, что Японія сдѣлалась его ученицей. Вліяніе Китая простерлось съ одной стороны далеко на острова Индійскаго архипелага, а съ другой стороны дошло до береговъ Каспійскаго и Охотскаго морей. Китайскія издѣлія, узоры, взгляды и преданія я встрѣчалъ въ захолустныхъ трущобахъ даже на берегахъ Ледовитаго океана.

Теперь великанъ умираетъ. Какъ старикъ, онъ все хорошее видитъ исключительно въ прошломъ. Но умирать онъ преждевременно не желаетъ, и не разъ еще въ судорогахъ своей насильственной кончины онъ потрясетъ окружающій міръ.

— О, года черезъ два, не больше, насъ здѣсь опять ждутъ кровавыя неожиданности! сказалъ какъ-то въ моемъ присутствіи одинъ изъ европейскихъ посланниковъ.

— Европа не позволитъ Востоку обновиться и возродиться. Для этого она черезчуръ глубоко увѣровала въ одну изъ заповѣдей, оставленныхъ ей прошлымъ столѣтіемъ: азъ есмь всемірная торговля, и не почитай ничего превыше меня!

Склонившись надъ каменными перилами, окружающими обводный каналъ Заповѣднаго города, я глядѣлъ на ряды желтыхъ, вздернутыхъ, дворцовыхъ крышъ, уходящихъ вдаль, на прелестную многоэтажную угловую пагоду, отражающуюся въ темнѣющихъ водахъ канала, на „Угольный холмъ“ съ изящными „кіосками“ на вершинѣ. Особенно одинъ изъ нихъ, похожій на большой голубой зонтъ, игралъ мягкимъ блескомъ прелестныхъ красокъ въ лучахъ заката. Но даже издали видно было, что строенія заброшены, клонятся къ упадку, умираютъ. Осеннія, безлистныя деревья, желтые осенніе откосы холма, обваливающіяся высокія стѣны и далеко мелькающая изъ-за нихъ чудная позолота карнизовъ и дворцовыхъ навѣсовъ, заходящее солнце, красное, тусклое, пыльное,—все складывалось въ картину, полную щемящей тоски. Душа о чемъ-то жалѣла и съ чѣмъ-то прощалась.

Студентъ изъ сосѣдняго Высшаго училища, провожавшій меня при осмотрѣ дворцовыхъ стѣнъ, коснулся моего плеча и протянулъ руку:

— Дай...

И слѣдомъ протянулось ко мнѣ робко еще много рукъ.

Утренній поѣздъ изъ Пекина въ Тянь-цзинъ уходитъ въ 7 часовъ. Была холодная и вѣтряная погода, и пыль—эта шестая стихія Сѣвернаго Китая и Манчжуріи—мѣшала дышать и смотрѣть. Поѣздъ мчится сначала вдоль стѣны города, и теперь только, при дневномъ свѣтѣ, я оцѣнилъ громаду этой столицы. Зубчатая, скрывающая безслѣдно дворцы и храмы, лента сѣрой стѣны тянулась далеко-далеко и терялась во мглѣ. Тамъ и сямъ поднимались надъ нею сторожевыя массивныя башни, и больше

ничего. Край стѣны ровною темною линіей выступалъ на блѣдномъ утреннемъ небѣ съ меркнувшими звѣздами. Внѣ стѣнъ тянулись безконечные пригороды, такіе же сѣрые, невзрачные, какъ и самъ городъ, только малолюднѣе и убоже. Тутъ же, среди домовъ,—кладбища, похожія на кучи большихъ кротовинъ, нигдѣ ни цвѣтка, ни кустика. Прогремѣвшая по всему міру сыновняя любовь китайцевъ сводится, повидимому, исключительно къ большимъ размѣрамъ земли, насыпанной на отцовскій гробъ. Нѣкоторые бугры дѣйствительно внушительной величины. Изрѣдка попадаются сосновыя рощи, посаженныя кругомъ могилъ особенно знатныхъ или любимыхъ людей. Обыкновенно съ одной стороны окружаетъ ихъ другой искусственный валъ. Много отдѣльныхъ могилъ стоитъ среди воздѣланныхъ полей. Пригороды незамѣтно соединяются съ деревнями. Кругомъ каждаго селенія роща, да на межахъ ряды деревьевъ, преимущественно ветлы, которыя здѣсь подстригаютъ нѣсколько разъ въ году на топливо, точь-въ-точь какъ у насъ овецъ. Деревушки построены изъ ила, сѣрыя и невзрачныя, дома крыты глиной. Очень рѣдко попадаются черепичныя кровли. Еще болѣе рѣдки храмы съ красными воротами и вздернутыми углами. На поляхъ зеленѣла посѣянная въ бороздахъ озимая пшеница и остатки неубранной еще капусты-салата, которую квасятъ въ прокъ на зиму. Во многихъ мѣстахъ я видѣлъ надъ посѣвами косые тростниковые щиты отъ вѣтра. Земля воздѣлана вездѣ великолѣпно. На дорогахъ—толпы прохожихъ съ руками, глубоко засунутыми въ широкіе рукава синихъ и черныхъ ватныхъ кафтановъ; много двуколокъ ѣдетъ съ грузомъ въ городъ. На пашняхъ пахари упорно идутъ въ облакахъ вздуваемой

вѣтромъ пыли, погоняя свои смѣшныя упряжки, состоящія часто изъ муловъ и коровъ. На станціяхъ все ходятъ и садятся толпы китайцевъ-пассажировъ. У самаго Тянь-цзина къ нашему купэ поднесли богатыя носилки; чиновникъ съ хрустальнымъ шарикомъ устроилъ въ нихъ сидѣніе, другой чиновникъ съ краснымъ шарикомъ навѣсилъ на нихъ какой-то знакъ изъ перьевъ, и тогда только изъ нашего вагона вышелъ солидный китаецъ въ малиновой курмѣ и съ генеральскимъ значкомъ, сѣлъ въ носилки, и люди быстро его унесли. На дорогѣ я видѣлъ, какъ къ пѣшей его свитѣ присоединились и всадники. Оказалось, что это былъ важный чиновникъ, главный инспекторъ всѣхъ мѣстныхъ школъ.

— Мнѣ сказали, что онъ штатскій!—удивленно замѣтилъ нѣмецкій офицеръ, наблюдавшій вмѣстѣ со мною въ окно за процессіей.

Очевидно, онъ предпочиталъ всему въ мірѣ военныхъ.

Въ Тянь-цзинѣ я узналъ, что всѣ суда въ Шанхай уже ушли, что новый случай будетъ не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли. Оставался только китайскій пароходъ „Tai-shun“ общества „China Marchand“. Агентъ общества увѣрялъ меня, что пароходъ чистъ и содержится по-европейски.

Вполнѣ вѣрю, что „China Marchand“ искренно этого желаетъ, но дѣло въ томъ, что чистота самаго опрятнаго китайца, выражаясь математически, относится къ чистотѣ обыкновеннаго европейца, какъ чистота мужиковъ, купающихся разъ въ нѣсколько лѣтъ, къ чистотѣ купающагося ежедневно англичанина. Не совѣтую ѣздить на китайскихъ пароходахъ лицамъ впечатли-

тельнымъ къ дурному запаху, грязноватой пищѣ и посудѣ. Безъ качки можно получить морскую болѣзнь отъ одной вони опія, проникающей все судно, даже бѣлье и мебель... Но выбора у меня не было. Я купилъ билетъ по цѣнѣ ничуть не ниже европейской и поутру уже плылъ по Пэй-хо. Мы торопились, чтобы съ послѣполуденнымъ приливомъ пройти знаменитый баръ, хотя и углубленный, а все-таки проходимый исключительно въ большую воду. Нашъ пароходъ не былъ великъ, но на узенькой рѣкѣ казался громадой. Его волна высоко била въ оба берега, ломая намерзшій тамъ за ночь ледъ. Гудокъ парохода неустанно ревѣлъ, призывая къ осторожности густо шныряющія по рѣкѣ лодки и джонки. Пэй-хо удивительно вьется въ низкихъ берегахъ. Вода въ ней желтая, мутная, и среди желтыхъ, осеннихъ полей, поросшихъ пожухлою ветлой, въ этотъ ноябрьскій день она дѣйствительно напоминала въ своихъ причудливыхъ извилинахъ желтаго китайскаго дракона, вьющагося на изразцахъ императорскихъ дворцовъ, на кровляхъ и вазахъ Китая.

Горизонтъ вездѣ усѣянъ рощицами. Изъ-за деревьевъ тамъ и сямъ высились бѣлые, крыловидные паруса джонокъ, плывущихъ незримо по рѣкѣ. Но такъ какъ они виднѣются всюду, то кажется, будто они идутъ прямо лѣсомъ со всѣхъ сторонъ заразъ, точно исполинскія вереницы паломниковъ.

Насколько окрестности желѣзной дороги кажутся пустынными и плохо воздѣланными, настолько оживлены и разработаны берега Пэй-хо. Мѣстами поселенія сливаются въ одну непрерывную ленту. Рѣдко деревня отстоитъ отъ другой больше чѣмъ на версту. Когда пароходъ нашъ проходилъ мимо деревушекъ, немед-

ленно на берегу являлась толпа сине-одѣтыхъ поселянъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Полевыя работы были закончены, и крестьяне на досугѣ садились тутъ же на берегу и разговаривали мирно, по всей вѣроятности, о проходящемъ мимо заморскомъ драконѣ.

Пароходъ нашъ сидѣлъ въ водѣ всего восемь футовъ, тѣмъ не менѣе мы нѣсколько разъ задѣвали за дно, наконецъ завязли и выбросили черный флагъ. Простояли мы на мели въ 10-ти верстахъ отъ устья часовъ пять, пока приливъ не освободилъ насъ. По обѣимъ сторонамъ нашей стоянки на берегу ютились деревушки; проходила мимо дорога, и тяжелая, тупоносая лодка дѣятельно поддерживала сообщеніе, то-и-дѣло двигаясь взадъ и впередъ, полная пассажировъ и телѣгъ. Все время нашей стоянки зрители не убывали съ берега; были тамъ и женщины, даже молодыя, опровергая своимъ присутствіемъ утвержденія о безусловномъ и строгомъ затворничествѣ китайскихъ женщинъ. Молодые люди наигрывали на флейтахъ довольно пріятныя мелодіи; ребятишки играли въ камни и свайку.

Въ Таку мы попали только вечеромъ. По пути мы прошли мимо интересныхъ складовъ соли, ссыпанной прямо на берегу въ большіе, какъ холмы, бугры, покрытые сверху рогожами, обмазанными глиной. Нѣкоторые бугры были раскрыты, и рабочіе, пользуясь сухою погодой, перегребали соль. Говорятъ, что такимъ образомъ китайцы сохраняютъ соль годами. По этому случаю вспомнилъ я видѣнные мною на берегу Азовскаго моря такіе же соляные бугры и долженъ сознаться, что они содержатся много хуже китайскихъ. Въ сумерки мы бросили якорь посрединѣ рѣки, такъ какъ пройти баръ можно было только на разсвѣтѣ.

Когда я на слѣдующій день проснулся, берега уже исчезли, и окружали насъ чистыя, лазоревыя волны открытаго моря.

Землю мы увидѣли опять только на половинѣ пути, именно острова Мяо-тао, недалеко отъ Чи-фу, въ Печилійскомъ проливѣ. Голые, розовые утесы поднимались круто изъ моря; на одномъ бѣлѣлъ маякъ,—конечно, англійскій. Пѣняющіяся волны даже при слабой зыби вкатывались высоко на грозныя скалы.

Затѣмъ земля опять исчезла, и опять кругомъ было одно синее, безпредѣльное море.

Пожелтѣло оно и помутилось только вблизи Шанхая. Въ то же время вдали обозначились блѣдные, низкіе берега. Вскорѣ явились они и по другую сторону горизонта, и судно наше вошло въ широкій проливъ, по которому густо сновали китайскія джонки и европейскіе пароходы. Мы замедлили ходъ, и капитанъ приказалъ бросать лотъ. Медленно пробираясь среди мелей, мы вошли въ устье р. Янгъ-по, сторожимое пятью военными китайскими джонками и тремя небольшими броненосцами. Джонки очень живописно украшены на носу красными щитами въ видѣ рыбьихъ головъ съ выпученными глазами. Большіе желтые паруса лежали свернутыми у рей. У бортовъ судовъ я видѣлъ небольшія пушки, привязанныя къ нимъ веревками, а на кормѣ—высокій помостъ для капитана судна и рулевыхъ. Точь-въ-точь—римская галера.

Отсюда уже видны строенія Шанхая, чуть скрытыя прибрежными рощами и садами. Шанхай имѣетъ славу Парижа Дальняго Востока, столицы его модъ и его Вавилона. Дѣйствительно, онъ производитъ впечатлѣніе города милліонеровъ. Отели, банки, конторы и склады

смотрятъ дворцами. Архитектура, впрочемъ, неважная, все больше неуклюжая, казарменно-вестминстерская. На улицахъ образцовый порядокъ и чистота. Смотрятъ за ними все тѣ же великолѣпные „сикки“ въ алыхъ чалмахъ съ заплетеными плотно у подборотковъ бородами. Вдоль рѣки протянулся неширокою полосой городской садъ. Въ немъ красивые цвѣтники цвѣтущихъ хризантемъ и астръ. На улицахъ много кэбовъ, много „рикшей“ и много пѣшеходовъ. Носилокъ въ европейскомъ кварталѣ я не видѣлъ; даже богатые китайцы ѣздятъ въ коляскахъ. Говорятъ, что здѣсь лучшіе платья, лошади, сбруи, брилліанты у американскихъ „кокотъ“, извѣстныхъ широко по всему Востоку, благодаря оригинальной организаціи своихъ общинъ, благодаря своему богатству, роскоши и своему... образованію.

Въ шанхайскихъ магазинахъ можно добыть положительно все, чего пожелаетъ „восточная“ или „западная“ душа,—конечно, если у нея есть чѣмъ за это заплатить. Жизнь дорога, и уровень жизни высокъ. Деньги, повидимому, начинаютъ считать здѣсь съ доллара. Городъ очень „business“. Когда я спросилъ одного изъ старожиловъ Шанхая, что интересно для осмотра въ китайскомъ городѣ,—онъ отвѣтилъ, что въ Шанхаѣ, кромѣ „setlmen“'а, нечего осматривать. Между тѣмъ мнѣ китайскій городъ показался очень интереснымъ. Тамъ много построекъ старой, красивой архитектуры, а въ окрестностяхъ есть храмы и пагоды. Я поѣхалъ осматривать красивую пагоду Люнгъ-Фо. Сейчасъ же за городомъ начинаются сплошные сады, полные фруктовыхъ деревьевъ и цвѣтовъ. Бананы, пальмы, бамбукъ, камеліи, а рядомъ наша золотая ветла. На поляхъ много кустиковъ хлопчатника, съ котораго уже обобра-

на вата; въ деревушкахъ вездѣ стучатъ хлопко-очистилки, приводимыя въ движеніе ногами. Толпы рабочихъ въ сараяхъ встрѣчали наше появленіе шутками и веселымъ смѣхомъ. Дорога вездѣ великолѣпная, прекрасно содержимое шоссе. По пути много заводовъ съ высокими трубами. Всѣ они окружены стѣнами, а дома служащихъ утопаютъ въ садахъ. Вездѣ порядокъ и чистота. Даже китайскія деревушки и городскія улицы показались мнѣ здѣсь менѣе грязными. Англичане не шутятъ, а холера заставила ихъ обратить вниманіе и на китайцевъ.

У храма уже поджидали меня какіе-то крайне оборванные и жалкіе „проводники“. Они ничего не знали, но отдѣлаться отъ нихъ не было возможности, и они все время ходили за мной, что-то бормоча на невозможномъ „пиджинѣ“. Все великолѣпіе храма, конечно, снаружи—въ его крышахъ, лѣпныхъ украшеніяхъ и майоликахъ. Внутри—все тѣ же Будды и ихъ ученики, все тѣ же свирѣпые, ярко расписанные стражи храмовъ и демоны. Конечно, мнѣ пришлось дать нѣсколько копѣекъ монахамъ,—впрочемъ, очень немного. Хуже пошло дѣло съ „проводниками“, которыхъ вдругъ набралась цѣлая толпа, дѣтей и взрослыхъ. Но я не хотѣлъ брать на свою совѣсть прививки и здѣсь несносныхъ итальянскихъ обычаевъ и далъ плату только одному. Остальные громко протестовали, но скоро успокоились. Очевидно, что ихъ здѣсь еще не успѣли сбить съ толку путешественники. Совсѣмъ другое дѣло въ Пекинѣ. Тамъ въ желтомъ ламаитскомъ храмѣ толпа откормленныхъ и прилично одѣтыхъ ребятишекъ чуть было не растерзала моего товарища, вынувшаго кошелекъ для расплаты съ привратникомъ. Въ храмѣ Неба, который я посѣщалъ

одинъ, раннимъ утромъ, за мною заперли сторожа наглухо ворота и затѣмъ не хотѣли открыть ихъ безъ выкупа. Только движеніе рукой въ сторону револьвера убѣдило ихъ пропустить меня. Впрочемъ, когда я имъ уже по выходѣ далъ 20 коп. (центовъ), они съ низкимъ поклономъ подняли вверхъ пальцы. Даже разбойники въ Китаѣ удовлетворяются малымъ...

Хао!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

У порога. 5
Вмѣсто предисловія. 7
Въ плѣну у мятели. 12
Большой Сибирскій трактъ. 35
Сибирская желѣзная дорога. 59
Манчжурія. 81
Японія. 185
Японскій дронтгеймъ. 204
Двѣ поѣздки:
I. Volcano-Bay. 212
II. Сахалинъ. 229
Охота за китами у береговъ Кореи. 246
Уголокъ Японіи. 265
Китай. Таку.—Тянь-цзинь.—Пекинъ.—Шанхай. 317

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ГЛАГОЛЕВА.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., 92).

Только что поступили въ продажу:

Танъ. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

2-е ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Содержаніе:

Томъ I: 1). Изъ хроники города Пропадинска: На каникулахъ.—Рыбаки.—На красномъ камнѣ.—Елка.—Ожилъ.—На растительной пищѣ.—Возвращеніе. 2). Пашенькина смерть.

„ II: По бѣлу свѣту: У входа въ Новый Свѣтъ.—Черный студентъ.—Въ Японіи.—Золотыя утки.—На сѣверѣ дальнемъ.—Море бурное.—Домой.—По Манчжурской дорогѣ.

„ III: Чукотскіе разсказы. книга 1-ая: На каменномъ мысу.—Кривоногій.—На мертвомъ стойбищѣ.—Праздникъ.—На рѣкѣ Россомашьей.—У Григорьихи.—Русскій чукча.

„ IV: Чукотскіе разсказы, книга 2-ая: Восемь племенъ. — На пьяной ярмаркѣ.—Кто первый пролилъ на землѣ кровь.

„ V: Русскіе въ Америкѣ, книга 1-ая: **Духоборы въ Канадѣ.** Очерки. —Землепроходъ. Очеркъ.—Авдотья и Ривка. Повѣсть.

„ VI: Русскіе въ Америкѣ, книга 2-ая: За океаномъ. Повѣсть. —Елка въ Нью-Іоркѣ. Разсказъ.

Цѣна каждаго тома **1** руб.—Каждый томъ можно пріобрѣтать отдѣльно.

Томы I—IV допущены Уч. Ком. М. Н. П. въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно какъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

В. Сѣрошевскій. Собраніе сочиненій.

2-е ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Содержаніе:

Томъ I: На краю лѣсовъ. Повѣсть.—Чукчи. Разсказъ.

„ II: Предѣлъ скорби. Повѣсть —Разсказы изъ китайской жизни: Янгъ-хунъ-дзы.—Боксеръ.—Кули.—Хайлакъ. Разсказъ.

„ III: **Дальній Востокъ** (Сибирь. — Манчжурія.—Японія.—Сахалинъ.—Китай). Очерки.—Около **50** иллюстрацій, исполненныхъ за-границей и отпечатанныхъ на плотной веленевой бумагѣ.

„ IV: **Корея.** Очерки природы, жизни, государственнаго строя.—Карта Кореи и около **50** иллюстрацій, исполненныхъ за-границей и отпечатанныхъ на плотной веленевой бумагѣ.

Цѣна I и II т.т.—**1** руб., III и IV т.т.—**1** р. **25** к.—Каждый томъ можно пріобрѣтать отдѣльно.

Выписывающіе изъ конторы книгоиздательства Н. Глаголева на **1** рубль и болѣе за пересылку *не* платятъ.—Съ требованіями просятъ обращаться по адресу: **Контора книгоиздательства Н. Глаголева, С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.**

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ГЛАГОЛЕВА.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.)

Е. Войничъ. ОВОДЪ.

РОМАНЪ ИЗЪ РЕВОЛЮЦІОННОЙ ЖИЗНИ ИТАЛІИ XIX ВѢКА.

Съ англійскаго. Переводъ *З. А. Венеровой.* **2-ое** исправленное и дополненное изданіе. 356 стр. Цѣна **80** коп.

„Яркій, сильный, увлекательный романъ... онъ весь проникнутъ „дыханіемъ свободы"... „Утомленные эпохой общественнаго оцѣпенѣнія, мы не только отвыкли отъ героевъ общественнаго дѣла: мы перестали вѣрить въ нихъ, когда талантливый разсказъ Войничъ возвратилъ насъ къ тому настроенію, при которомъ героизмъ становится возможнымъ и обычнымъ. Страшны его коллизіи, гдѣ любящій отецъ вынужденъ осудить на смерть только что найденнаго сына. Но это не трагедія личныхъ страстей, это роковое столкновеніе мировоззрѣній, для котораго нѣтъ примиряющаго синтеза. Участникомъ этой великой борьбы романъ Войничъ даетъ живое вдохновеніе; тѣмъ, кто въ силахъ быть лишь ея наблюдателемъ, онъ сообщаетъ горячее сочувствіе,—уваженіе къ созидающему труду живыхъ и преклоненіе передъ памятью павшихъ".

(„Русское Богатство"; „Русскія Вѣдомости"; „Наши Дни").

Г. Лейссъ. Въ исправительной тюрьмѣ.

Съ нѣмецкаго. Переводъ подъ редакціей *Л. М. Рейнгольда.*

Цѣна 1 рубль.

„Въ „огромный и грозный станъ юридической науки" вступилъ еще одинъ „плохо вооруженный волонтеръ". Онъ пришелъ сюда не тою дорогою, какою обыкновенно проникаютъ въ этотъ лагерь непрошенные совѣтчики или самозванные учителя". Г. Лейссъ пришелъ изъ каторжной тюрьмы. „Потому книга его пріобрѣтаетъ значеніе убѣдительнаго и неоспоримаго документа, которому, несомнѣнно, суждено будетъ играть самую серьезную роль во всемъ современномъ ревизіонномъ движеніи". Тѣмъ, „отъ кого зависитъ измѣненіе существующихъ законовъ... книга Лейсса дастъ больше, чѣмъ совокупныя усилія всѣхъ геніевъ и талантовъ художественнаго творчества"... „Раскрываются здѣсь... широчайшіе свободительные горизонты, уносящіе взоръ... въ туманную еще пока даль христіанскаго правосудія, не вѣдающаго уголовнаго рабства и признающаго за преступниками права на человѣческое существованіе. Эта книга представляетъ несомнѣнно для науки и для уголовнаго законодателя наиболѣе выдающееся литературное явленіе прошлаго года".

(Изъ отзывовъ о нѣмецкомъ изданіи.—„Право";—„Русское Богатство").

Выписывающіе изъ конторы книгоиздательства Н. Глаголева на **1** рубль и болѣе за пересылку **не** платятъ.—Съ требованіями просятъ обращаться по адресу: **Контора книгоиздательства Н. Глаголева, С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.**